

СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ

Дело поэта не в том, чтобы выдумывать небывалую интригу, а в том, чтобы происшествие, даже невероятное, объяснить законами жизни. А.Н.Островский

Глава первая

Леночка знакомится с Королевым

В круговорот событий, о которых пойдет речь, семья Ковригиных была втянута обычным телефонным звонком.

Впрочем, семья Ковригиных невелика, может быть, именно этим и объясняется, что она стала жертвой тех тайных и темных сил, которые подчас могут оказаться страшнее даже циклонов и землетрясений. Состояла семья Ковригиных всего из двух человек — Марии Сергеевны и ее дочери Леночки. Об отце — Викторе Степановиче Ковригине — Леночка знала только со слов матери.

Когда дочь была маленькой, Мария Сергеевна много рассказывала ей об отце. Но чем старше становилась Леночка, тем скупее делались рассказы матери. После смерти мужа она стала суховатой, замкнутой, и даже любимой дочери нелегко было заглянуть в глубину ее сердца.

И все — таки сильное, неостывающее чувство к мужу, которое пронесла через годы Мария Сергеевна, передалось и дочери. Леночка восторженно любила отца, которого не помнила, но представляла как живого, таким, каким он смотрел на нее с фотографий.

Судя по снимкам, это был рослый, широкий в плечах человек, с большим покатым лбом, с узкими насмешливыми глазами, слегка курносый и всегда улыбающийся. Леночка не могла представить его себе без улыбки. Так улыбаться мог только добрый человек.

Так же как и Мария Сергеевна, Ковригин был математиком, они и познакомились при поступлении в университет. Родился он в деревне под Барнаулом и любил иногда похвастаться, что он "из сибирских мужиков". "Думаем медленно, но когда уж надумаем, — все, закон, чистая математика". Он слатывал иногда окончания слов, вспоминала мать, говорил правильно, но ему нравился родной деревенский говор, у него получалось: "думаю медленно", "чиста математика".

Своими способностями он с детства поражал окружающих, но о том, что Витька Ковригин станет когда — нибудь ученым, никто в деревне, конечно, не помышлял. Он свободно делил и множил в пределах тысячи задолго до того, как выучил азбуку, а в школе, случалось, решение задачи находил раньше, чем учитель успевал

объявить все условия задачи. Но когда он собрался в Москву, никому не верилось, что Витька Ковригин обретет там признание. В университет он вошел этаким бычком, в яловых сапогах, в заштопанном люстриновом пиджачке, а по конкурсу прошел первым, экзамены сдал так, что преподаватель долго у него домогался, какой же это педагог знакомил абитуриента с дифференциальными исчислениями.

Он и Марию Сергеевну привлек к себе своей одаренностью. Она тоже была талантлива, и ей, не в пример Ковригину, с детства пророчили блестящую будущность. Она родилась в семье коренных русских интеллигентов, многими поколениями связанной с Казанским университетом. Она училась в десятом классе, а мыслила смелее и решительнее своих учителей. Родителям, как это нередко бывает, дочь чем — то напоминала Ковалевскую; с Лобачевским, хотя тот, как и Маша, тоже был казанец, сравнивать ее они все же не осмеливались. Поэтому вся Казань — и школьные учителя, и многие университетские преподаватели с одобрением проводили ее в Москву, именно в Москве ей следовало показать, на что способны казанцы.

На конкурсных испытаниях Машу встретили в Московском университете с таким же недоверием, как и Ковригина; если Ковригин вызывал недоверие своей неуклюжестью и совершенным неумением вести себя на людях, Маша была слишком хороша собой, трудно было поверить, будто такая красивая девушка способна целиком отдаться науке.

Однако эти опасения рассеялись после первого же экзамена.

Их приняли в один и тот же день, на одно и то же отделение.

Оба были беспредельно увлечены своей наукой, это их и сблизило, их повлекло друг к другу, как железо к магниту, хотя трудно было сказать, кто из них железо и кто магнит. Впрочем, магнитом скорее был Ковригин, он был наивнее, неподвижнее, замкнутее, кроме того, он дичился решительно всех, кто не был причастен к математике. Маша была разностороннее, образованнее, круг ее интересов был гораздо шире, чем у Ковригина, она любила музыку, стихи, спорт. Ковригин ходил на лыжах лучше Маши, но не понимал, как можно ходить на лыжах не по делу, а просто так, для удовольствия, ради спорта.

Маша говорила товарищам, что Ковригин талантлив, но что его надо шлифовать, мысли его значительны, но он не умеет их высказать, не умеет придать им литературную форму, без которой в наше время трудно добиться признания даже самому большому ученому.

Никто не удивился, когда Маша и Виктор поженились, они хорошо дополняли друг друга. Товарищи прозвали их "супругами Кюри". Они вместе учились, интересовались одними и теми же проблемами и уже в университете готовились к совместной

деятельности. Оба избрали своей специальностью математическую физику, ту сложную и тонкую область науки, где математика граничит с физикой, с той теоретической физикой, которая предопределила многие технические чудеса нашего времени.

По окончании университета обоих Ковригиных оставили при кафедре теоретической физики, и это ни у кого не вызвало ни удивления, ни зависти, — кого ж было и оставлять для научной работы, как не Ковригиных!

К тому времени у них появилась Леночка. Не прошло двух лет, как Ковригин защитил кандидатскую диссертацию, защитил не просто успешно, а с большим блеском, от прежней застенчивости в нем не осталось и следа, работу его не только напечатали в одном из самых солидных научных советских журналов, но перевели и опубликовали в Берлине, Лондоне и Париже. Имя молодого ученого стало известно за рубежом. Успеху Ковригина много способствовала его жена, это она изо дня в день шлифовала его стиль, но защита диссертации самой Маши Ковригиной тоже была не за горами.

Ковригин защитил диссертацию в начале 1941 года, свою Маша должна была защитить в июне, в августе они собирались поехать в Ялту, отдохнуть после двух лет напряженного безостановочного труда.

Но только — только успела Мария Сергеевна Ковригина защитить диссертацию, началась война. Учебные и научные заведения были тут же эвакуированы из Москвы. На всех научных работников, и в том числе на Виктора Степановича Ковригина, была получена бронь. Но Мария Сергеевна недаром говорила, что ее муж — образец честности и благородства. "Сибирские мужики, — сказал он, — не привыкли отсиживаться в кустах" Он отказался от брони и ушел на фронт. "Ты, Маша, на меня не обижайся, — сказал он. — Мне бы не хотелось, чтобы мои дети задавали вопросы, на которые неудобно ответить" Поскольку он был математиком, его направили в артиллерийскую часть. Сперва его назначили командиром орудийного расчета, а позже командиром батареи. "Познакомлюсь лично с берлинскими математиками, докажу им, как они просчитались, и вернусь, — неизменно твердил он в своих письмах. — Мы еще, Машенька, погуляем с тобой в Ялте" Но погулять в Ялте ему не пришлось, как не пришлось познакомиться с берлинскими коллегами, — в апреле 1945 года Виктор Степанович Ковригин был убит при штурме крепости Кенигсберг.

Сама Мария Сергеевна годы войны провела вместе с Леночкой в Казани. Там жили родные, там легче было устроиться. Но легкость эта была весьма относительная. Ей, правда, удалось

устроить Леночку в детский сад, но сама она работала в университете и регулярно дежурила то в детском саду, то в военном госпитале, а в 1942 году, когда все особенно было напряженно и тревожно, в течение чуть ли не целого года ходила работать в ночную смену на оборонный завод, тоже эвакуированный в Казань.

В Казани она и познакомилась с академиком Глазуновым, — в те годы он был еще только членом — корреспондентом, мировая известность пришла к нему спустя несколько лет по окончании войны, когда его работы сделались достоянием широких научных кругов. Но уже и в те годы авторитет Глазунова был очень велик.

Это был ученый уже вполне советской формации, сравнительно еще молодой, смелый до дерзости и яростно ненавидевший педантов и начетчиков в науке. Чистый теоретик, он хотел, чтобы из его теоретических заключений еще при его жизни были сделаны практические выводы, — теория, которая не пролагает пути практике, не стоила, по его мнению, ни гроша.

Он открыл новые законы акустики, и когда на основе его теоретических умозаключений удалось значительно усовершенствовать радиолокационные приборы, он самолично понесся чуть ли не через всю страну, чтобы присутствовать при их испытании.

Глазунов неустанно интересовался всеми новыми работами в области теоретической физики. Исследования молодых Ковригиных оставили зарубку в его памяти, и, встретив в Казани Марию Сергеевну, он сразу же предложил ей идти работать в одну из своих лабораторий.

Направление Глазунова в науке не вполне совпадало с темой, избранной Ковригиными, однако по широте и глубине исследований Глазунов был как бы неким солнцем, вовлекавшим в свою орбиту самых разнообразных спутников.

Несмотря на привлекательность предложения, Мария Сергеевна ответила уклончиво:

— Я должна посоветоваться с мужем, мы работали вместе и после войны вместе собираемся продолжить прерванные исследования.

Глазунов ее понял и не стал торопить.

— Разумеется, — согласился он. — Время терпит. Но как только у вас и вашего мужа появится желание поработать вместе со мной, помните, двери моего института для вас распахнуты.

В то время, когда происходил этот разговор, советоваться Марии Сергеевне было уже не с кем — через несколько дней после своего разговора с Глазуновым она получила похоронную.

Внешне она приняла смерть мужа довольно спокойно, не плакала на глазах у людей, не бросила работы, — родные ее в разговорах между собой решили, что за четыре года разлуки Маша отвыкла от мужа и, будучи женщиной молодой, красивой, и при этом

еще с определенным положением в обществе, вскоре найдет себе человека по душе и выйдет за него замуж.

Впрочем, так думали не только родные, а и многие окружающие ее мужчины, но едва лишь один из претендентов на ее руку осмелился высказать свое желание, как тут же услышал такие холодные слова, что сразу утратил всякие надежды:

— Лучше Виктора Степановича вы для меня быть не сможете, а хуже его мне не нужен никто

Большинство ее знакомых за глаза стали называть Ковригину "сухарем", "синим чулком" и "айсбергом", а меньшая часть воображала, будто Мария Сергеевна питает какие-то чувства к Глазунову, они шли в своих предположениях даже дальше, хотя на самом деле для этого не имелось никаких оснований.

После смерти мужа Марии Сергеевне советоваться было не с кем, и она послала Глазунову письмо с согласием работать в его институте, который к тому времени уже возвратился в Москву.

К моменту, с которого начинается наш рассказ, Мария Сергеевна давно уже имела звание доктора наук, по праву считалась одним из самых доверенных и ближайших сотрудников Глазунова и, несмотря на свою привлекательность и видное общественное положение, жила по-прежнему лишь вдвоем с Леночкой в отдельной квартире неподалеку от университета, в новом Юго-Западном районе Москвы.

Леночка к этому времени стала красивой, привлекательной девушкой. Ей только что сровнялся двадцать один год, и она заканчивала третий курс медицинского института.

Мать и дочь любили бывать вместе. Их связывали не только родственные отношения, но и дружба, сближало душевное целомудрие, общность интересов, одинаковые взгляды на жизнь и незримое присутствие в их жизни Ковригина. Их даже принимали иногда за сестер, тому способствовала молодость Марии Сергеевны, хотя характерами они сильно отличались друг от друга.

В характере Марии Сергеевны многое можно было объяснить пережитым ею горем, она была сдержанна, терпелива, немногословна, от нее всегда веяло холодком, но в то же время она была энергична, настойчива, прямолинейна, умела поставить на своем и умела подчинять себе Леночку.

Наоборот, Леночка была очень эмоциональна, порывиста, даже несколько неуравновешенна; общительная и доверчивая, она любила бывать в обществе и почти ко всем людям относилась с нескрываемым дружелюбием.

У Марии Сергеевны и Леночки стало обычаем встречаться дома за обедом. К вечеру, часам к шести-семи, они обязательно сходились за столом, это было их любимое время.

В тот вечер, с которого начинается наш рассказ, они ели за

столом нажаренную Леночкой навагу и вели ничем не примечательный разговор.

Мария Сергеевна рассказывала что — то о своих институтских делах, а Леночка тараторила обо всем сразу: о подругах, экзаменах, предстоящем приезде Вана Клиберна, концертах, спорте, Лужниках, прыжках в высоту и о каких — то необыкновенных пирожных

Сидели, по обыкновению, в кухне, которая стараниями обеих женщин была превращена в самый уютный уголок в доме. Здесь стоял крытый белой эмалевой краской буфет, на белых кухонных полках поблескивала зеленой глазурью украинская керамика, окно прикрывали веселые ситцевые занавески, а на столе в синей хрустальной вазе никогда не переводились живые цветы.

Мария Сергеевна выжала ломтик лимона на остатки наваги и посмотрела на дочь.

— Мне кажется, ты злоупотребляешь занятиями в бассейне, — неодобрительно сказала она. — На носу экзамены, а ты столько плаваешь

— Но, мамочка! — перебила ее Леночка. — Ты сама знаешь: в здоровом теле здоровый дух!

Мария Сергеевна покачала головой.

— Я боюсь, как бы этот дух не нахватал на этот раз двоек!

— Но, мамочка! — перебила ее опять Леночка. — Когда же это случилось?..

И тут — то и раздался телефонный звонок, который выбил Ковригиных из размеренной колеи их жизни.

Телефонный аппарат находился в комнате Марии Сергеевны.

— Я сейчас, мамочка! — воскликнула Леночка. — Вероятно, это меня!

Она побежала к телефону.

— Слушаю, — сказала она, снимая трубку. — Вас слушают!

— Мне нужно Елену Викторовну Ковригину, — негромко, но четко произнес незнакомый Леночке мужской голос.

— Я вас слушаю, — повторила Леночка. — Я у телефона.

— Я попрошу вас не удивляться и ничего не отвечать, пока вы не выслушаете меня до конца, — продолжал тот же голос. — Дело идет о спокойствии вашей матери. Не говорите ничего, пока не узнаете, в чем дело. Ей угрожают серьезные неприятности, но с вашей помощью она могла бы их избежать. Вы слушаете меня?

— Да — да, — отозвалась Леночка. — Продолжайте

— Я сослуживец вашей мамы, но сейчас я себя не назову. Не нужно тревожить вашу маму, она ничего не должна знать. Вы не могли бы со мной встретиться?

— Конечно, — сказала Леночка и почему — то смутилась, настолько необычен был этот телефонный разговор. — Но только

где?

— Вы не могли бы приехать — Незнакомец на секунду замолчал, по-видимому, он размышлял, куда бы ее пригласить. — Вы не могли бы приехать Ну, скажем, в сквер к Большому театру? Поверьте, это очень серьезно. Мы встретимся, и я вам все объясню.

Речь шла о спокойствии, а может быть, и благополучии мамы — Леночка без размышлений согласилась с предложением незнакомца.

— А когда? — нетерпеливо спросила она.

Незнакомец тут же предложил:

— Вы не могли бы приехать сейчас?

— А как я вас узнаю?

— Я сам подойду к вам, — ответил ей таинственный сослуживец Марии Сергеевны. — Я знаю и вашу маму, и вас.

— Хорошо, — сказала Леночка. — Я сейчас приеду.

— Значит, в сквере у Большого театра, — повторил незнакомец, — Вы будете добираться, вероятно, минут тридцать. Но только не вздумайте что-либо сказать своей маме, вы ее взволнуете и принесете только вред.

— Хорошо, — повторила Леночка. — Я все поняла. Буду у Большого театра через тридцать минут.

Леночка надела в передней пальто и зашла в кухню.

— Кто это звонил? — спросила Мария Сергеевна.

— Один знакомый, — сказала Леночка.

— А куда это ты собралась?

— К нему и собралась, — сказала Леночка. — Мне надо с ним увидеться.

— Что это уж и за знакомый? — удивилась Мария Сергеевна. — Такая скоропалительность!

— Это деловое свидание, — уклончиво отозвалась Леночка, натягивая перчатки.

— А Павлик? — напомнила Мария Сергеевна.

— Что "Павлик"?

— Вы, кажется, уговаривались пойти в кино?

— Это не обязательно — Леночка слегка улыбнулась.

Подождет — Она помахала на прощанье рукой. — Не беспокойся, скоро вернусь!..

И куда Леночка едет в поезде метро от станции "Университет" до станции "Проспект Маркса", придется сказать несколько слов о Павлике, поскольку он играет в этом рассказе тоже немаловажную роль.

Автор несколько отступил от истины, сказав, что семья Ковригиных состояла всего из двух женщин, — к моменту, с которого начинается наш рассказ, она снова почти что уже состояла из трех человек, и этим третьим был Павел Павлович Успенский, или Павлик, как звали его и сама Леночка, и его будущая теща.

Павлик был несколько наивен, упрям, иногда заносчив и даже грубоват, но тем не менее он сразу же понравился Марии Сергеевне, когда Леночка привела его в дом и представила матери. Наивен и упрям, но не потому, что недалек, а потому, что честен; заносчив и грубоват, но не потому, что самовлюблен, а потому, что убежден в своей правоте. Да, понравился! Ему не хватало, конечно, и жизненного опыта, и осмотрительности — ну а кому хватает их в двадцать семь лет?

У него было открытое лицо с жестковатыми чертами, ясные голубые глаза, смешливые пухлые губы, не утратившие еще какой-то детскости, и пышные, закинутые назад русые волосы.

— Знаете что, Павел Павлович? — сказала ему как-то в начале знакомства Мария Сергеевна. — Если вы действительно хотите дружить с нами всерьез, не торопитесь

Он понял ее.

— А я и не спешу, — заверил он Марию Сергеевну. — Но у меня к вам тоже просьба. Не надо Павла Павловича, зовите меня просто по имени

Но больше всего Павлик нравился Марии Сергеевне, пожалуй, тем, что чем-то напоминал Виктора Степановича, — не спорил по мелочам, ни в чем не скрывал своей заинтересованности и хотел нравиться не всем людям на свете, а лишь тем, кто нравился ему самому, — в его характере было много черт, свойственных всякому настоящему мужчине.

Леночка познакомилась с Павликом в институте — она училась на первом, он — на последнем курсе. Впервые они разговорились не то в буфете, не то в коридоре у стенгазеты, они не могли точно вспомнить, где состоялось их знакомство.

Влюбленным покровительствовала судьба: Павлика оставили после окончания института в Москве. Сам он ничего не предпринимал, чтобы остаться в столице, он заранее соглашался с любым решением комиссии по распределению выпускников. Но комиссия без каких бы то ни было просьб и ходатайств решила оставить выпускника Успенского в столице. Его дипломная работа о применении изотопов в медицинской диагностике свидетельствовала о том, что он не напрасно посещал клинику профессора Вейсмана. Не так уж много студентов посвящали себя изучению изотопов, и врачу, избравшему такую специальность, следовало поработать в столичных клиниках, чтобы полностью овладеть предметом.

Больница, в которой работал молодой врач и рядом с которой

жил, находилась на Красной Пресне. Для того чтобы добраться до Леночки, ему каждый вечер приходилось проделывать длинные концы в трамвае, в троллейбусе и в метро. Времени на это уходило много, и все — таки редкий день проходил без того, чтобы Павлик не навестил Ковригиных.

Однако Леночка как будто не слишком ценила эти усилия, потому что сама не так уж часто появлялась дома много раньше Павлика — собрания, заседания, соревнования, у нее всегда находилось множество уважительных причин, и Мария Сергеевна, коротавшая в таких случаях время с Павликом, иногда упрекала дочь:

— Смотри, отобью у тебя поклонника!

На что Леночка, смеясь, отвечала:

— Пожалуйста, пожалуйста, своей матери я поперек дороги не стану!

Вот об этом — то Павлике и завела речь Мария Сергеевна, когда Леночка внезапно собралась на свидание с каким — то своим знакомым.

Леночка поднялась на площадь Свердлова в то самое время, когда поток московских зрителей устремляется вечером в театры.

Она осмотрелась по сторонам и перебежала площадь.

Майские сумерки окрашивали здание Большого театра, людей и растения в голубоватые тона. Было прохладно, но все скамейки в сквере были заняты. Леночка подумала, что она правильно поступила, надев пальто. Даже в пальто ей было свежо. Она вглядывалась в прохожих, будто знала, с кем ей предстоит встретиться, поймала себя на мысли, что этого — то она и не знает, растерянно посмотрела вокруг себя, увидела, как на одной из скамеек освободилось место, и поспешила его занять.

Она принялась сосредоточенно рассматривать клумбу. Клумба была покрыта только что высаженными в грунт исчерна — синими и темно — лиловыми бархатистыми анютиными глазками. Эти цветы напоминали ночных тропических бабочек. Никто к ней не подходил. "Дурацкий розыгрыш, — подумала она. — Кому это вздумалось подшутить? И так глупо подшутить! Сыграть на моем чувстве к матери

" Она решила подождать еще десять нет, пятнадцать минут и уйти.

— Елена Викторовна? — неожиданно услышала она над своей головой негромкий, но отчетливый и уже знакомый ей голос.

Она так и не заметила, как он подошел.

Леночка подняла голову. Он стоял перед нею.

Она сразу поняла, что это не розыгрыш. Он стоял перед нею, серьезный, внимательный и даже почтительный. Ну не юноша, но, в общем, молодой еще человек, лет тридцати, не больше. В первое мгновение он Леночке не понравился. Она всех людей делила на круглых и квадратных, это было какое — то ее особое, личное

определение, придуманное ею еще в детстве. Круглые были хорошие — ласковые, мягкие, мысленно их можно было даже погладить, а плохие квадратные — угловатые, жесткие, неудобные. Сперва появившийся перед ней человек показался ей квадратным, но через минуту она поняла, что он круглый. Он стоял перед Леночкой вытянувшись, точно перед начальством, взгляд его был застенчив и слегка вопросителен. Было видно, что это очень воспитанный человек. Вежливый и ласковый.

— Да, это я, — сказала она, вставая.

— Очень рад, — сказал тогда незнакомец. — Я видел вас раза два, но издали. А теперь вижу вблизи. Вы похожи на свою маму.

Он протянул Леночке руку, и, хотя она ничего еще от него не услышала, она крепко ее пожала и сразу перешла на деловой тон.

— Что вы хотели мне сказать?

— Только не здесь

— Незнакомец еле заметно улыбнулся. — Пойдемте.

Леночка недоверчиво на него посмотрела.

— Куда? — И тут же решительно заявила: — Я никуда не пойду!

— А я вас никуда и не зову, — сказал незнакомец. — Просто пойдем куда-нибудь в сторону, где поменьше народа. Не нужно, чтобы нас кто-нибудь слышал.

— Я никуда не пойду, — сердито повторила она. — Мне вообще не следовало приходиться.

— А это уж вы решите сами, — вежливо сказал незнакомец. — Перейдем в сквер против "Метрополя", там меньше публики и можно спокойно поговорить.

Молча и не спеша пересекли они площадь. Со стороны трудно было предположить, что это незнакомые люди. Леночка искоса рассматривала своего спутника. Отлично сшитый костюм из серой ворсистой ткани, нарядные, в меру узкие черные ботинки из мягкой кожи, какие купишь далеко не в каждом обувном магазине, бордовые тонкие носки и

Леночка подняла глаза

и

такого же цвета галстук

"Парень со вкусом, — подумала Леночка и поглядела ему в лицо. — Красивый парень. Открытый лоб, строгие серые глаза, волевые губы

С таким

можно куда угодно пойти!" В сквере против "Метрополя" публики действительно было немного.

Незнакомец подошел к свободной скамейке, вежливо подождал, пока сядет Леночка, и сел сам.

— Так я слушаю, — повторила она еще раз. — Что же вы хотите сказать?

—

Вот

теперь

скажу

— Незнакомец

слегка ей поклонился. — Но прежде я должен извиниться, я вас обманул, я не сослуживец вашей мамы, она обо мне даже не слышала.

Тогда Леночка подумала, что человек этот просто искал предлог, чтобы познакомиться с нею самой, и решила тотчас уйти, как только он об этом скажет.

— Но встретился я с вами именно для того, чтобы обезопасить вашу маму от грозящих ей неприятностей, — продолжал он, словно угадав мысли Леночки. — Вы комсомолка, и я могу вам открыть то, что не следует знать каждому встречному — поперечному.

Он испытующе посмотрел Леночке в глаза, точно еще раз хотел убедиться, что ей можно довериться. Да, он колебался: говорить или не говорить. Леночка ощутила это совершенно отчетливо.

— Видите ли, Елена Викторовна, я сотрудник органов государственной безопасности, зовут меня Королев, Петр Васильевич Королев, — не спеша и даже будто бы нерешительно произнес ее новый знакомый. — Мы не пригласили вас к себе, не вызвали, так сказать, официально, чтобы не привлечь внимание

Королев тут же оглянулся, точно они и впрямь могли привлечь чье-то внимание, и у Леночки сразу стало тревожно на душе.

Затем он вынул из бокового кармана пиджака маленькую книжечку в красном сафьяновом переплете.

— Вот мое удостоверение, — сказал он, подавая его Леночке.

— Да нет, зачем же, — сконфуженно пробормотала Леночка. — Я вам верю

— И напрасно, — назидательно сказал Королев. — Все — таки посмотрите для порядка.

Леночка раскрыла книжечку, и там действительно было написано, что капитан Королев является сотрудником Комитета госбезопасности, стояли печать и подписи

Леночка вернула удостоверение.

— Я вам и так поверила, — еще раз сказала она. — Пожалуйста, говорите.

— Елена Викторовна, поскольку вы комсомолка, и, как нам известно, хорошая комсомолка, мы решили просить у вас небольшой помощи

Какой-то гражданин в зеленой, не по сезону теплой велюровой шляпе и с рыжим портфелем в руке опустился на скамейку рядом с ними.

Королев замолчал — могло показаться, что он задумался. Гражданин закурил. Леночка чертила песок каблучком. Гражданин с портфелем затянулся папирсой и поглядел на них.

— Извините, — произнес он и усмехнулся. — Я не буду мешать

Поднялся, затянулся еще раз, бросил папиросу в урну и удалился.

— Вот видите, как все хорошо, — облегченно сказал Королев. — Даже прохожие не хотят нам мешать

— Он улыбнулся, похлопал рукой по карману и осведомился: — Вы не курите?

— Нет—нет, что вы!

— Почему? — возразил Королев. — Медики все курят.

Леночка еще раз отрицательно покачала головой и вопросительно поглядела на Королеву.

— Так что ж? — снисходительно спросил он. — Вернемся к нашему разговору? — И засмеялся дружественным и каким—то успокаивающим смехом. — Видите ли, Елена Викторовна, дело у нас к вам Как бы это выразиться Несколько щекотливое Надеюсь, вы меня понимаете?

— Нет, — сказала Леночка. — Нет, пока еще ничего не понимаю.

— Так слушайте, — сказал Королев. — Но помните: о том, что я вам скажу, никто не должен знать, ни один человек. Ни ваша мама, ни ваши подруги, ни даже ваши товарищи по комсомолу. Вы понимаете?

— Да, — сказала Леночка. — Это я понимаю.

— Так вот

Королев вздохнул, как бы набираясь сил для того, чтобы сказать что—то очень важное. — Ваша мама работает с академиком Глазуновым Даже не так. Товарищ Ковригина да еще, пожалуй, профессор Федорченко — ближайшие сотрудники Глазунова. В настоящее время Глазунов Или он сам, или кто—либо из его сотрудников Словом, в его институте сделано крупное открытие.

Леночка настороженно взглянула на Королеву.

— Нет—нет, я не спрашиваю вас об этом открытии, — успокоил он ее. — Мы знаем о нем больше, чем вы, а вполне возможно, что вы о нем вообще ничего не знаете. Но дело в том, что об этом открытии стало известно разведке одной капиталистической страны. И она сейчас с совершенно определенными целями очень интересуется Глазуновым и его сотрудниками. Очень активно интересуется. Мы должны, с одной стороны, обезопасить наших людей, а с другой — выловить вражескую агентуру. И вот в этом деле вы можете нам помочь.

— Я не понимаю вас — растерянно сказала Леночка. — Что же я могу? Я действительно

— Минуту терпения, — прервал ее Королев. — Нащупать вражескую агентуру не так — то просто. Они, конечно, будут кружить где — то возле Глазунова, возле Федорченко, возле вашей мамы. Не можем же мы взять на подозрение всех людей, с которыми общаются Ковригина или Глазунов. Но среди них могут оказаться и те, кто нас интересуется. Вот мы и хотим просить вас вести наблюдение за всеми, кто встречается с вашей мамой. В институте у нас есть к кому обратиться, а вот дома Это можете сделать только вы. Поэтому единственное, о чем мы вас просим, поменьше отлучаться из дома, брать на заметку всех, кто у вас бывает, и информировать об этом нас.

— А как же я буду информировать? — спросила Леночка. — И если не о чем будет информировать?

Королев снисходительно усмехнулся.

— Вы просто должны сообщать обо всем, что произошло у вас за день. А это уж наше дело разобраться, что в вашем сообщении заслуживает внимания, а что нет. И поскольку связь с вами поручена мне, я и буду вас вызывать

Леночка была подавлена.

— Но позвольте, — возразила она. — Чем моя мама может интересовать иностранную разведку?

— А это уж надо спросить иностранную разведку, — сказал Королев. — Надо полагать, кое — какие основания для такого интереса все — таки есть.

— Но моя мама никогда никому и ничего не расскажет о том, о чем нельзя рассказывать.

— А иностранная разведка в этом, очевидно, не уверена, — заметил Королев.

— Хорошо, мне все ясно, — решительно сказала Леночка, беспокойно поглядывая на кусты, ставшие совсем черными в свете вспыхнувших на площади фонарей. — А где же я должна с вами встречаться?

— Я буду звонить вам по телефону и каждый раз назначать место, куда вам следует прийти. — Он протянул ей руку. — Договорились?

Леночка неуверенно прикоснулась к его руке.

— Как же так? — упрекнул ее Королев. — Вы, кажется, колеблетесь? Да вы не волнуйтесь, это дело всего двух — трех недель. Те, кто сует нос не в свое дело, будут задержаны, и ваша жизнь снова войдет в обычную колею.

На мгновение он задумался.

— Кстати

вспомнил он. — Ваша мама берет на дом работу из института?

— Что вы! — воскликнула Леночка. — У них там на этот счет очень строго. Даже меня не пускают в ее лабораторию.

На этот раз улыбнулась Леночка. Ей было понятно: Королев задал свой наивный вопрос нарочно, чтобы проверить, насколько бережно относится ее мама к хранению служебных документов.

— В таком случае все, — сказал Королев. — Будем считать, что знакомство состоялось, поручение я вам передал. И запомните, что наши отношения — тайна. Это проверка вашей комсомольской зрелости.

Королев взял Леночку под локоть и помог ей подняться.

— Надеюсь, вы не обидитесь, если я не пойду вас провожать? — спросил он. — Меня ждет начальство, я обязан доложить о нашем свидании.

Он поклонился и как будто нехотя отпустил руку Леночки. Она повернулась и быстро побежала к метро.

Смуглые женщины метались перед входом в метро с пучками желтых и красных тюльпанов.

— А вот дешево! А вот цветы! — кричали они.

Не торгуясь, Леночка купила несколько тюльпанов и кинулась вниз по эскалатору.

Леночка возвращалась домой в большом волнении. Пожалуй, ее больше расстроило не то, что она услышала от Королева, сколько необходимость скрывать все это от своих близких. Что она им скажет? Во всяком случае, врать не будет. Не умеет и не будет. Просто она ничего не скажет. Она взрослый человек, и это ее право — говорить или не говорить. Она не может говорить. И не хочет. Должен же быть у них какой-то такт? Они не должны ее спрашивать, пока она сама не захочет сказать

Вот в таком возбужденном состоянии она и вернулась домой.

Павлик ждал ее в комнате у Марии Сергеевны. В темноте светился лишь зеленый глаз радиоприемника. Мать и Павлик сидели на тахте и слушали концерт.

— Господи, опять этот хор! — с досадой крикнула Леночка. — Неужели не надоело?

Мария Сергеевна молча выключила приемник и зажгла люстру. Комнату залило ярким светом.

Леночка протянула матери тюльпаны и села рядом с Павликом.

— Откуда это? — спросила Мария Сергеевна, кивая на цветы.

— От поклонника! — воскликнула Леночка. — Откуда же быть цветам?

— Ох уж мне эти шутки, — буркнул Павлик. — Неужели ты не можешь быть посерьезнее?

— А я не шучу! Я на самом деле была на свиданье!

— И, конечно, на деловом? — язвительно заметил Павлик.

— Конечно, — решительно подтвердила Леночка. — На деловом, с интересным молодым человеком, и больше ты ничего, ничего от меня не услышишь! Глава вторая Государственная служба информации Роберт Джергер никогда не предполагал, что станет шпионом

Родился он в Лос-Анджелесе, в респектабельной и обеспеченной семье. "Сулливэн и Джергер" — солидная адвокатская фирма. В течение четырех поколений все Джергеры были адвокатами. Самые удачливые пробирались в правления крупных банков или торговых корпораций, а дядя Джошуа попал даже в палату представителей.

Но когда в семье возник вопрос о будущем Роберта, родственники сошлись на том, что для него предпочтительнее избрать военную карьеру.

За последнее время адвокаты упали в цене. С каждым годом все больше преуспевали военные. Не те, что проливали кровь на полях сражений, а те образованные и дальновидные офицеры, которые сидели в штабах. Именно они, планируя войны, обеспечивали дивиденды могучих промышленных концернов. Они быстро продвигались в чинах и, достигнув звания генерала или полковника, тут же устремлялись в политику. Появился даже термин "политический генерал". Такие генералы оттирали на задний план самых преуспевающих адвокатов.

Роберт был серьезным мальчиком и вполне мог занять достойное место в жизни. На семейном совете было решено, что по окончании средней школы мальчик поступит в военную академию.

В академии Джергер отличался и способностями, и прилежанием. Он успешно переходил с курса на курс, рассчитывая после окончания академии два — три года отбыть на строевой службе, а затем с помощью знакомств и связей устроиться на штабную работу, под крылышко какого — нибудь преуспевающего политического генерала.

Но человек предполагает, как говорится, а бог располагает.

Тысячи юношей и девушек обращаются по окончании своих колледжей в разведывательное ведомство с просьбой принять их туда на работу. Но редко кто из них в это ведомство попадает. Из тех, кто рвется в разведку, разведчиков обычно не получается. В разведку обычно рвутся романтики, искатели приключений, любители легкой жизни или легких заработков, а то и просто авантюристы.

Разведывательное ведомство само подбирает своих сотрудников, ответственные руководители ведомства тщательно присматриваются к выпускникам учебных заведений, производя

самый скрупулезный отбор. Разведка — это не калейдоскоп романтических приключений, а кропотливый, утомительный труд, поглощающий все способности, мысли и чувства своих работников.

Некий скромный и мало чем примечательный офицер, один из ассистентов при кафедре военной истории, давно уже наблюдал за Робертом Джергером. Стройный и крепкий юноша отличался большой физической выносливостью. Учился он хорошо, хотя брал скорее педантизмом, чем талантливостью. Слыл человеком думающим, но в споры вступал неохотно, не отличался чрезмерным тщеславием и любил действовать наверняка. Редко принимал участие в студенческих вечеринках, воздерживался от употребления алкогольных напитков и почти не ухаживал за девушками. Возможно, его нравственные нормы определялись его религиозностью, все Джергеры слыли ревностными пресвитерианцами. В Лос-Анджелесе у Роберта была невеста, девушка из хорошей семьи, на которой он предполагал жениться по окончании академии и которой регулярно каждое воскресенье отправлял короткое вежливое письмо. Он был малообщителен, но умел понравиться тем, от кого зависели его успехи, и, что особенно важно, юный Роберт отлично понимал силу денег и питал к ним, можно сказать, врожденное почтение.

Достоинства и недостатки Джергера были тщательно взвешены, и ему предложили работать в SSI (State Service of Infomation — Государственная служба информации).

Окончив академию, он еще на год отложил свадьбу и поступил в особое учебное заведение, связанное с избранной специальностью.

Жениться он позволил себе лишь после того как стал штатным референтом русского отдела SSI, получив одобрение родителей и на поступление на государственную службу, и на женитьбу. Работал он не покладая рук. Русский язык и русскую литературу изучал ревностнее, чем многие филологи. В течение года служил переводчиком в туристской фирме, чтобы иметь возможность разговаривать с русскими туристами. Еще до посещения Москвы получил хорошее представление о ее театрах, выставках, исторических достопримечательностях, а во время гастролей русских танцевальных ансамблей находился в числе самых восторженных зрителей

Больше года он сидел в отделе и штудировал русскую прессу. Ему было поручено составить дислокацию советских металлургических предприятий. Он читал в провинциальной газете заметку: "В концерте художественной самодеятельности с успехом выступила формовщица Черепкова", — смотрел адрес: "Пос. Лосево Пермской области" — и отмечал: "Лосево, формовочный цех". Через несколько месяцев он в той же газете

находил сообщение о том, что "лосевские железнодорожники медлят с отгрузкой чугуновых изделий", и уточнял: "Лосево, чугунолитейный завод"

Это была скучная кропотливая работа, но когда через год Джергер положил перед начальником отдела карту Европейской части СССР со своими пометками, его удостоили официальной благодарности.

Первое оперативное задание ему поручили выполнить в Венгрии.

— Почему в Венгрии? — удивился он, выслушав приказание. — Я не изучал Венгрии и не знаю венгерского языка.

— Зато люди, с которыми вам придется иметь дело, знают английский, — сухо пояснили Джергеру.

В первые же дни после ликвидации в Венгрии контрреволюционного мятежа Джергеру предложили перелететь на самолете границу, встретиться с двумя крупными государственными чиновниками и вывезти их в Западную Германию. При этом было сказано, что беглецы обязаны оплатить эту услугу секретными бумагами исключительной важности, каждый должен был вручить Джергеру пакет с секретными данными о своем ведомстве.

— Если документов не будет — не брать, — приказали Джергеру. — Нам нужны люди действия, а не болтуны.

Ночью самолет, не имевший опознавательных знаков, пересек венгерскую государственную границу и приземлился в условленном месте. К Джергеру подбежали двое. Они бросились к нему с ликованьем. Видно, их немало помучил страх, прежде чем они дождались этого самолета.

Джергер остановил их, держа в руке пистолет.

— Документы! — потребовал он.

Один из беглецов подал пакет.

Джергер вскрыл его, проверил содержимое. В пакете оказались сведения о химических предприятиях Венгрии. Тогда Джергер отдал распоряжение:

— Господин Ласло Деменц может пройти в самолет!

— А я? — закричал второй беглец. — Я должен улететь, иначе меня схватят

— Вы — с пустыми руками! — отрезал Джергер. — Вы останетесь.

— Меня расстреляют! — взмолился второй. — Я не мог захватить документы, сейф оказался в руках рабочих

— Не знаю, — холодно сказал Джергер. — У меня инструкции.

— Что вы делаете?! — захлебывался беглец. — Меня же арестуют
Неужели вы не понимаете?!

— Господин Ласло Деменц! — поторопил Джергер венгра, вручившего пакет. — У нас мало времени.

Господин Ласло Деменц торопливо забрался в самолет.

Второй беглец бросился вслед за ним.

— Мы же друзья, друзья! — жалобно приговаривал он, цепляясь за дверцу самолета.

— Отойдите, — приказал ему Джергер.

— Нет! Нет! Как вы не понимаете, нас ищут, меня сегодня же найдут

Его невозможно было отогнать. Джергер стукнул его рукояткой пистолета по голове, и тот, громко застонав, рухнул лицом в мокрую траву.

За проведение этой операции Джергер получил вторую благодарность.

— Для вас это был, так сказать, тренировочный полет, — сказал ему начальник отдела. — Мы хотели проверить, насколько вы исполнительны и несентиментальны.

Два года спустя Джергер посетил Советский Союз в качестве туриста. Ему не дали никаких явок, никаких поручений.

— Привыкайте, — сказали ему. — Это поле ваших дальнейших действий.

Джергер не без удовольствия путешествовал по большой интересной стране. Русские относились к нему дружелюбно, и сам он относился к ним так же. Они говорили, что не хотят войны, и он говорил, что тоже не хочет войны. Он и в самом деле не хотел войны, он только хотел, чтобы люди в этой стране жили победнее, а сама страна была послабее. Тогда крупные фирмы смогут подчинить себе экономику этой страны. Равенство — плохая основа для торговли, надо иметь возможность заставлять противную сторону покупать не то, что ей нужно купить, а то, что вам нужно продать. Он ездил по России и запоминал все ее особенности

По возвращении на родину Джергера опять засадили за изучение русской прессы.

Он добросовестно корпел над газетами и ждал своего часа

И час пробил: Джергера вызвал Нобл Сам Джозеф Нобл, который все знал и все мог. Исподтишка говорили, что его побаивается сам президент.

Может быть, это было даже хорошо, что такая большая власть сосредоточена в руках такого симпатичного и добродушного джентльмена!

Общительный и доступный, он с самыми незначительными сотрудниками своего ведомства держался на короткой ноге. Он с готовностью обсуждал любую идею и не высмеивал ее автора, если

идея оказывалась несвоевременной или даже нелепой. Он любил играть в гольф и не сердился, когда его обыгрывали. Иные сотрудники обращались к нему даже со своими денежными затруднениями, и если сотрудник, по мнению Нобла, был человек стоящий, его не оставляли в беде

Однако его сотрудники знали и другого Нобла — неумолимого мистера Нобла, знали и остерегались попасть в немилость к старику, а некоторые предпочитали вообще держаться от него подальше. Случалось, что люди, привлечшие вдруг внимание мистера Нобла, исчезали так, точно они никогда и не рождались! Достаточно было президенту, королю или шейху какой — либо страны в Латинской Америке или на Востоке проявить самостоятельность, ставящую под угрозу интересы представляемого им государства, как там немедленно возникали заговоры, мятежи и перевороты, к которым сам мистер Нобл, казалось, не имел никакого отношения.

Но большинство сотрудников SSI любили старика и звали за глаза Отцом Чарльзом. Это прозвище пошло от отца Чарльза — деревенского священника, о добродетелях которого любил распространяться мистер Нобл, вспоминая о своем детстве.

И вот наступил наконец момент, когда Роберт Джергер понадобился мистеру Ноблу.

О, далеко не все удаивались получить служебное задание непосредственно от самого Нобла. Вызов к нему часто становился поворотным пунктом в судьбе сотрудника.

— Проходите, проходите, мистер Джергер, — сказала ему секретарша, не отрываясь от работы. — Патрон ждет.

Джергер осторожно открыл дверь. Отец Чарльз сидел не за письменным столом, а в зеленом кожаном кресле с подставкой для ног, стоявшем у голой стены, на которой висел лишь древний негритянский щит, обтянутый медно — бурой гиппопотамьей кожей.

— А, Робби? — приветливо произнес шеф, точно Джергер приходится ему близким родственником. — Рад видеть вас

Седой, коротко подстриженный, с добрыми зеленоватыми кошачьими глазами, в очках без оправы, с упрямым подбородком, Нобл походил на профессора Гарвардского университета.

Конечно, Джергер знал мистера Нобла в лицо, его фотографии то и дело появлялись на страницах газет и журналов. Джергер не раз присутствовал на совещаниях, которые проводил Нобл, но так вот, с глазу на глаз, он разговаривал со своим шефом впервые.

— Дайте — ка мне вон ту книжку, Робби — Прямо на полу у ног Нобла валялось несколько книг. — Мне тут надо кое — что посмотреть.

Джергер повиновался.

На полированном письменном столе лежало несколько папок, стояли бутылка с минеральной водой и флакон с желудочными таблетками. На стене против стола висела карта мира, на ней черным пунктиром были нанесены какие-то линии. У другой стены стоял узкий стол, на котором поблескивала металлическая модель подводной атомной лодки и громоздились в беспорядке книги и коробки для табака.

Нобл полистал поданный томик, отбросил его обратно на пол и, легко встав с кресла, направился к письменному столу.

— Садитесь, Робби, — пригласил он Джергера. — Что там у вас, рассказывайте.

— А что вас интересует, мистер Нобл? — неуверенно осведомился Джергер. — Я сижу на русских газетах, мистер Нобл.

— Знаю, знаю, мой мальчик, — сказал тот с обычным добродушием. — Но сегодня мы не будем говорить о газетах. Сегодня мы будем говорить о том, о чем газеты не пишут.

Нобл взял со стола трубку, сунул в рот и, не закуривая, пососал мундштук.

"Сегодня, именно сегодня решится моя судьба", — подумал Джергер. Обычно невозмутимый, он вдруг почувствовал сильное волнение. Он полез в карман за платком, чтобы вытереть внезапно вспотевшие ладони.

— Закуривайте, Робби, — предложил Нобл и пожаловался: — Мне врачи не разрешают курить.

— Благодарю, — сказал Джергер. — Я не курю.

— Верно, — вспомнил Нобл. — "Не пью и не курю". Мы придерживаемся одних взглядов. Но все-таки я, должно быть, послабее

Он испытующе посмотрел на Джергера.

— Ну а если придется, Робби? — спросил он. — И пить, и курить?

— Постараюсь, мистер Нобл, — сказал Джергер. — Думаю, что сумею.

— Вы неплохо слетали в Венгрию, — напомнил Нобл. — Это было четыре года назад, так?

— Три года и два месяца, — уточнил Джергер. — Мюнхен, Грац, Сомбатхей и обратно.

— Вы справились тогда с поручением, мой мальчик, — одобрительно сказал Нобл. — Вы обнаружили настоящую твердость духа. Это самое главное, Робби, — твердость духа и не поддаваться никаким слезливым уговорам. Стопроцентный мужчина — это мужчина без сантиментов. Вы знаете, что случилось с тем человеком?

— Я не интересовался, — сказал Джергер. — Я выполнял приказ, мистер Нобл.

— Его расстреляли, — назидательно сказал Нобл. —

Коммунисты с ним рассчитались. Он втерся к ним в доверие, а потом изменил. Он был не нужен ни им, ни нам. Не стоит жалеть людей, которые не умеют работать. Как вы думаете, Робби?

— Я тоже так считаю, мистер Нобл.

— Вот и хорошо. А не хочется ли вам, Робби, еще раз слетать в Венгрию?

— Если нужно, я могу слетать, мистер Нобл. Но, говоря откровенно, не так — то уж мне этого хочется.

— Нет — нет, на этот раз мы вас не пошлем в Венгрию, — сказал Нобл. — Вы уже достаточно повзрослели, мой мальчик!

Комплимент этот был приготовлен, вероятно, заранее; судя по медовому тону, старик приготовил для Джергера нечто весьма серьезное.

— Мы пошлем вас

— старик сделал паузу, — в Россию.

Он сказал худшее из всего, что он мог сказать. Мысль Джергера лихорадочно заработала: если это официальная или даже полуофициальная миссия, куда ни шло, но если это
С русскими шутки плохи!

— Мы даем вам очень ответственное поручение, Робби, — многозначительно сказал Нобл. — Весьма ответственное. От его успеха зависит вся ваша карьера.

Они оба помолчали; Нобл, по — видимому, ждал, что скажет Джергер.

— Это шпионаж, мистер Нобл? — осведомился Джергер.

— Нет, это не просто шпионаж, Робби, — сказал Нобл. — Это экзамен на вашу сообразительность. Упражнение для изобретательного ума. Психологический кроссворд.

— Я не понимаю, мистер Нобл.

— Вы должны выкрасть одно открытие, — жестко произнес Нобл. — Вы хорошо знаете физику?

— В общих чертах. Но я не специалист.

— Вы имеете понятие об акустике?

— Имею. Но я не специалист

— У меня нет специалистов по акустике, которые умеют решать психологические кроссворды, — отрывисто добавил Нобл. — А для того чтобы заполучить открытие, которое нас интересует, придется, возможно, и красть, и убивать. Впрочем, последнее необязательно и даже нежелательно. Но война — это война, и на войне действуют как на войне. Вы готовы к этому, Джергер?

— За серьезное дело берутся, лишь ясно представляя его во всех подробностях.

— Вы умный человек, Робби, я это знал, — мягко сказал

Нобл. — И осторожный человек, я это тоже знал. Мы сделали правильный выбор. — Он указал пальцем на карту. — Вы поедете в Москву. Мы тайно перебросим вас в Россию. Вы будете действовать совершенно самостоятельно. Если справитесь, получите повышение. Станете старшим референтом. А может быть, даже начальником отдела. В тридцать лет стать начальником отдела! Как вам это нравится, Робби?

Джергер сдержанно улыбнулся.

— Мне это не слишком нравится, мистер Нобл. Я ведь понимаю, что просто так, зазря человека не сделают начальником отдела. Зачем я нужен в Москве?

— Мы посылаем вас за золотым руном.

— А конкретно?

— В институте академика Глазунова сделано открытие, которое меняет наше представление об акустике. Открыт новый закон. На его основе в России создаются приборы, по сравнению с которыми все существующие технические средства в области радиолокации не стоят и медного гроша, как говорят русские. Но нас интересуют не столько технические новинки русских, сколько теоретическая основа этих новинок. Формулы! Формулы или формула открытого Глазуновым закона! Наши ученые сумеют обеспечить его практическую реализацию. Возьмите Глазунова в плен, узнайте все его слабости. Используйте все: самолюбие, деньги, шантаж

Если вы привезете сюда те несколько листков, которые позволят посадить наших физиков за работу, вы не только будете повышены в должности, но о вас доложат президенту. Вы получите медаль "За заслуги"

Нобл откинулся на спинку кресла и немигающим взглядом смотрел через стекла очков на своего собеседника.

Джергеру льстило, что выбор пал на него, но охоты ехать в Россию он не испытывал.

— А что получу я в России, если меня там задержат? — спросил Джергер, не скрывая иронии.

— Вас будут судить за шпионаж, — решительно ответил Нобл. — Ведь вы должны нанести серьезный ущерб обороне противника.

Джергер сосредоточенно смотрел в пол.

— Благодарю за доверие, — глухо произнес он. — Но я, пожалуй, могу обойтись без медали.

Нобл легко встал и быстро подошел к модели подводной атомной лодки.

— Как вам нравится эта штучка, Робби? — спросил он и погладил модель, похожую на серебряную сигару. — Она подо льдами пересекла полюс. Это была хорошая игра. Он поманил к себе Джергера.

— Вы видели ее в натуре?

— Нет, не приходилось.

— Такая же, только побольше, — пояснил Нобл. — Это было опасно и неопасно. Она была хорошо оснащена, но если нет твердости духа, не поможет никакое оснащение. Капитан Шинуэлл выиграл игру.

Джергер покачал головой.

— Я не Шинуэлл

— Не говорите так, Робби, не говорите! — В голосе Нобла появились нежные нотки. — “Джергер” тоже звучит неплохо. Твердость духа, и вы выиграете! Вы сами пошли в офицеры, а на войне иногда ведь и убивают. Но зато, если выиграешь, можно попасть даже в президенты!

— Я не такой уж азартный игрок, — упрямо возразил Джергер.

— А кто говорит об азарте? — удивленно спросил Нобл. — Расчет, и только расчет, — вот что обеспечивает выигрыш.

Джергер поглядел в окно. Там синело небо, подбеленное кое-где облаками. Там были простор и свет, а ему предлагали погрузиться под лед, и было неизвестно, сумеет ли он оттуда вынырнуть.

— Мы все взвесили, Робби, — продолжал Нобл серьезным и даже каким-то печальным тоном. — Вы офицер, образованный офицер, вы умный человек, у вас есть характер, вы в оригинале читаете Тургенева и Толстого, вы умеете понимать русских

— Нет, — отрезал Джергер. — Мне не нужны медали.

— А мы уже купили вам билет первого класса, — пошутил Нобл. — Не отказывайтесь, все равно мы от вас не отступимся.

Джергер посмотрел на Нобла глазами затравленного кролика и вытянулся перед ним, точно находился в строю.

— Мистер Нобл, я хотел бы знать, — вежливо спросил он, — это просьба или приказ?

— Это просьба, но если вы упрямитесь, пусть это будет приказ, — твердо сказал Нобл. — Это приказ, но мне хочется, чтобы вы выполнили его с охотой.

— Так и следовало сказать с самого начала, — неприязненно произнес Джергер. — Нравится или не нравится, но приказ приходится выполнять.

— С охотой, с охотой, Робби! — быстро повторил Нобл.

— Разумеется, мистер Нобл. Всякий приказ следует выполнять с охотой, если уж его приходится выполнять.

— Молодец, Робби! — похвалил его Нобл. — Я рад, что мы поняли друг друга.

Он подвинул к себе стул и сел с таким видом, точно собирался обедать.

— Возьмите—ка с моего письменного стола желтую папку, индекс — ВС/34, и садитесь рядом, — распорядился Нобл. — Я познакомлю вас с существом дела.

Они сидели за столом, как учитель с учеником, и, как обычно, говорил учитель, а ученик лишь изредка задавал вопросы.

— Вы будете переброшены в Россию наилучшим и безопасным путем, — объяснял Нобл. — Вы возьмете с собой лишь самое необходимое. Сразу после приземления вы уничтожите все, что может вас скомпрометировать. Люди сами по себе не вызывают подозрений, если только они не кретины и умеют держать себя в руках. Подозрение вызывают вещи, и поэтому чем меньше вещей, тем лучше. У вас будут безупречные документы. Не сторонитесь русских, помните: в личном плане каждый русский — добродушнейший человек в мире. Русские общительны, и подозрение у них вызывает лишь тот, кто их сторонится. Ваша цель — попасть в Москву.

Все было ясно, хоть и не так просто, как могло это показаться шефу, — ему самому не приходилось рисковать собой ни при каких обстоятельствах.

— В Москве начнется операция. Глазунов Открытый им новый закон как—то зафиксирован. Формула Она не лежит на виду, и люди, которые ею владеют, не собираются ни пробалтываться, ни продаваться. Здесь—то мы и должны проявить изобретательность и решительность. Должны сработать все ступени ракеты. Человек может убить человека, но только дьявол может похитить его душу, не повредив его земной оболочки.

— А не грешно ли, мистер Нобл, — с насмешкой спросил Джергер, — брать на себя дьявольские функции?

— Ни в коем случае, — возразил Нобл. — Люди, отказавшиеся от бога, прокляты богом, и дьявол выполняет божественную функцию, похищая грешника вместе с его бессмертной душой.

— Допустим, вы правы, мистер Нобл, — согласился Джергер. — Не будем вдаваться в теологические споры. Но я не очень отчетливо представляю, как все—таки можно похитить душу академика Глазунова, материализованную в виде формулы на листке бумаги.

— Это трудно, может быть, даже невозможно, — согласился Нобл. — Но если не удастся добыть формулу, придется похитить душу.

— Каким образом?

— Вместе с мясом и костями, за которыми она прячется, — раздраженно сказал Нобл. — Я потому вас и посылаю, что верю в хорошую работу вашей мыслительной машины. — Он откинулся на

спинку стула и раскрыл книгу. — И сразу же не ограничивайтесь одним Глазуновым. Его ближайшие сотрудники представляют не меньшую ценность. Глазунова сейчас вознесли и, надо думать, берегут как зеницу ока. Вот он, смотрите!

Нобл бросил на стол перед Джергером фотоснимок.

— Георгий Константинович Глазунов, — представил его Нобл. — Фотография сделана два года назад в Париже на Международном конгрессе математиков.

Джергер внимательно рассматривал человека, план охоты на которого разрабатывался, как видно, уже не одну неделю.

Моложавый человек лет сорока пяти, с умным и строгим лицом и с какой-то барственностью во всем облике, больше похожий на английского парламентария, чем на обычного русского интеллигента.

А Нобл бросал перед Джергером фотографию за фотографией.

— Жена Глазунова — Зинаида Васильевна. Моложе мужа на пятнадцать лет. Была бы светской дамой, существуй в Москве светское общество. Мужа любит, не изменяет, впрочем, как и он ей. Умеренно образованна, умеренно умна. Делами мужа не интересуется, материально вполне обеспечена. Это их дочь — Таня, двенадцать лет. Федорченко Семен Трофимович, профессор, заместитель Глазунова, коммунист, войну провел на фронте, человек неприятный, малодоступный. В университетских кругах его называют

Профессиональная память изменила Ноблу, он вытянул из папки листок и с запинкой прочел незнакомое слово "службист".

— Вам понятно это слово? — обратился он к Джергеру.

— Да, — ответил тот. — Оно встречается у русских писателей.

— А что оно означает? — поинтересовался Нобл.

— Человек, преданный службе, — объяснил Джергер. — Человек, не видящий ничего, кроме своей службы.

— С такими трудно иметь дело, — заметил Нобл и бросил поверх фотографии Федорченко еще несколько снимков. — Жена Федорченко, больная женщина, много лечится. Федорченко старше Глазунова, две его дочери замужем, живут отдельно, сын служит в армии. Ковригина Мария Сергеевна, профессор, заведует в институте отделом. Беспартийная. Немногим больше сорока лет. Вдова, муж убит на фронте. Как видите, красивая женщина. Замуж вторично не вышла, любовников не имеет. Живет вдвоем с дочерью. А вот и ее дочь, Ковригина Елена Викторовна, студентка медицинского института. Комсомолка. Двадцать один год. Храбровицкий Борис Моисеевич, ученый секретарь. Коммунист. Ведает внешними сношениями института. Холост, ухаживает за женщинами, но за пределами

института

Он выкладывал фотографию за фотографией и, памятный, как всякий профессиональный разведчик, о каждом человеке приводил какие-то данные, почти не заглядывая в папку.

— За исключением фотографии Глазунова, все снимки сделаны в Москве в прошлом году, — пояснил Нобл. — С этими людьми вам и предстоит познакомиться.

— Трудная задача, — сказал Джергер. — В качестве кого я появлюсь? Легче всего — в качестве журналиста или иностранного ученого

— Для того чтобы познакомиться, да, — согласился Нобл. — Но не для того чтобы действовать. Вы все равно не получите доступа в институт, а во-вторых, сами попадете под наблюдение. Надо разработать такую легенду, которая обеспечит вашу безопасность и позволит вам заводить знакомства.

— Глазунов исключается, — сказал Джергер, высказывая свои мысли вслух, — Федорченко, Ковригина, Храбровицкий Жены не подходят. Дети по работе не связаны с родителями — Он иронически усмехнулся. — Эзоп. "Лисица и виноград". У русских тоже есть такая басня

— Ничего, Робби, — ободрил его Нобл. — Вы не из тех лисиц, которые отказываются от винограда.

— Эзоповская лисица не отказывалась, но так его и не попробовала.

— Ей не хватило ума.

— Наоборот, она была дальновидна и не стала ждать появления хозяина виноградника.

— Изобретательность и решительность, Робби!

— А кто будет стоять настороже, когда я полезу за виноградом?

— Мы идем на большой риск, Робби

— Кто?

— Майор Харбери!

— Майор Харбери?!

— Представьте себе, Робби!

— О!

Если Джергеру придавали в помощь майора Харбери, значит, дело было стоящим и о нем действительно знают на самом верху!

Джергером в крайнем случае могли пожертвовать, но рисковать таким резидентом, как Харбери, вряд ли осмелились бы без особой санкции

Офицер военной разведки, он жил в Москве в качестве корреспондента не слишком заметной газеты. Но от него и не

требовали, чтобы он усердно занимался журналистикой, требовалось только соблюдать видимость. Со своим основным делом он, должно быть, справлялся, раз его держали в Москве.

— А если мы попадемся?

— Это не самое страшное, холодный душ пойдет только на пользу конгрессменам. Провал заставит их еще больше рассвирепеть! Но если вы привезете что — либо путное и военное ведомство передаст компании "Маклоуд и Марч" солидный заказ, я обещаю вам двадцать
даже тридцать акций этой
компания!

— А на памятник мне вы что — нибудь ассигнуете?

— Не будьте пессимистом, Робби!

Нобл собрал снимки и сложил их в папку.

— Завтра все силы будут брошены на разработку вашей операции, Робби. Как мы ее назовем?

Джергер мрачно посмотрел на Нобла.

— Дело не в названии.

— Вы правы, Робби, — согласился Нобл. — Без названия даже лучше. Важно, чтобы удалось дело.

Джергер вытянулся перед Отцом Чарльзом.

— Можно идти, мистер Нобл?

— Идите — идите, Робби! — весело напутствовал его Нобл. — Мы обеспечим вас всем, вплоть до Харбери. Счастливого вам пути!
Глава третья Чужая воля, чужое небо, чужая земля

Засылка шпиона — не будем бояться этого неприятного слова, — засылка шпиона в чужую страну всегда дело очень непростое, требующее затраты больших усилий многих опытных и умных людей.

Десятки сотрудников разведки, люди самых разнообразных специальностей, занимаются практической реализацией операции. Разработка маршрута, техническое оснащение, измышление легенды, и на всякий случай даже не одной, изготовление документов, способы связи — все должно быть предусмотрено и осуществлено в кратчайший срок, хотя многие из тех, кто занимается подготовкой подобных операций, не знают ни в чем она заключается, ни кто ее будет выполнять.

Наконец все определено, согласовано, доложено и одобрено высшим начальством

Для Джергера был избран верный и, можно сказать, наиболее безопасный способ переброски. С некоторых пор специальные разведывательные самолеты, недостижимые ни для зенитной артиллерии, ни для истребительной авиации, проникали в воздушное пространство различных стран и на больших высотах совершали полеты над их территорией. На одном из таких самолетов и решено было забросить Джергера. Если даже радарные установки засекут

самолет и будут за ним следить, приземление парашютиста должно было остаться незамеченным, а дальше все уже зависело от самого Джергера, от его выдержки, осторожности, ловкости и, хотя этот фактор специалистами не учитывается, от его счастья.

В общем, полет Джергера мало чем отличался от полета лейтенанта Пауэрса, сбитого над Уралом 1 мая 1960 года.

Восстановим в памяти обстоятельства этого полета. Пауэрс тщательно готовился к выполнению своего задания. Много раз летал вдоль советской границы, изучая условия посадки, заранее побывал в Норвегии, предусмотрел все
детали

Прибыл в Турцию, находился некоторое время на американской военно-воздушной базе Инджирлик, ждал соответствующей команды, дождался, перелетел в Пакистан на аэродром в Пешаваре, откуда и отправился в полет над советской территорией

Скучновата жизнь в восточных глухих городах. Пыль и жара, грязные базары, старые
фильмы А тут никуда
даже не пускают. Забор из проволочной сетки, через которую пропущен электрический ток. Специальная охрана. Не только никуда, но даже от товарищей по работе приказано держаться подальше. Пользуйся только тем, что специально предназначено для тебя: офицерская столовая, офицерская лавка, офицерская парикмахерская Торчи на
базе и жди отпуска! Одно утешение — приличный оклад.

Изучаешь инструкции, тренируешься на земле и в воздухе, вечером заводишь радиолу, а по ночам слушаешь, как где-то вдали кашляют и взвизгивают
шакалы

Но зато есть надежда, вернувшись домой, сразу пробиться сквозь толпу конкурентов

Накануне ночи, в которую планировался вылет Джергера, начальник особого подразделения ОТ-57/6 полковник Скотт пригласил к себе и самого мистера Джергера и капитана Хаусона, пилота специального самолета.

— Все в порядке, ребята, — сообщил он. — Санкция Метеорологического управления на полет в высшие слои атмосферы получена. Погода благоприятствует, готовьтесь. Проверьте кислородные приборы. Хаусон подает сигнал, выключает мотор и затем продолжает полет по заданному курсу. Сегодня можете выпить, хотя лично я не советую, лично я предпочитаю перед выполнением задания помолиться, а выпить после. Молитва успокаивает, виски возбуждает, а вам надо быть очень осторожными. Еще раз: проверьте все, выпитесь, и желаю вам успеха.

"Ребята" поблагодарили полковника за добрые пожелания,

проверили приборы, выпались и поднялись в указанное им время.

Друг с другом Хаусон и Джергер попрощались еще на земле, в воздухе не остается времени для выражения каких бы то ни было чувств.

Ночь. Тьма. Самолет парит в высоких слоях атмосферы

Джергер камнем летит в темную бездну. Беспокоиться не приходилось — сработает автоматическое устройство, парашют раскроется в пятистах метрах от земли

Беспокоиться действительно не приходилось — если парашют не раскроется, сработает взрывное устройство и при ударе о землю сторят и парашют, и все "остальное".

Однако автоматическое устройство не подвело

Смутно белея в темноте, шелковый купол бесшумно опадает на мокром черном поле.

С этого момента Джергера больше не существует. Мистер Джергер не так — то скоро возродится теперь к жизни.

Темно. Но все — таки можно кое — что рассмотреть. Надо обезвредить взрывное устройство, уничтожить взрывчатку и идти

Где — то вдалеке урчит мотор. По всей вероятности, трактор. Лучше всего идти в противоположную сторону.

Мрак постепенно редет, начинается рассвет. Повсюду черная вязкая земля. Он приземлился как раз там, где намечено. Хаусон неплохой штурман. Вокруг ни возвышенностей, ни строений. По — видимому, это и есть степь.

Небольшая ложбинка напоминает воронку от крупного снаряда. Шерстистая прошлогодняя травка. На дне нерастаявший снежок. Самое подходящее место.

Парашют. Кислородный прибор. Маска. Шлем. Комбинезон. Вынуть из прорезиненного мешка костюм, кепи, легкое пальто из шерстяной ткани и отложить в сторону. Мешок в общую кучу. Проверить все на себе. Паспорт. "Александр Тихонович Прилуцкий". Деньги. Только советские деньги. Корреспондентский билет. Он — корреспондент одной из московских газет. Это только до Москвы. Там он получит от Харбери все, что нужно. Пистолет

Минуту он колеблется, но закапывает и пистолет. Если его вздумают обыскать, оружие может погубить. Есть еще один предмет, который тревожит Джергера: игла с ядом. На тот случай

Но таких случаев быть не должно, и не будет. Такие случаи исключаются. Пусть этими иглами пользуются авторы детективных романов! Джергер втаптывает ее в землю. Он хочет жить и будет жить. Теперь вскрыть

баллон с воспламеняющейся смесью, облить и сжечь. Останутся только металлические части, поди разберись в них

Все происходит как положено. Вещи тлеют почти без пламени. Ткань парашюта, стропы, комбинезон пропитаны особым составом. Все превратилось в рыжую труху. От Роберта Джергера не осталось никакого следа.

Из вещей, которые как-то могут его скомпрометировать, сохранились только компас и карта. Компас и карта, купленные в картографическом магазине в Москве. Компас, сделанный на московском заводе, и карта, напечатанная в московской типографии.

Так вот какая она, южноуральская степь!

Ранняя весна, недавно сошел снег, пахнет свежестью, сыростью, дождем

Надо еще выждать. Любой встречный заинтересуется, каким ветром занесло его с утра в степь.

Он видит ложбинку, где склоны посуше, и ложится. Просыпается после полудня, когда солнце греет уже вовсю.

Вскоре находит полевую дорогу. Хотя она и немощеная, но сухая, хорошо накатанная, — видно, по ней много ездят.

Вскоре его нагоняет грузовик.

Джергер поднимает руку.

Шофер, молодой парень с хитрыми черными глазами и в синем ватничке, распаивает дверцу кабинки и с интересом рассматривает незнакомца.

— Подвезти?

— Пожалуйста, — говорит Джергер. — Добрый день.

— Садитесь.

Он ждет, пока Джергер сядет, и включает мотор.

— Вы куда? — спрашивает Джергер.

— А вам куда?

— Мне на станцию, — наугад говорит Джергер.

— Куда? — удивляется шофер. — Так это же в обратную сторону!

— А сколько до нее?

— Да километров двадцать!

— Я шел от нее и заблудился, — объясняет Джергер.

— Как так?

— Вылез на станции и пошел. И немножко запутался.

— А куда шли? — спрашивает шофер.

— Куда —нибудь.

— Как "куда —нибудь"?

— Я — журналист, — объясняет Джергер. — Хотелось побывать в этих местах, мне не нужен какой —нибудь определенный пункт.

— И пошли в степь?

— И пошел в степь.

— Эдак можно далеко
зайти

— Не рассчитал

Джергер достает свой корреспондентский билет. — Вот мое удостоверение.

Шофер даже не взглядывает.

— На что оно мне!

— А вы куда? — снова спрашивает Джергер.

— В совхоз, в Завидово, — объясняет шофер.

— А это далеко?

— Километров двенадцать еще.

— Пожалуй, я выйду, — говорит Джергер. — Я не думал, что так далеко.

— Вы же говорите, вам все равно! Едемте!

— Нет, я не думал, что так далеко, — упрямо повторяет Джергер. — Я не успею вернуться сегодня на станцию.

— Это конечно, — соглашается шофер и останавливает машину.

— Спасибо, — говорит Джергер и протягивает деньги.

— За что? — удивляется шофер.

— Берите — берите!

— Ну спасибо

В это время на дороге показывается встречная машина. Шофер машет рукой, и она останавливается.

— Генка, ты на станцию? — спрашивает шофер, поглядывая на Джергера.

— Ага.

— Захвати вот товарища.

— С подороги?

— Да не рассчитал
он

— Пожалуйста!

Вокруг расстилается степь. Еще черная, парная, слегка пригретая солнцем. Это не просто тысячи акров распаханной земли, а живое пространство, имеющее свою неповторимую душу. Здешние русские парни, несущиеся на своих грузовиках, удивительно простодушны и тоже чем-то сродни своей степи. Джергер рассказывает Генке, что он корреспондент, что проездом ему хотелось побывать в Завидове, но вот не рассчитал времени, а Генка, в свою очередь, рассказывает что-то о Завидове и о себе

Так, за разговорами, они доезжают до станции.

Джергер и этому шоферу дает деньги, приобретает билет на ближайший поезд.

В ожидании поезда он заходит в уборную, рвет карту и

бросает обрывки и компас в нечистоты.

Без всяких приключений доезжает до узловой станции, пересаживается в московский поезд и через двое суток вылезает на Казанском вокзале.

Для того чтобы его появление выглядело естественнее, покупает чемодан, и не проходит нескольких часов, как он становится обладателем комфортабельного номера в одной из недавно выстроенных столичных гостиниц.

Все в порядке. Как будто никто им не интересуется. Да и с какой стати стали бы им интересоваться

Звонить из своего номера опасно. Джергер спускается в вестибюль. Там несколько телефонов – автоматов, но он не решается звонить даже оттуда.

Он выходит на улицу, ищет будку с телефоном – автоматом. Если даже разговоры Харбери подслушиваются, пусть попробуют угадать, с кем тот разговаривал!

Джергер набирает номер, который помнит лучше, чем "Отче наш".

— Да! — слышит он негромкий, сипловатый голос.

— Мистер Харбери?

— Да!

Джергер меняет интонацию:

— Билл, дружище, здорово! Это говорит Робби Привет от Чарли!

— Здравствуйте, Робби! — В голосе Харбери тоже появляются приветливые интонации. — Где вы пропали?

Жду Завтра в шесть часов у меня дома

Они обмениваются еще несколькими незначительными фразами.

Джергер выскользывает из будки и спешит отойти подальше.

План их первой встречи разработан далеко от Москвы, и Харбери своевременно о нем осведомлен.

По приезде в Москву Джергер звонит Харбери по его домашнему телефону, и тот называет день и час встречи. Место определено заранее. Теперь Джергер должен лишь свериться с расписанием и выбрать поезд, который подойдет к перрону станции Клязьма в названное Харбери время.

Северная железная дорога Джергер должен находиться в поезде, идущем со стороны Загорска. В третьем вагоне с хвоста, на третьей скамейке от заднего входа, с правой стороны, у окна. В руке он должен держать коробку с папиросами "Казбек".

Еще месяца за два до появления Джергера в Москве Харбери начал получать предписания: "Окажите полное

содействие
условиями
Обеспечьте
операции

работы

Ознакомьте с
успех

Формально Харбери подчинен генералу Доннове — ну. Военное разведывательное управление, вот кому он подчинен, и все остальные могут убираться ко всем чертям! А Джергер едет по заданию SSI. Но шифровка за шифровкой предлагала Харбери обеспечить успех операции

Шифровка за шифровкой: Джергер, Джергер, Джергер

Откуда он только взялся на его голову, этот Роберт Джергер?!

Харбери даже не очень ясно представлял себе, кто кому будет подчинен: он Джергеру или наоборот.

Военное разведывательное управление и SSI действовали независимо друг от друга, но все это было до тех пор, пока во главе SSI не встал мистер Нобл. С его приходом все полетело вверх тормашками. Сперва он принялся только координировать деятельность смежных ведомств, а затем подмял всех под себя, и, как говорят, даже президент иногда не в силах противостоять его воле

Донновен ценит майора Харбери, но Харбери известно, что SSI считает его слишком осторожным и недостаточно расторопным

Попробовали бы они поработать с русскими! Они не понимают, что все испытанные средства, какие годны в любой другой стране, в России слишком часто дают осечку.

Лично Харбери предпочел бы действовать иначе, солидно, продуманно, спокойно, но служба есть служба.

Поэтому все произошло так, как заранее было определено высшим начальством.

— В шесть часов, — сказал Харбери, — у меня дома.

Если его подслушивают, пусть поинтересуются, кто явится к нему домой!

Он с утра отправился в свой "офис", в свою контору, или канцелярию, как говорят русские, и прямо оттуда поехал в своем "шевроле" в Клязьму.

По дороге одна из попутных машин показалась ему подозрительной. Он велел Антонио — шофер у него из американских итальянцев — остановиться и пропустить голубую "Волгу" вперед. В ней ехали трое молодых людей. Харбери даже кивнул им, и один из них в ответ помахал рукой. Но в Клязьме эта машина не попала больше ему на глаза.

Харбери отпустил Антонио и отправился на станцию.

Но когда в восемнадцать часов две минуты к перрону подошел поезд из Загорска, он лишь в самый последний момент вскочил в третий вагон.

На третьей скамейке справа у окна сидел молодой человек. Ничем не примечательный молодой человек в кепи, в легком сером пальто. Сидел и поглядывал в окно.

Харбери подошел поближе. Левая рука лежит на колене, в руке папиросная коробка. "Казбек"!

Харбери наклоняется и слегка притрагивается к плечу этого человека

Узковатое   лицо,   серые   глаза,   белесые
брови

Так вот он каков, этот Джергер!

Не очень красивое, самое обыкновенное лицо, без каких-либо особых примет. Хорошее лицо для разведчика.

— У вас не найдется спички?

— Пойдемте, я тоже хочу курить, — небрежно произносит в ответ человек с папиросной коробкой.

Он поднимается и выходит вслед за Харбери в тамбур.

Там — трое каких-то парней и женщина с клеенчатой сумкой.

Человек с папиросной коробкой раскрывает ее, достает папиросу, но Харбери папиросу не предлагает, тот достает сигарету. Человек с папиросной коробкой зажигает спичку, дает прикурить Харбери и закуривает сам.

— Гостиница "Москва", номер пятьсот сорок три, завтра и послезавтра, после шести вечера, входите без стука и смотрите, чтобы никого не было в коридоре, — негромко скороговоркой произносит Харбери.

Понять его слова может только тот, кто их ждет.

— Не угостите папироской? — нерешительно спрашивает один из парней, обращаясь к Джергеру.

Джергер раскрывает коробку, парень берет папиросу, благодарит

Харбери уже нет в тамбуре.

Осторожен этот майор! Джергер не успел даже как следует его разглядеть

"Ничего, мистер Харбери, ничего, завтра мы вас рассмотрим, завтра нам придется поговорить подольше! Гостиница "Москва", пятьсот сорок три, после шести, и чтобы никого в коридоре

А пока что желаю вам счастливого возвращения!" Глава четвертая Особая примета

Все шло, казалось, обычным порядком, ничего будто не изменилось, но это была ужасная жизнь!

Прежде Леночка просыпалась позже Марии Сергеевны, а

теперь вставала раньше ее, крадучись, босиком выходила в переднюю, останавливалась у входной двери и прислушивалась. За дверью было тихо. Шла на кухню, готовила завтрак, ждала привычных звонков. Сперва звонила разносчица молока, немного погодя — продавщица из булочной. Обе женщины обслуживали их дом второй год, к ним привыкли, но теперь Леночка напряженно и подозрительно вглядывалась — может быть, с одной из них придет грозящая Марии Сергеевне опасность. Приходил молодой и веселый слесарь из "Мосгаза". Леночка неотступно следовала за ним на кухню, недоверчиво следя за каждым его движением.

Как-то вечером, когда Марии Сергеевны не было дома, забежала ее сослуживица. Против обыкновения Леночка не предложила ей посидеть, подождать, а, наоборот, зачем-то солгала, сказала, что мама придет поздно.

Каждый человек, который появлялся в доме Ковригиных, вызывал теперь у Леночки глухое раздражение, внутри у нее дрожал каждый нерв.

Ах какая это страшная вещь — подозрительность! Что может быть хуже недоверия? Трудно жить, когда ты не веришь окружающим тебя людям.

Леночка не винила Королева, он выполнял свой долг, и, если она могла, она обязана была ему помочь. Но Леночка лишилась не только покоя, а чего-то более значительного: жизнь утратила для нее свою красоту, свою радость.

Позавчера Мария Сергеевна вернулась домой с Григоровичем, одним из своих помощников по институту. Леночка знала его уже три года. Мария Сергеевна и Григорович продолжали какой-то деловой разговор. Нейтроны, мезоны, позитроны. Леночка плохо в этом разбиралась. Но она забеспокоилась — достаточно ли хорошо знает Мария Сергеевна Григоровича? Честный ли он человек? Ей даже показалось, что она уловила в его тоне скрытое недоброжелательство к Марии Сергеевне.

Через час он собрался уходить, прощался с Марией Сергеевной в передней.

Леночка прислушивалась к их голосам из своей комнаты.

— Подбираем на лето компанию, собираемся в Крым, пешком по Южному берегу, — похвастался Григорович. — Присоединяйтесь, Мария Сергеевна, не пожалеете!

Леночка стремительно вышла в переднюю.

— Мама не поедет ни в какой Крым, — чуть ли не выкрикнула она, не позволяя Марии Сергеевне раскрыть рот. — Я ее никуда не пущу. Мама поедет в

санаторий

В тот же день она встретила с Королевым в кафе на Петровке. Это было уже их пятое свидание. Король обычно звонил к вечеру, здоровался и назначал место встречи. Преимущественно это были какие-нибудь маленькие кафе. Впрочем, один раз он пригласил ее в кино.

Вернувшись домой, она даже поссорилась с Павликом.

— Где была? — поинтересовался Павлик.

Врать Леночка не любила.

— В кино.

Павлик удивился.

— Одна?

— Нет, не одна, — сказала Леночка таким тоном, что дальше лучше было не спрашивать.

Мария Сергеевна только покачала головой, а Павлик обиделся и собрался домой.

Леночка не стала его удерживать, она ведь ничего не могла ему объяснить.

В кафе на Петровке Леночка со всеми подробностями передала Королеву разговор Марии Сергеевны с Григоровичем, рассказала о предложении Григоровича участвовать в туристской поездке по Крыму. И тут же подумала: какие это все пустяки.

— Вы велели обо всем рассказывать, — проговорила она, оправдываясь. — Я, конечно, понимаю, это пустяки, ну а вдруг

— Правильно — правильно, сообщать надо обо всем, — подбодрил ее Король. — Но что касается Крыма, думаю, в этом предложении ничего опасного нет

И все — таки Леночке показалось, что Король даже осуждает ее за мнительность, ждет от нее чего — то другого.

Встречи их продолжались вот уже около месяца. Уже кончалась весна, уже весь город оделся в зелень, москвичи переезжали на дачи, и в самом городе тут и там прямо на улицах возникали кафе под полотняными тентами

Марию Сергеевну огорчало изменившееся за последнее время отношение Леночки к Павлику, да и вообще какая — то странная перемена в дочери. А сама Леночка ни о чем не хотела рассказывать. Наоборот, она стала замкнутее, молчаливее, но внимательные материнские глаза замечают подчас то, чего не видят ни мужья, ни женихи, ни поклонники.

Поздно вечером, перед сном, Мария Сергеевна зашла в комнату к дочери.

Та сидела за учебником.

— Ты знаешь, Леночка, я не вмешиваюсь в твои дела, это ни

к чему не приводит, — заговорила Мария Сергеевна. — Но не очень — то порядочно не щадить близких людей.

— Это ты о Павлике? — мрачно спросила Леночка.

— Хотя бы.

— А что ему?

— Как "что"? — возмутилась Мария Сергеевна. — Жених он тебе или не жених?

— Слово — то какое Фу! — попыталась отшутиться Леночка, уклоняясь от разговора. — Жених, невеста, приданое

— Ладно — ладно, ты понимаешь, дело не в словах. Ты его еще любишь?

Леночка промолчала.

— Спрашиваю, любишь или нет?

— Люблю.

— Так надо о нем подумать, на нем лица нет.

Леночка опустила глаза.

— Ничего не случится. Крепче будет

— Какая ты бесчувственная!

— Ах! У меня сейчас нет времени на чувства, у меня экзамены.

— Для Павлика нет времени или вообще?

— Вообще.

— Вижу, какие у тебя экзамены, то и дело пропадаешь по вечерам.

— У меня дела.

— О которых ты не можешь сказать ни матери, ни жениху?

— Опять это ужасное слово!

— Ты не отклоняйся

— Придет время, скажу, а сейчас не могу, не имею права, слово дала

Мария Сергеевна готова была вспылить, но сдержалась.

Уходя, уже на пороге она холодно сказала:

— Я тебя ни о чем не спрашиваю. Но на твоём месте я бы извинилась перед Павликом.

Леночка широко раскрыла глаза.

— Я буду извиняться?

— Но ведь не я же?

— Ни за что! — отрезала Леночка.

— Даже ради моего покоя? — холодно спросила Мария Сергеевна.

— Да я, может, беспокоюсь о твоём покое больше, чем ты думаешь! — вырвалось у Леночки. — Ничего — то ты, мамочка, не

знаешь!

— И знать на этот раз не хочу, — сердито произнесла Мария Сергеевна и ушла к себе.

Она была уверена: пройдет несколько минут — и дочь прибежит к ней. Но Леночка не появлялась.

Ей хотелось пойти к матери, так она еще никогда с ней не разговаривала. Но нервы уже отказывали, Леночка боялась проговориться. Уткнувшись головой в подушку, она горько проплакала всю ночь.

А Мария Сергеевна тоже провела эту ночь в тревоге и смущении. Она невольно заразилась тем нервическим состоянием, в котором находилась ее дочь.

Ах как дорого бы она дала, чтобы лучше узнать, что происходит с Леночкой, и увидеть этого неизвестно откуда взявшегося человека, который так настойчиво вытесняет из сердца дочери Павлика. Но расспрашивать и допытываться было не в правилах Марии Сергеевны — Леночка была уже вполне самостоятельный человек и сама имела право решать свою судьбу.

Павлик тоже, разумеется, заметил странные и неприятные для себя перемены в поведении Леночки. Он, как и прежде, появлялся у Ковригиных почти каждый вечер, но Леночка теперь уже не бывала такой веселой, такой "огорчительно беззаботной", как о ней с шутливым укором отзывалась Мария Сергеевна. Случалось даже, что едва успевал Павлик прийти, как к Леночке кто-то звонил и она немедленно исчезала из дому.

С Леночкой следовало бы объясниться, это он понимал, но именно на это у него не хватало мужества, потому что, если бы Леночка вдруг призналась в том, что она его больше не любит, Павлику представлялось, что в этот миг солнце перестало бы для него светить и весь мир погрузился бы в холодную тьму.

Вот как жила семья Ковригиных, когда события приняли более сложный и стремительный оборот.

Как-то в первых числах июня вся семья сидела вечером в комнате Марии Сергеевны. Леночка сдала последний экзамен и благополучно перешла на четвертый курс. Они пили шипучее шампанское, заедали его вкусным тортом, который принес Павлик, и строили планы на отпуск, как вдруг позвонил телефон.

Мария Сергеевна сняла трубку.

— Простите за беспокойство, — услышала она знакомый голос. — Не откажите в любезности позвать к телефону Елену Викторовну.

Мария Сергеевна сердито посмотрела на Леночку.

— Елена Викторовна, вас!

Хороший вечер испорчен! Леночка ответит сейчас своему таинственному знакомому какими-нибудь малозначащими словами, неестественно оживится и унесется из дому.

— Алло, — отозвалась Леночка.

— Добрый день, — произнес Королев.

— Здравствуйте

Леночке очень не хотелось сегодня уходить, но что она могла поделывать? Назвавшись груздем, полезай в кузов!

— Я вас слушаю

— Добрый день, Елена Викторовна, — повторил Королев. — Сегодня я вас никуда не приглашаю

У Леночки отлегло от сердца.

— Я хочу только предупредить: положение несколько осложнилось. Возможно, завтра нам понадобится ваша помощь. Поэтому я попрошу вас прийти завтра домой пораньше. Я позвоню вам между пятью и шестью. Вы меня поняли?

— Хорошо, — сказала Леночка. — Я поняла вас

— Да свиданья!

— До свиданья!

Она положила трубку и вернулась к столу.

— Ты идешь? — спросила Мария Сергеевна.

— Куда? — весело ответила Леночка. — И не собираюсь!

— Слава богу, — облегченно сказала Мария Сергеевна, — взялась за ум!

— А я его и не теряла, — дерзко заметила Леночка и поцеловала мать.

Они хорошо провели этот вечер. Павлик оживился, стал рассказывать о своих изотопах, а Мария Сергеевна, что случалось не так уж часто, принялась читать своим приятным грудным голосом стихи, которые она любила и знала во множестве. Пускай заманит и обманет, — Не пропадешь, не сгинешь ты. И лишь забота затуманит Твои прекрасные черты

Ну что ж? Одной заботой боле, — Одной слезой река шумней, А ты все та же — лес, да поле, Да плат узорный до бровей

Утро следующего дня началось как обычно. Леночка проводила мать, потом пошла в институт, уточнила, когда и где ее группа будет проходить летнюю практику, уплатила комсомольские взносы, сдала книги в библиотеку, потом заехала на водную станцию; вода была еще холодная, почти никто не купался, но Леночка не удержалась, после купанья у нее разыгрался аппетит, она зашла в закусочную, съела порцию котлет, выпила бутылку кефира и ровно к пяти была дома.

Королев позвонил около шести.

— Я прошу вас прийти туда же, где мы разговаривали в первый раз, — сказал он. — Приходите часам к восьми. Предупредите маму, что вы задержитесь. Оденьтесь понаряднее,

может быть, нам придется зайти в одно место. Возможно, я запоздаю, но вы будьте аккуратны и обязательно дождитесь меня. Поняли?

— Быть к восьми и ждать вас, — по-военному повторила Леночка. — Чего ж тут не понять!

Королев, как всегда, говорил лаконично и точно, но голос его звучал как-то особенно многозначительно, и Леночке показалось, что на этот раз он собирается сообщить ей что-то очень важное.

Она тут же стала собираться. Поколебалась в выборе между двумя платьями — васильковым и серым, и выбрала серое: Мария Сергеевна уверяла, что оно особенно Леночке к лицу. Надела светлые модельные туфли. Поправила волосы и даже слегка подкрасила губы.

Часов около семи пришла Мария Сергеевна.

— Ты куда? — удивилась она парадному виду дочери.

— Нужно, — сказала Леночка. — Ты меня сегодня скоро не жди.

— Опять? — упрекнула ее Мария Сергеевна. — А я — то вообразила, что ты образумилась.

— Опять, — подтвердила Леночка. — "Не образумлюсь виноват, и слушаю, не понимаю" — процитировала она нараспев Грибоедова, прикалывая перед зеркалом маленькую брошку.

— А что же сказать Павлику? — осведомилась Мария Сергеевна.

— Ничего. Если хочет, может подождать, но я, по всей вероятности, вернусь не скоро.

Мария Сергеевна пожала плечами и, рассерженная, ушла к себе в комнату.

В дверях Леночка столкнулась с Павликом.

— Ты куда это? — спросил он.

— На кудыкину гору На свиданье.

— Нет, серьезно?

— А я не шучу. Что это за манера допрашивать: куда, куда?

— Ты не слишком вежлива, — упрекнул ее Павлик.

— Привыкай, у меня скверный характер.

Она пропустила Павлика в переднюю и вышла, хлопнув за собой дверь.

Увидев, что Мария Сергеевна дома, Павлик кинулся к ней.

— Не знаете, куда пошла Леночка?

Мария Сергеевна пожала плечами.

— Сказана только, что вернется не скоро.

— Все — таки я подожду. Не возражаете?

— Пожалуйста, — сказала Мария Сергеевна.

И Павлик, захватив какую-то книжку, побрел на кухню.

Леночка пришла в сквер против "Метрополя" точно в восемь часов. Королев появился в половине девятого.

— Здравствуйте, товарищ Ковригина, — против обыкновения подчеркнуто официально поздоровался он и осмотрелся вокруг. — Сегодня у нас серьезный разговор. Пойдемте лучше в другое место.

В лифте они поднялись на пятнадцатый этаж гостиницы "Москва", там находилось кафе "Огни Москвы", в нем всегда можно найти уединенный столик.

Королев заказал кофе, пирожных.

— Может быть, вина? — предложил он.

— Если хотите, пожалуйста, только я пить не буду, — отказалась Леночка.

— Нет, мне нельзя, если бы даже хотел, я при исполнении служебных обязанностей.

Он подождал, пока им подали кофе.

— С вами, Елена Викторовна, сегодня хотел поговорить мой начальник. Но за последние два часа обстоятельства резко изменились, и необходимость в этом свидании отпала.

В тоне Королева звучало извинение, точно он чувствовал себя виноватым, он обращался к Леночке с какой-то вежливой вкрадчивостью.

— Значит, ничего важного и, главное, ничего утешительного, — разочарованно спросила Леночка, — вы мне сегодня не скажете?

— Нет, скажу. Наоборот, скажу очень важное

Он оглянулся и затем подался слегка вперед, глядя своей собеседнице прямо в глаза.

— Положение значительно обострилось, мы нащупали зарубежную агентуру, — многозначительно произнес он. — Они кружат и вокруг Глазунова, и вокруг его ближайших сотрудников. В том числе очень интересуются вашей мамой.

— Но я ничего не замечала! — прервала его Леночка.

— Это неудивительно, вы же не специалист, — покровительственно заметил Королев и, перейдя на полупшепот, продолжал: — Вашей маме грозит серьезная опасность.

— Но что же они хотят сделать? — воскликнула Леночка.

— Тише, — остановил ее Королев. — Нас могут услышать. Ваша мама знакома с открытием Глазунова. В какой-то степени это, вероятно, и ее открытие. Вражескую разведку интересуют формулы теоретического расчета. Вот они и намереваются захватить кого-нибудь из первооткрывателей, а дальше уже сами

— Но ведь ни Глазунов, ни мама все равно ничего не скажут!

— А тогда их просто уничтожат. Это ведь тоже значительный ущерб для нашей страны

— Так что же делать?

— Прежде всего не перебивать меня. Выслушайте, а потом будете спрашивать.

В кафе включили радиолу, зазвучало танго.

— Очень хорошо, — удовлетворенно заметил Королев.

Но в это время к Леночке подошел какой-то рыжеватый субъект.

— Разрешите? — пригласил он ее.

Леночка вопросительно взглянула на Королева.

— Нет, — резко сказал тот. — Моя девушка не танцует с незнакомыми

Рыжий криво усмехнулся и, смерив Королева презрительным взглядом, пошел прочь.

Леночка с испугом посмотрела ему вслед.

— Он не из тех? — шепотом спросила она.

— Не волнуйтесь, — успокоил ее Королев. — Здесь вы в безопасности.

Он подвинул к Леночке вазу с пирожными.

— Все-таки пейте кофе, он совсем остыл. — И, отхлебнув несколько глотков, продолжал: — Так слушайте. Мы уже обнаружили двух агентов. Они особенно интересуются вашей мамой

— Почему? Ведь она

— Не перебивайте, — уже менее вежливо оборвал ее Королев. — Ваша мама — женщина, и они, очевидно, предполагают, что у нее характер послабее, чем, скажем, у Глазунова. Единственный выход — вывести ее из игры. Пусть они сосредоточат свое внимание на Глазунове, тогда нам легче будет схватить преступников. Но для этого на некоторое время ваша мама должна исчезнуть.

Леночка широко раскрыла глаза.

— То есть как "исчезнуть"?! —

— Всего на два, на полтора месяца

улыбнулся. — Не волнуйтесь. Мы поместим ее в надежное место, где ей будет хорошо и спокойно.

Но необходимо сделать это так, чтобы все, абсолютно все думали, будто она умерла.

— Неужели нельзя как-то по-другому уберечь мою маму? Это как-то очень

неприятно
страшно

— Но все-таки это лучше, чем быть мертвой на самом деле. А ведь дело обстоит именно так. Нам надо, чтобы ваша мама выбыла

из игры, но чтобы никто, ни одна живая душа не догадалась о том, что мы причастны к этому. Когда останется один Глазунов, мы их легко схватим.

— А мама на это согласится? — недоверчиво спросила Леночка.

— Она уже согласилась, — уверенно ответил Королев. — Когда ей сегодня все объяснили, она поняла, что это наилучший выход.

— Значит, она уже знает? — удивилась Леночка. — А мне даже не намекнула!

— Значит, она хороший конспиратор, — одобрительно сказал Королев. — Знает и уже готовится к своему исчезновению. Мы спрячем ее в укромном месте, где она проведет полтора месяца, как в санатории.

— Но я буду ее видеть? — волнуясь, спросила Леночка.

— Нет. Ни вы и никто другой. Вы по-прежнему будете встречаться со мной, и я буду сообщать о ее здоровье. — Королев нахмурился. — Я хочу, чтобы вы меня хорошо поняли, потому что многое в этой операции зависит от вас. Мы должны сделать так, чтобы все поверили, будто ваша мама мертва. Будет обнаружен ее труп, и его похоронят.

Леночка опять встревожилась.

— Ничего не понимаю!

— Сейчас поймете. Завтра обнаружат ее труп

— Как "завтра"?!

— Именно завтра.

— Когда же мама должна исчезнуть?

— Сегодня.

— Господи!

— В таких делах медлить нельзя

Королев подозвал официантку и попросил принести еще по чашке кофе.

— Но откуда же возьмется труп? — спросила Леночка шепотом. — Нет, я ничего не понимаю

— Потому что не хотите выслушать до конца. Труп взят из морга. Жертва железнодорожной катастрофы. Он сильно изуродован, и его нелегко опознать. Но опознать его придется именно вам.

Леночка была совершенно растерянна.

— Мне?!

— Да. На трупе будет платье вашей мамы, при нем найдут ее документы, и, наконец, следователь железнодорожной прокуратуры вызовет вас, и вы должны будете

подтвердить

— Что эта женщина — моя мама?

— Вот именно, — твердо произнес Королев. — Должны сказать, что это труп вашей мамы, хотя на самом деле это будет посторонняя женщина.

— А где же маму найдут?

— Не маму, а постороннюю женщину, — поправил Королев. — У станции Рассадино. Там, где находится филиал института.

— Там акустическая лаборатория, — поправила его, в свою очередь, Леночка.

— Ну лаборатория, — поправился Королев. — Все подумают, что ваша мама возвращалась в Москву и случайно попала под поезд.

— Вы, кажется, все продумали, — хмуро заметила Леночка.

— Как будто все, — согласился Королев. — Это ведь и есть наша работа

Он испытующе посмотрел Леночке в глаза.

— Мы надеемся, вы выдержите свою роль до конца.

Леночка промолчала.

— Помните, до тех пор, пока Мария Сергеевна не вернется домой, все, что с ней произошло, абсолютная тайна. Вы не скажете ничего ни Глазунову, ни следователю, ни милиции. Тем более что далеко не всем из них будет известна истина. Ваша задача — опознать маму и сыграть нелегкую роль убитой горем дочери.

— Хорошо, — сказала Леночка. — Это ужасно, но если надо, я сделаю так, как вы говорите.

— Запомните одну деталь, — сказал Королев. —

Труп той женщины сильно изуродован, но на левой руке, выше локтя, имеется татуировка. Вы скажете это следователю. На левой руке у нее вытатуировано: "ЛЮСЯ + БОРЯ".

— Мама и татуировка! — Леночка усмехнулась. — Что это? При чем тут Люся и Боря?

Королев досадливо отмахнулся.

— Это не имеет значения. Вас об этом не спросят. Но на всякий случай Можете сказать, что татуировка — детская шалость. Люся и Боря были ее лучшими школьными друзьями

— Хорошо, скажу

— Она чувствовала себя страшно усталой и совершенно беспомощной. — Это все?

— Все, — подтвердил Королев.

— Тогда я пойду. Ведь вы говорите, что мама должна исчезнуть сегодня?

— Совершенно верно.

— Я хочу еще с ней проститься.

— Вряд ли вы успеете

— Как? Неужели, когда я вернусь, мамы уже не будет?

— Да, вашей мамы уже не будет.

— Как же так? — возмутилась Леночка. — Это же безжалостно!

— Так надо, — мягко произнес Королев. — Не волнуйтесь, все будет хорошо. Я регулярно буду с вами встречаться, а через полтора месяца ваша мама вернется домой, и уж тогда она будет в полной безопасности.

Королев встал.

— Идите, не задерживайтесь, — сказал он. — Я побуду еще с минуту, расплачусь

Леночка едва дождалась лифта, к метро она бежала, толкая прохожих

Было около десяти часов, когда она вернулась домой. Навстречу ей вышел Павлик.

— Где мама?

— Ушла.

— Куда?

— Не сказала.

— А когда?

— Около часа назад.

— Одна?

— По — моему, одна.

Леночка рассердилась, закричала:

— Да расскажи толком! Что говорила, что взяла с собой?

Но что Павлик мог ей рассказать?

Он сидел на кухне, читал, ждал Леночку. Мария Сергеевна занималась у себя в комнате. Часов около девяти, а может, и раньше, позвонил телефон. Впрочем, телефон звонил, кажется, и до этого два или три раза. Павлик не очень прислушивался. Он только заметил, что Мария Сергеевна говорила по телефону необычно возбужденно. А потом сразу стала собираться. Павлик только спросил, скоро ли она вернется. Мария Сергеевна ответила, что точно не знает, но, вероятно, часа через три. И еще сказала, что, если Павлик соберется домой, пусть проверит, хорошо ли захлопнулась дверь. Больше она ничего не говорила.

Леночка устало опустилась на стул.

— Как ты думаешь, — несмело спросил Павлик, — куда бы это могла поехать Мария Сергеевна?

— Я думаю Я думаю — Леночка долго не могла сообразить, что следует ответить. — Я думаю, — сказала она наконец, — что мама поехала в Рассадино, в лабораторию.

— Да, но что же там делать ночью? — удивился Павлик.

— Откуда я знаю!

— Ты знаешь, я хотел ее проводить, — сказал Павлик, оправдываясь. — Но она категорически запретила.

— “Проводить”, “проводить”! — прикрикнула на него Леночка. — Очень ты ей нужен!

Павлик помолчал.

— Леночка! — спросил он ее снова. — Можно, я дождусь Марию Сергеевну?

— Нет — нет! — решительно запретила она. — Иди домой, я хочу остаться одна. Глава пятая Жертва собственной неосторожности Леночка не спала всю ночь.

Павлик позвонил очень рано, а через час явился самолично.

— Не могу себе простить, что не пошел ее провожать, — взволнованно говорил он, шагая по кухне. — Я всю ночь думал об этом. Надо обратиться в милицию.

— Не надо, — сказала Леночка. — Будем надеяться, что все выяснится

— Что выяснится?

— Все.

— Ты говоришь так, — сказал Павлик, — точно тебе что — то известно.

— у меня предчувствие

— Может быть, мне не идти на работу? — предложил Павлик.

— Не выдумывай, пожалуйста, — строго обрезала его Леночка. — Почему это не идти на работу?

— Но ты позвонишь в случае чего? — спросил он. — Может, я тебе понадоблюсь.

— Конечно, — заверила Леночка. — Отправляйся в больницу, а как только что — нибудь выяснится, я тебе сразу же позвоню.

После ухода Павлика ей стало легче, не надо было притворяться, и она почти спокойно стала ждать того, что должно было произойти.

Позвонили ей уже около десяти часов.

— Это квартира товарища Ковригиной?

— Да.

— А кто у телефона?

— А кто вам нужен?

— Ковригина

Елена Викторовна.

— Я у телефона.

— Дочь Марии Сергеевны?

— Да.

— С вами говорят из линейной прокуратуры. Следователь

Ползунов. Вы не могли бы сейчас приехать на Киевский вокзал?

— А что случилось?

— Объясним, когда
приедете Ваша мать
ранена. Но вы не волнуйтесь.

— Хорошо, я сейчас приеду, — сказала Леночка. — А как вас найти?

Ей объяснили

Леночке очень не хотелось ехать. Хотя трупы ей, медичке, были не в диковину, она попросту боялась того, что ей предстояло увидеть. Но она должна ехать. Леночка заторопилась. Взяла такси и через пятнадцать минут очутилась на Киевском вокзале.

Нашла прокуратуру, нашла Ползунова, немолодого человека с деревянным лицом. Держался он вежливо, но чувствовалось, что все давно ему надоело — происшествия и преступления, преступники и свидетели, и хотя он делает свое дело, но с большим удовольствием предпочел бы его не делать.

Едва Леночка подошла к его столу, как он сразу догадался, кто перед ним.

— Товарищ Ковригина?.. — Он помолчал, соображая, как бы поделикатнее приступить к делу. — Садитесь, пожалуйста. Видите ли

Я вынужден вас
огорчить, но в общем не волнуйтесь. С вашей матерью — Он

поправился: — С вашей мамашей, с товарищем Ковригиной, случилось несчастье. Вы

понимаете Как бы вам
сказать Ваша мамаша

попала, по — видимому, под поезд. Вы не волнуйтесь

И хотя Леночка знала, что все это не так, она побледнела.

Ах как не нравилась ей вся эта инсценировка! Но одновременно где-то в глубине души она немножко гордилась собой — ей доверили тайну, которой не доверили даже этому следователю.

— Попала под поезд?

Следователь заметил ее бледность, встал, подошел к подоконнику, там стоял графин с водой, наполнил стакан, протянул Леночке.

— Выпейте,
пожалуйста

Леночка отстранила его руку.

— Не
беспокойтесь Я

готова — Она вздохнула.

— Готова к самому худшему.

Ползунов тоже вздохнул.

— По всей вероятности, товарищ Ковригина пала жертвой собственной неосторожности. Шла по путям, задумалась о чем —
нибудь

Что могло привести ее в Рассадино? — быстро спросил он. — Вы не знаете?

— Неподалеку от Рассадина филиал института, в котором работает мама

— Мы так и думали, — перебил Ползунов. — Труп, извините, сильно обезображен, и мы обязаны произвести опознание. В сумочке обнаружены служебное удостоверение и пропуск

По этой причине и пришлось вас побеспокоить. Хотя документы нашлись, но полагается вызвать родственников

— Не утешайте меня, — сказал Леночка. — Говорите, что нужно.

Ползунов положил перед собой лист бумаги, взял ручку.

— Необходимо составить протокол опознания. Я вас попрошу, опишите наружность гражданки Ковригиной

Как трудно, как мучительно было Леночке говорить о Марии Сергеевне как о мертвой.

— Среднего роста
Не толстая и не худая
Русые волосы

— А нет ли у нее каких-либо особых примет? — спросил следователь. — Каких-нибудь родинок, бородавок, родимых пятен? Шрама?

— у нее татуировка. Повыше локтя, на левой руке. Имя "Люся", потом "плюс" и "Боря".

— Правильно, — сказал следователь. — Ваша мама случайно не воспитанница детского дома?

— Что вы! — почему — то обиделась за нее Леночка.

— Я это предположил в связи с татуировкой, — объяснил следователь. — Раньше в детских ломах иногда упражнялись

— Нет, — сказала Леночка. — Это была просто школьная шалость, друзья детства обменялись именами.

С привычной быстротой следователь составил протокол.

— Все в порядке

— Он замялся. — Теперь вам придется лично взглянуть

Леночка молча поднялась.

Ползунов повел ее в приемный покой.

В пустой выбеленной комнате высокий узкий стол был

прикрыт большой чистой простыней.

Навстречу к ним вышла женщина в медицинском халате.

— Покажите, — распорядился следователь. Женщина сдернула простыню

— Да, — сказала Леночка и пошла прочь. Ползунов повел ее обратно, подписать протокол.

— Все — таки дайте мне воды, — попросила Леночка. — И позвольте позвонить по телефону.

Леночка знала правду и, несмотря на это, очень нервничала: зубы ее постукивали о край стакана, и голос прерывался. Она набрала номер.

— Доктора Успенского. Я прошу доктора Успенского. Говорят из дома. Очень срочно

Павлик не заставил себя ждать

— Я здесь, Ленок! — прокричал он издалека. — Мария Сергеевна вернулась?

— С мамой несчастье, — принудила себя сказать Леночка. — Мама попала под поезд. Я только что была в приемном покое. Я нахожусь на Киевском вокзале. Приезжай за мной

На Павлике лица не было, когда он появился перед Леной.

— Ленок Это все я, все я виноват, — растерянно приговаривал он — Мало ли что она запретила! Мне надо, надо было пойти с ней

Леночка дернула его за руку.

— Пойдем в аптеку!

Павлик посмотрел на нее с недоумением.

— Зачем?

— За валерьяновыми каплями, — жестко сказала Леночка. — В самом деле, нельзя же так, а еще врач!

Леночке очень хотелось его утешить, но она обязана была играть свою роль и молчать.

И в то самое время, когда мужество и выдержка Леночки подвергались мучительному испытанию на допросе у следователя линейной прокуратуры, в одном из управлений, ведающих вопросами государственной безопасности, тоже шел разговор о смерти профессора Ковригиной.

Мария Сергеевна Ковригина давно уже принадлежала к числу тех ученых, жизнь и работа которых находились в поле зрения органов, отвечающих за безопасность советских людей. Они не вмешивались ни в работу, ни тем более в частную жизнь ученых, но несли ответственность за охрану специальных институтов и лабораторий и за жизнь и безопасность тех, кто в этих институтах трудится.

Поэтому — то майор Ткачев, просматривая очередную сводку

происшествий за последние сутки, обратил внимание на лаконичное сообщение о несчастном случае, в результате которого погибла профессор М. С. Ковригина. И не только обратил внимание, но и счел необходимым доложить о смерти Ковригиной генералу Пронину.

Ткачев вошел в приемную, поздоровался с секретарем и осведомился:

— Один?

— Заходите.

Ткачев открыл дверь.

— Разрешите, товарищ генерал?

— Заходите,

Григорий

Кузьмич

Пронин указал на кресло:

— Садитесь.

Он был уже немолод, генерал Пронин, давно мог уйти на пенсию, но сам не просился, а начальство не предлагало. Он был по-настоящему талантлив и, что особенно важно, обладал подлинным даром работать с людьми. Все, кто работал с ним, и уважали, и любили его. Строгий, требовательный, принципиальный, но в то же время душевный и справедливый человек.

Трудную и сложную жизнь прожил Иван Николаевич Пронин. Она рано, до срока, посеребрила его голову, но через самые тяжкие испытания прошел он, не запятнав своей совести, — совести настоящего коммуниста.

“Стар — стар, а морщины мало заметны, и всегда так подтянут, что всем нам в пору с него брать пример”, — подумал о нем Ткачев. Смотрит на тебя — хоть купайся в глазах, не глаза — ласковое синее море, а вот допрашивал на днях перебежчика, не глаза — кинжалы, не глаза, а сталь, — как перебежчик ни крутился, не выдержал его взгляда, раскололся

Высокой, настоящей партийной школы человек, с самим Дзержинским встречался

Но Пронин не дал Ткачеву углубиться в свои размышления. Он большим красным карандашом отметил что-то на мелко исписанном бумажном листе и вопросительно посмотрел на Ткачева.

— Слушаю.

— Как будто ничего особенного, Иван Николаевич, но я решил доложить, — начал Ткачев. — Помните, говорили как-то о Глазунове? Профессор Ковригина, помните? Они еще вместе ездили на Урал

Пронин кивнул.

— Ну — ну?

— Попала под поезд!

— Кто?

— Ковригина.

— То есть как "попала"?

— А очень просто, по собственной неосторожности. Переходила пути и замечталась, должно быть

Пронин нахмурился.

— Нехорошо, когда такие люди попадают под поезд.

— И я думаю, что нехорошо.

Пронин исподлобья взглянул на своего помощника.

— Что — нибудь подозрительное?

Ткачев покачал головой.

— Будто бы и нет, но

— Понятно. За всеми по пятам ходить не будешь, но неприятно, когда такие вещи случаются с такими людьми. Поинтересуйтесь, Григорий Кузьмич, обстоятельствами ее смерти. Ну несчастный случай, так несчастный, но ведь кто — то и рад бывает таким случаям

Ткачев встал.

— Разрешите идти?

— Да — да, действуйте.

Пронин остался один. Он никогда не видал Ковригиной. Как — то о ней упоминал Глазунов. В последний раз он сам приезжал к Пронину. Глазунова беспокоил повышенный интерес за границей к его открытию: домогаются конфиденциальных встреч с ним, пишут, делают намеки. По поводу этих намеков он и приезжал. Просил усилить охрану института.

За институт Пронин спокоен, институт — это крепость, туда никому не попасть. Может быть, какая — нибудь западная разведка и задумала вывести из строя Глазунова. Но при чем тут Ковригина?..

Ткачев вернулся меньше чем через час.

— Быстро, — похвалил Пронин.

— Произошло это около полуночи, — доложил Ткачев. — Как будто бы доподлинный несчастный случай. Шла на станцию и попала под поезд. Труп обнаружил путевой обходчик. Документы и деньги не тронуты.

— Откуда у вас эти сведения?

— Созвонился с линейной прокуратурой, — пояснил Ткачев. — Этим делом там занят Ползунов. Опытный следователь. У него нет сомнений

Пронин внимательно посмотрел на Ткачева.

— А у вас?

— А у меня есть, — негромко, как бы размышляя вслух, неуверенно промолвил Ткачев, — Я поинтересовался обстоятельствами, при которых Ковригина ушла в тот вечер из

дому
порядке. Но

Тоже, кажется, все в

— С чего думаете начать? — Пронин в задумчивости постукивал карандашом по столу и вдруг, не дожидаясь ответа, задал еще один, совсем неожиданный вопрос: — Вам известно, как устанавливается тождество трупа?

Ткачев выпрямился.

— Разумеется, товарищ генерал.

— Так вот, я прошу вас лично установить это тождество. По всем правилам искусства. Сами все сделайте, не спрашивая никаких Ползуновых. Докажите, что вы настоящий криминалист. Глава шестая Кому он только родственник?

Ткачев появился в приемной Пронина задолго до начала занятий, он хотел поскорее доложить о своем открытии.

— Как успехи? — обратился к нему Пронин вместо приветствия.

— Все сделано, — взволнованно произнес Ткачев. — И на этот раз действительно по всем правилам искусства.

— Да, сутки не час, на все требуется время, — заметил Пронин и жестом пригласил Ткачева следовать за собой в кабинет.

— Докладывайте.

— Вы оказались правы, Иван Николаевич

Ткачев раскрыл желтую папку и достал из нее исписанный листок.

— Я ознакомился в поликлинике с индивидуальной картой Ковригиной, заполненной, когда она проходила диспансеризацию. Рост — 162 сантиметра, цвет волос — светло — русый, хирургические вмешательства —

никаких

Продолжать не буду. У женщины, найденной на рельсах близ станции Рассадино, рост — 163 сантиметра, цвет волос — темно — русый, в нижней части живота рубец после операции по поводу аппендицита

И женщина эта умерла, Иван Николаевич, за сутки до того, как попала под поезд. Пронин вскинул на Ткачева глаза.

— Значит

— Значит, сегодня собираются хоронить кого угодно, но только не Ковригину.

— Так — так

же?

Ткачев выждал мгновение.

— Людмилу Валерьяновну Беякову, — произнес он не без торжества, все — таки оно прозвучало в его голосе, хоть он и старался его скрыть.

Но Пронин ничем не выразил своего одобрения.

— Продолжайте, — вот все, что сказал он Ткачеву, хотя тот и доказал на этот раз, что он действовал как настоящий криминалист.

На этот раз Ткачев докладывал со всей необходимой обстоятельностью.

Увечья, причиненные поездом, были настолько очевидны, что врач, писавший на месте катастрофы заключение о причине смерти, отнесся к своей задаче чисто формально — травма черепа, перелом позвоночника, разрыв грудной клетки. Но как только Ткачев установил, что убитая женщина не Ковригина, он привез опытного судебного эксперта, и тот легко установил, что смерть последовала от внутреннего кровоизлияния в результате удара каким-то тяжелым орудием по голове, а перелом позвоночника и разрыв грудной клетки произошли спустя много часов после смерти.

Ткачев занялся поисками в моргах. За последние два дня в морг Института неотложной помощи были доставлены трупы двух женщин, сбитых грузовыми машинами.

Один из них находился еще в морге, другой был выдан родственникам для погребения.

Ткачев поинтересовался приметami этого трупа: рост — 163 сантиметра, цвет волос — темно-русый. Приметы совпадали. Попала под грузовую машину, смерть последовала от внутреннего кровоизлияния в мозг. Приезжая из Пензы. Людмила Валерьяновна Белякова.

Людмила

Люся

В акте значилось:

“На левом плече татуировка “Люся + Боря””.

Работники морга сообщили Ткачеву, что труп получил двоюродный брат покойной, тоже Беляков. Он приехал на грузовом такси, привез гроб, предъявил паспорт. Ему выдали труп, а также одежду и документы умершей.

Ткачев отправился по таксомоторным паркам. Найти шофера, который перевозил гроб, труда не составило.

Юлдашев работал на грузовике МД-88-31. На Самотечной площади его остановил гражданин в темном костюме и попросил перевезти гроб с телом родственницы недалеко под Москву, где ее будут хоронить. Юлдашеву не хотелось везти покойника, но гражданин пообещал хорошо заплатить. Заехали в магазин похоронных принадлежностей, захватили гроб, потом в Институт неотложной помощи, оттуда, уже с покойником, в поселок Старых партизан. Когда приехали на дачу, там никого не было. Втаскивали гроб вдвоем — Юлдашев и его клиент.

Прихватив Юлдашева, Ткачев понесся на эту самую дачу. Шофер легко ее отыскал, но дом оказался запертым и пустым.

У соседей Ткачев узнал, что дача принадлежит вдове инженера Кварца. Сама она живет в Москве, а дом на летний сезон

сдает. Сдала как будто и на этот раз, потому что приезжала с каким-то мужчиной, а потом этот мужчина появлялся два или три раза один. Больше соседи ничего сказать не могли.

Ткачев поехал к гражданке Кварц. Она приняла его радушно и охотно сообщила, что действительно каждую весну вывешивает в витринах Мосгорсправки объявления о том, что сдает дачу. Недели полторы назад к ней явился гражданин. Они поехали в поселок. Дача ему понравилась. Он сразу же вручил ей задаток, получил ключ, но предупредил, что переедет недели через две и тогда даст документы для прописки. Фамилия гражданина как будто Иващенко, а может, Ващенко, а может, даже Пащенко — Кварц как следует не запомнила. Он дал деньги и взял расписку, а ведь никто деньгами зря не бросается!

Ткачев вместе с Кварц поехал обратно на дачу. Второго ключа у нее не было, замок пришлось взломать.

Внутри, в комнатах, стояло два стола, несколько стульев и старая железная кровать. Съемщик никакой мебели не привозил. После него остались только портьеры, которые плотно закрывали все окна, на кухне возле плиты валялся топор, да на столе стоял открытый патефон, и около него лежало несколько пластинок с записями различных танцев.

Ткачев тщательно осмотрел все помещение. Ничего подозрительного обнаружить не удалось. Только в кухонной плите его внимание привлекло несколько обуглившихся полешков и множество почерневших в огне гвоздей. Лабораторные исследования подтвердили предположение, что в плите сожгли гроб.

— Мне кажется, Иван Николаевич, — заключил Ткачев, — вполне возможна такая версия: Белякова похожа на Ковригину, и ее труп понадобился для того, чтобы инсценировать смерть Ковригиной

Пронин взял цветной карандаш и принялся рисовать на бумаге квадратики. Была у него такая привычка — рисовать, размышляя, квадратики.

— Может быть, сообщить в институт, кого они хоронят? — нерешительно спросил Ткачев.

Пронин стукнул карандашом.

— Ни в коем случае. Пусть те, кто заинтересован в этих похоронах, думают, что они сделали свою игру. Вы лучше скажите, вы поинтересовались этим — Пронин похмыкал, — родственником Беляковой?

— Конечно, — подтвердил Ткачев. — Судя по описаниям, Беляков и съемщик дачи одно и то же лицо.

Пронин опять похмыкал, помолчал, нарисовал еще квадратик и посмотрел на Ткачева.

— Давайте подумаем, Григорий Кузьмич. Белякова здесь,

разумеется, ни при чем.
Ковригина Вот куда
направлен удар. Откуда он, этот удар? Кто его нанес?.. Как вы
полагаете действовать дальше?

Искать

Ковригину

— Где? Это ведь и есть решение задачи. Но как к нему
подобраться?

Пронин резким движением перечеркнул все квадратики,
скомкал бумагу и бросил ее в корзину под столом.

— А знаете, мне что — то не нравится ее дочка, — вдруг
сказал Ткачев. — Ползунов мог ошибиться, но как она опознала мать
в посторонней женщине?

Пронин согласился:

— Да, тут что — то не
то

— Заметьте, Иван Николаевич, она назвала приметы
Беляковой, а не своей матери. У Ковригиной никакой татуировки
ведь не было. Допросить?

— Да, — согласился Пронин. — Но мы разделим работу: я
поговорю с Глазуновым и младшей Ковригиной, а вы ищите
Белякова и не упускайте из виду институт. С Глазуновым полезно
посоветоваться, а что касается дочки, хочу сам на нее взглянуть, тем
более что и о старшей Ковригиной я имею очень слабое
представление.

Пронин встал, прошелся по кабинету, остановился перед
Ткачевым.

— Но как, как им удалось взять Ковригину?

Ткачев пожал плечами.

— Ушла позавчера. Вечером. Не сказала куда. И пропала!

— Вот именно! И ведь уверенно взяли. И переодели в ее
одежду Белякову. И, чтобы следователь не ошибся, подкинули
сумочку с документами

Ткачев вздохнул.

— Умело действуют!

Пронин досадливо поморщился.

— Не столько умело, сколько нагло. Не совсем понятно, как
они высмотрели труп
Беляковой

— Ну, это — то понятно, — возразил Ткачев. — Звонили по
приемным pokojам да спрашивали: не доставлена ли после
несчастливого случая какая — нибудь иногородняя женщина? А там
отвечали: доставлена, мол, приезжайте. Они ведь сами
заинтересованы в том, чтобы отыскались родственники. Те и
приезжали, смотрели — годится или не годится. А когда увидели, что
годится, предъявили родственника!

— Кому он только родственник?

— Это мы узнаем, как только его найдем. Но вот где его искать?

Пронин улыбнулся и указал рукой куда — то за окно.

— Там, Григорий Кузьмич, там!

Ткачев засмеялся.

— Я только об одном, Иван Николаевич, хочу вас спросить: как вы догадались, что Ковригина не Ковригина?

— Интуиция! — пошутил Пронин. — Так и быть, уж признаюсь. Я ни о чем и не догадывался. Просто считаю, что когда гибнет такой человек, как Ковригина, проверку следует производить самым доскональным образом.

— А почему они не инсценировали ограбления?

— Ну это уж детский вопрос. Для того чтобы никого не искали. Несчастный случай — искать некого, а начнется розыск грабителей, глядишь, и еще до кого — нибудь доберутся.

В кабинет вошел секретарь.

— Вас спрашивает по телефону академик Глазунов.

— Легок на помине!

Пронин взял трубку.

— Здравствуйте, Георгий Константинович!

Глазунов хотел увидеться с Прониным.

— А зачем ко мне? — сказал Пронин. — Я сам приеду. На месте и поговорим о делах.

Пронину хотелось непосредственно познакомиться с обстановкой в институте.

Закончив этот короткий разговор, он обратился к Ткачеву:

— Я сейчас в институт, Глазунову нужно о чем — то со мной поговорить. А вы вызовите ко мне часа через два эту самую дочку. Только не испугайте девицу, и так, чтобы у нее дома — никто и ни о чем.

Знаменитый ученый мало походил на чудаковатого академика, какими их часто изображают драматурги. Ему не было и пятидесяти лет. Здоровый, подтянутый, аккуратный, он скорее напоминал высокопоставленного штабного офицера, одетого в штатский костюм.

— У нас большая потеря, — пожаловался Глазунов.

— Знаю, — сочувственно откликнулся Пронин.

— Только что с похорон, — задумчиво сказал Глазунов. — Со странных похорон

— Почему "странных"?

— Не верится, что мы потеряли Марию Сергеевну

Пронин испытующе посмотрел на собеседника.

— То есть как "не верится"?

— Мария Сергеевна была человеком умным и уравновешенным. Она не из тех мечтательниц, которые не замечают,

что происходит вокруг —
Глазунов помолчал. — Ей незачем было ехать в этот вечер в Рассадино. — Глазунов опять помолчал. — Не нравится мне этот странный звонок, после которого она покинула дом. — Он говорил медленно, веско, каждую фразу сопровождал паузой. — Я не верю в шутки судьбы

— Вы что же — спорите против очевидности?

Глазунов развел руками.

— Не против очевидности, но у меня нет уверенности, что Мария Сергеевна погибла из — за собственной неосторожности.

— Почему?

— Я бы скорее поверил, что ее нарочно вызвали, — пояснил Глазунов. — Хотели чего — нибудь от нее добиться и погубили

— А почему именно ее?

— Потому что в институте только три человека полностью осведомлены о новом открытии, и те, кто интересуется нашими тайнами, вероятно, знают имена этих людей. Выманить Федорченко или меня сложнее. Мария Сергеевна менее известна, да к тому же могли рассчитывать и на то, что она женщина. Ну а женщин принято считать послабее характером. Легче обмануть, легче принудить

Пронин насторожился.

— А ее легче принудить?

— Нет, далеко не легче. По — моему, просто даже невозможно

Глазунов плотно сжал губы.

— Чего же вы хотите, Георгий Константинович?

— Проверки. Марии Сергеевне было не до прогулок по ночам. Повторяю: может быть, это излишняя подозрительность, но я решил высказать вам свои сомнения. Был на похоронах и все время думал, а вдруг здесь преступление.

— Вы правы, — сказал Пронин. — Скажу даже больше. Вы хоронили не Ковригину. Ее подменили. Похитили

Глазунов поднялся.

— А где же Мария Сергеевна?

— Этого мы еще не знаем, — тихо произнес Пронин. — Но чтобы найти ее, необходимо создать у похитителей полную уверенность в том, что они хорошо разыграли свою игру, что никто не сомневается в том, что сегодня хоронили Ковригину. Если ее не убили, значит, она нужна живая. Но если они почувствуют, что мы напали на их след, они могут избавиться от живой улики.

— Понятно, — медленно произнес Глазунов. — Но я надеюсь

— И я надеюсь, — сказал Пронин. — Пусть только побережется Федорченко, да и вы сами будьте поосторожнее.

Вернувшись из института, Пронин вызвал Ткачева.

— Девица здесь?

— Ждет.

— Какое впечатление?

— Хорошее.

— Ну — ну

Пронин был предубежден против дочери Ковригиной. Она сознательно вводила в заблуждение следователя. Кто ее направлял?

Пронин осведомился:

— Говорили с ней о чем —нибудь?

— Нет.

— А как реагировала на вызов?

— Принеслась как на крыльях.

— Спрашивала о чем —нибудь?

— Ни о чем

Ткачев ввел Леночку.

— Садитесь, — сказал Пронин.

Леночка села.

Пронин молчал.

Леночке стало не по себе.

— Как вас зовут? — спросил Пронин.

— Ковригина

Елена Викторовна

Пронин пристально наблюдал за Леночкой. И постепенно его предубеждение рассеивалось. Светлые русые волосы слегка пушились над открытым и прямым лбом. Из —под темных, резко очерченных бровей смотрели большие вдумчивые глаза. Настоящие карие глаза, о каких поется в народных песнях. Подбородок был крутоват и свидетельствовал о доле упрямства в характере, но все лицо выражало столько простодушия и непосредственности, что просто невозможно было заподозрить ее в притворстве.

— Вы похожи на свою мать? — неожиданно спросил Пронин, спросил неприветливо, сухо.

— Говорят

Леночка смутилась. — Только мама гораздо красивей — Она совсем смешалась. — Вы не подумайте, будто я считаю себя красавицей, — добавила она. — А мама красивая. Это все говорят

Девушка, которая сидела сейчас перед Прониным, была удивительно прелестна, и он с горечью подумал о том, что наружность бывает обманлива.

— Можете идти, товарищ майор, — сказал вдруг Пронин Ткачеву

Ему не хотелось, чтобы в эту минуту рядом с ним находился Ткачев. Вопреки сложившейся предубежденности девушка производила хорошее впечатление, а Пронин не любил ошибаться, он хотел разобраться в этой девушке один на один и затем уже сообщить свое мнение Ткачеву.

Пронин и Леночка остались вдвоем.

— Значит, так

сказал Пронин и опять замолчал.

Леночка ждала.

Он помолчал и вдруг решил сразу задать ей самый главный и самый неприятный вопрос.

— Как же так? — откровенно спросил он. — Как же вы пошли на то, чтобы признать чужую женщину своей матерью?

У Леночки выступили на щеках красные пятна. Она растерянно посмотрела на Пронина.

— Но ведь вы же сами! — сказала она. — Вы сами велели мне это сделать!

— Что сделать?

— Говорить, что мама попала под поезд, — сказала Леночка. — Что у нее на руке "Люся плюс Боря".

— Кто велел? — озадаченно переспросил Пронин.

— Ну не вы лично, но ваш работник. Товарищ Королев.

— Подождите, — сказал Пронин.

Только многолетний опыт и выдержка позволили ему скрыть свое волнение.

Он тут же снова вызвал Ткачева.

— Слушайте, Григорий Кузьмич, слушайте! — обратился он к нему. — Оказывается, Еленой Викторовной занимался у нас Королев?

— Правильно, — подтвердила Леночка. — Товарищ Королев.

Пронин увидел, как округлились у Ткачева глаза.

— По-видимому, это прошло мимо меня, — сказал Пронин, потирая лоб. — Это какой же Королев?

— Василий Петрович, — сказала Леночка. — Он передавал мне все ваши распоряжения.

— Чьи распоряжения? — раздраженно переспросил Пронин. — Какие?

— Ну я не знаю, чьи именно, — сказала Леночка. — Которые исходили от органов. Чтобы я охраняла маму и чтобы сделала вид, будто знаю эту умершую женщину, когда вы на некоторое время спрячете маму.

Пронин переглянулся с Ткачевым.

— Ах, да-да, — сказал он, точно вспомнил что-то. — Было такое распоряжение, но сам я находился в командировке. Расскажите — ка поподробнее, когда и как он с вами встретился и что он там вам передавал, этот

Королев

— Капитан Королев, — поправила Леночка.

— Капитан? — повторил Пронин, — Он что же, встречался с вами в форме?

— Нет, что вы, — сказала Леночка, — но он показал свое удостоверение, чтобы я знала, с кем имею дело. Наоборот, он очень строго соблюдал конспирацию.

— Понятно, — сказал Пронин. — Я вас перебил, продолжайте

И Леночка подробно рассказала Пронину о своих встречах с Королевым и о последнем свидании, когда он познакомил ее с планами исчезновения Ковригиной.

— Все правильно, — промолвил наконец Пронин. — Не совсем оригинально, но, в общем, — да

Он походил по кабинету.

— А не скажете, как он выглядит? — обратился он к Леночке. — У нас, видите ли, их двое, Королевых, и оба — капитаны

Леночка с удовольствием описала наружность Королева.

— Так — так, — сказал Пронин. — Благодарю вас.

— Это мне надо благодарить вас, — сказала Леночка. — За мамину безопасность, за доверие.

— Да, за доверие, — сказал Пронин. — Конечно.

— Я действительно никому ничего не говорила

— И правильно поступали, — подтвердил Пронин. — У нас к вам претензий нет.

— А как будет с мамой? — спросила Леночка. — Вы долго будете держать ее взаперти?

— Нет, не очень, — сказал Пронин. — Сейчас трудно сказать сколько, но недолго. Мы будем вас держать в курсе.

— Спасибо, мне уже говорил это товарищ Королев, — сказала Леночка. — Только вы действительно не забывайте меня.

— Будьте спокойны, не забудем, — пообещал Пронин. — Кстати, Королев не говорил вам, что он куда — нибудь уезжает?

— Нет, — сказала Леночка. — Наоборот, обещал встречаться и сообщать о маме.

— Ах вот как! — сказал Пронин. — Очень благодарен вам за беседу.

— Мне можно идти? — спросила Леночка.

— Да, — сказал Пронин. — Но помните: о нашей встрече никому ни слова.

— Я знаю, — сказала Леночка. — Королев уже говорил.

— И даже Королеву, — добавил Пронин.

— И Королеву? — удивилась Леночка.

— Видите ли, это до известной степени контроль за его работой, — объяснил Пронин. — И он не должен об этом знать.

— Понимаю, — сказала Леночка. — Нельзя, значит, нельзя.

— А если он назначит вам свиданье, сразу же позвоните товарищу Ткачеву, — сказал Пронин. — Королеву не говорите, а Ткачеву позвоните. Понятно?

— Хорошо, — сказала Леночка.

— На сегодня — все. Проводите Елену Викторовну, Григорий Кузьмич, и возвращайтесь, — приказал Пронин. — Пусть ее отвезут в машине, но высадят не у самого дома, а где —нибудь в переулке.

На этот раз выдержка изменила Пронину, он с нетерпением ожидал возвращения Ткачева.

— Капитан Королев! — воскликнул он, когда тот вернулся. — Вы правы, это очень хорошая девушка. Если бы к ней обратились с каким —нибудь сомнительным предложением или даже просто задали подозрительный вопрос, она сказала бы об этом матери и пришла бы к нам. А тут обращается работник госбезопасности! Она гордится оказанным доверием
Как
вам это нравится?

— Даже очень, — признался Ткачев.

— Описание слышали?

— Беляков. Все сходится.

— Чистая работа, — сказал Пронин. — Может быть, не так уж умно, но смело!

— Ну к ней —то он больше не явится, — заметил Ткачев. — Побоится.

— Надо думать, — согласился Пронин. — Но ведь он не знает, что мы вмешались в его игру.

— А Елене Викторовне не надо сказать правду?

— Вероятно, надо, — сказал Пронин. — Но уж слишком она доверчива, и мне не хотелось сразу наносить ей такой удар.

— Подготовим, — сказал Ткачев. — Девушка крепкая, выдержит.

Пронин похлопал себя по лбу.

— Нет, вы понимаете? — еще раз обратился он к Ткачеву. — Понимаете, с каким наглым противником мы вступили в борьбу?!
Глава седьмая Холодная и горячая вода

Да, это здание дорого стоит! Бедные люди не строят таких домов. Не строят таких домов и для бедных

Джергер осмотрелся в холле гостиницы, вошел в лифт, поднялся на два этажа выше, спустился обратно по лестнице и не спеша двинулся по коридору.

Какой — то мужчина обогнал Джергера.

Джергер
шаги
замедлил

543!

Дверь в номер приоткрыта. Джергер оглянулся. Вокруг никого. Он нырнул в отверстие, как в воду.

В комнате за столом сидели двое. Один — тот, что встретился с Джергером в поезде. Плотный, рослый, смуглый

Теперь Джергер видит: не смуглый, а загорелый. Лицо злое и умное, с таким можно работать. Голубоватые водянистые глаза, в которых тонет все, что туда попадает. Слегка расплоснутый нос. Должно быть, в молодости занимался боксом. Это и есть Харбери.

Едва Джергер переступил порог, как Харбери встал и, не здороваясь, повернул в замке ключ. Осторожный парень!

Второй другого сорта. Невысокий, жирный, с брюшком. Бледно — желтый. Отечное лицо. Черные как смоль волосы подстрижены ежиком. На мясистом носу очки в золотой оправе. Светлый рыжий костюм закапан чернилами.

— Привет, Робби! — негромко обратился Харбери к вошедшему, похлопывая его по плечу. — В коридоре не было никого?

— Все в порядке, Билл.

Они поздоровались так, точно давно знали друг друга.

— Знакомьтесь, Робби, это Эзра Барнс, — назвал Харбери брюнета с брюшком. — Корреспондент "Пресс — Эдженси", король репортажа. Только и делает, что пожинаяет лавры. Иногда узнает такие вещи, какие другим журналистам даже не снятся.

Барне жирным коротким пальцем ткнул в сторону Харбери.

— Зато уж вы никак их не пожинаяете — Он слегка скривил губы, это должно было означать улыбку, — Впрочем, не сеете и не жнете, но тоже ничего живете.

Голос у Барнса был, как у чревовещателя.

Харбери усмехнулся.

— Куда уж мне до вас!

И обратился к Джергеру:

— Робби, вы можете связываться со мной через Барнса. Это его номер. У меня отдельная квартира, но вам лучше в ней не показываться. Но и с ним связывайтесь лишь в исключительных случаях. Думаю, им тоже интересуются.

Барнс беззвучно засмеялся, как — то неестественно трясся огромным животом и обвислыми щеками.

— Ну а сейчас прошу, Робби, — сказал Харбери и указал на стол, уставленный закусками и бутылками с водкой и коньяком.

Харбери взял рюмку.

— С приездом, Робби Вам чего?

— Я не пью, — отказался Джергер и поправился: — Не пью

на работе.

Харбери захохотал.

— Здорово вас натаскали! Дисциплина, ничего не скажешь. Ну как хотите

Он выпил рюмку коньяка и закусил лимоном. Барнс со спокойным любопытством рассматривал Джергера.

— А теперь мы поговорим, — сказал Харбери. — Барнса незачем посвящать в наши секреты. Не правда ли, Барнс?

— Ваши секреты меня не интересуют, — лениво ответил тот. — “Пресс-Эдженси” солидная фирма. Я лучше послушаю радио — И он включил приемник чуть ли не на полную мощность.

— Чем больше шума, тем лучше, — одобрил Харбери. — А мы с Робби пройдем в ванную. Предосторожность не мешает. Там самое удобное место.

Щелкнула задвижка. Харбери отвинтил оба крана, пустил сразу и холодную, и горячую воду. Ванная наполнилась ровным шумом.

— Если здесь и запрятан где-нибудь микрофон, магнитофон запишет лишь вздохи ветра и плеск водопада. — Харбери усмехнулся и присел на край ванны. — Да и от любопытства Барнса не мешает застраховаться. — Он устроился поудобнее. — Итак, заседание совета безопасности можно считать открытым.

Джергер с интересом рассматривал своего собеседника — от него во многом зависел успех операции. Если они сумеют хорошо координировать свои действия, успех делу обеспечен.

— Вот вы и в Москве, Робби, — сказал Харбери. — Как добрались?

— Отлично, — сказал Джергер. — Я не предполагал, что это будет так просто.

— Не привлекли по дороге внимания?

— Исключено, — сказал Джергер. — Никогда не думал, что русские так доверчивы.

— До тех пор, пока вы не сунете нос куда не следует, — добавил Харбери.

— Вам известно, с какой целью я послан? — осведомился Джергер. — Меня интересует Глазунов.

— Глазунов всех интересует, — заметил Харбери не без иронии. — Только от этого мало толку.

— Вы можете посоветовать, с чего начать? — попросил Джергер. — Вы ведь старый москвич

— Будем говорить по порядку, — сказал Харбери. — У вас есть при себе что-либо компрометирующее?

— Я все уничтожил. Даже оружие. Боялся, что обыщут и найдут пистолет.

— Правильно, — одобрил Харбери. — Пистолет сразу вызвал бы подозрения. В России лучше действовать без оружия.

— Я уничтожил все, что могло вызвать подозрения, — повторил Джергер. — Мне сказали, что вы снабдите меня всем.

— Мой арсенал в вашем распоряжении, — подтвердил Харбери. — Но чем меньше вы им будете пользоваться, тем лучше. Вы с хорошим паспортом приехали в Москву?

— Паспорт подлинный. Александр Тихонович Прилуцкий из Краснодара.

— По нему прописаны в гостинице?

— Да.

— Время от времени гостиницы надо менять, и одновременно меняйте паспорта. Деньги нужны?

— Пока есть.

— Большие суммы не надо иметь при себе, деньги лучше держать на аккредитиве. Теперь о Глазунове. Интерес представляют только три человека. Он сам и два его ближайших сотрудника.

— Федорченко и Ковригина?

— Да. В институт к Глазунову не попасть, это исключено, да и неизвестно, что и откуда там брать. Я это проверил еще раз за последние дни. Остается одно — люди.

— Глазунов?

— Слишком на виду. Его, вероятно, здорово охраняют. И ко всему это типичный русский интеллигент.

— А какое это имеет значение?

— Русские интеллигенты всегда были слишком принципиальны, а этот — интеллигент советской формации. Они помешаны на своем патриотизме. Образец поведения для них — Герцен!

— А с Герценом, вы думаете, мы не смогли бы договориться?

— Никогда. Он находился в конфликте со своим правительством, но родине изменить не мог. В Париже на Международном конгрессе математиков к Глазунову пришел один делегат. Один из наших делегатов. Обратился с очень деликатным предложением. Пригласил Глазунова на прогулку в Булонский лес и там обратился. Знаете, что сделал Глазунов? Посмотрел на часы и сказал почтенному пожилому джентльмену, что дает ему тридцать секунд для того, чтобы тот мог исчезнуть И, знаете, тот побежал!

— Федорченко?

— Фанатик. Это даже не Герцен, а протопоп Аввакум. Помните, был у русских такой священник? Сгорел, но не изменил убеждениям!

— Но этот еще не горел?

— Горел! Всю войну пробыл на фронте. В передовых частях.

На Одере наши офицеры пытались с ним подружиться

— Странится?

— Я бы не сказал. Пить пил, но лишнего слова не проронил.

И потом, его не взять.

— Почему?

— Физически не взять. Окажет бешеное сопротивление.

— Значит, Ковригина?

— Да, из всех троих это наиболее уязвимый объект. Она держится в тени, к ней привлечено меньше внимания. С ней легче справиться физически, легче транспортировать. Она, несомненно, слабее

— В силу своей женской природы?

— Да. Но это тоже нелегкий орешек. Я собрал о ней кое-какие сведения. Образ жизни самый скромный. Никаких увлечений. Впрочем, это не совсем точно. Есть увлечения. Работа и дочь. Единственная дочь. Поэтому направьте внимание на дочь. Как только раздастся ее вопль, мать бросится на помощь и попадет в капкан.

— Деньги? Любовь?

— К сожалению, дочь похожа на мать. Студентка. Состоит в молодежной коммунистической организации. Не из тех веселых девиц, с которыми легко сторговаться.

Джергер задумался.

— Одну минуту, Билл!

Журчала и всхлипывала вода, из-за двери доносились невнятные голоса радио. Харбери приоткрыл дверь. Варне дремал на диване, хотя, может быть, и не дремал.

Казалось, все неверно и неустойчиво в этом мире. Как вода, которая вытекала из кранов и тут же утекала прочь.

Внезапно Джергер шлепнул себя ладонью по колену.

— Кажется, я нашел ход! — воскликнул он. — Билл! Вы можете обеспечить меня хорошим удостоверением?

— Да каким угодно, Робби. Выкладывайте вашу идею!

— Эта девочка будет работать на меня, — уверенно заявил Джергер. — Я доставлю Ковригину вам, а вы переправите ее за границу.

На этот раз пришлось задуматься Харбери.

— Это сложно, но я думал уже и о таком варианте, — сказал он без особого воодушевления. — Но где мы ее спрячем?

— У вас, — твердо заявил Джергер. — Только у вас. Я думаю, это единственное надежное место.

— А если ее обнаружат? — возразил Харбери.

— Всякое сражение содержит в себе элементы риска, — возразил Джергер. — Ни одна страховая компания не станет страховать офицеров, отправляющихся на войну, и, однако, едут они туда не за смертью.

— Нет! Это невысказанный риск!

— Тогда, Билл, вам спокойнее было бы у себя дома, — холодно произнес Джергер. — Мистер Нобл будет очень разочарован.

— Я же не сказал, что отказываюсь, — пошел на попятную Харбери. — Если вы считаете, что это единственный выход, я спрячу ее у себя.

— Не только спрячете, — поправил Джергер. — Но и переправите через границу.

— Хорошо, Робби, я сделаю все, что надо, — повторил Харбери. — Вы, я вижу, железный парень.

— Да, мне впрыснули хорошую дозу железа перед отправкой в Россию.

Они шаг за шагом обсудили предстоящую операцию.

— Вы придете сюда еще раз, — заключил Харбери. — Звоните Барнсу в любой день с утра. Скажете ему Скажете, что его ждут на выставке картин к тому часу, в который вы захотите со мной встретиться. Не важно, на какой выставке. На следующий день я здесь буду вас ждать.

Они вышли из ванной. Барнс по-прежнему дремал на диване.

— Пусть спит, если он спит, — сказал Харбери. — Не обязательно с ним прощаться. Завтра вы встретитесь. В кинотеатре "Пламя". Под высотным домом на площади Восстания. На утреннем сеансе. В это время там мало народу. Сядьте в задние ряды справа. Барнс сам вас найдет. Когда погаснет свет, он передаст вам удостоверение

Он подошел к наружной двери.

— Я взгляну, нет ли кого-нибудь в коридоре

Харбери приоткрыл дверь и выглянул.

— Никого, идите, — быстро сказал он. — Сперва вверх и лишь потом вниз

На следующий день Джергер пошел в кинотеатр. На площадь Восстания. На утреннем сеансе преимущественно были подростки. От нечего делать Джергер всматривался в них. У них были хорошие лица. Джергер не хотел бы причинить этим ребятам вред. Но он не принадлежит себе. Он должен работать

Он вошел в зал, сел позади, в пустом ряду. Свет погас, пошла лента. Джергер увлекся картиной и не заметил, как кто-то придвинулся к нему в темноте, слегка толкнул.

— Извините.

Джергер узнал голос чревовещателя.

— Это вы, Робби?

— Угу.

Джергер нащупал пухлую руку Барнса, взял пакет, сунул его в карман, пожал руку.

Барнс отодвинулся и исчез в темноте.

Джергер посмотрел картину и вернулся в гостиницу.

Не хотелось медлить, но и нельзя было спешить.

Через день он познакомился с Леночкой. Вначале чувствовал себя очень напряженно, боялся переиграть. Потом это ощущение прошло. Звонил к ней, встречался. Старался ей понравиться и, кажется, преуспел

Посещал пригороды. Следил за объявлениями. Искал изолированную дачу, с хорошим садом, с двором. Подальше от соседей. Нашел. Дал аванс, крупную сумму, владелица дачи растаяла

Узнал адреса всех пунктов неотложной помощи. Заходил в приемные покои. Беседовал с дежурными медсестрами. Назывался то журналистом, то просто приезжим из какого-нибудь города. Говорил, что разыскивает пропавшую родственницу. Ему сочувствовали.

звонить

Так он высмотрел подходящий труп. Дождался смены сотрудников. Появился с паспортом Беякова

После этого он впервые нарушил уговор и позвонил не Барнсу, а прямо к Харбери. Сперва вообще никто не подходил к телефону, часом позже женский голос ответил:

— Мистер Харбери вернется поздно.

— Я не знаю, кто вы, — настойчиво сказал Джергер. — Найдите его где хотите, но чтобы через час он был у своего телефона.

— А кто это говорит? — осведомился женский голос.

— Один из его друзей, — раздраженно сказал Джергер. — Выройте его из — под земли, но чтобы через час он был у себя дома!

Через час он позвонил снова. Ему ответил Харбери.

— Билл, это я, Робби! — прокричал он в телефон. Он знал, что Харбери разозлится, Харбери чересчур осторожен, надо дать ему понять, что дело не терпит отлагательства. — Я хочу с тобой повидаться. Отец Чарльз просил передать тебе свое благословение

— Он должен знать, кого зовут Отцом Чарльзом! — Пойдем посмотрим завтра выставку картин? — продолжал Джергер. — Но только пораньше. Утром! Понимаешь? Утром,

утром — Это необходимо было вбить в голову Харбери. — Выставка открывается в десять. Так вот, с утра

Харбери вставить слово. — Понял, Билл?

Он передохнул.

— Ты совсем пьян, Робби, — услышал он ледяной голос Харбери. — Поди просппись. Завтра поговорим

Джергер не был уверен, что Харбери понял его, но когда утром очутился перед 543 номером, дверь была приоткрыта, как и в первый раз, и, как и в первый раз, нырнув туда, Джергер очутился все перед теми же двумя джентльменами, только Варне был на этот раз в пижаме. Должно быть, его только что разбудили.

Харбери был зол.

— Черт бы вас задрал! — сказал он вместо приветствия. — Если мы попадемся, мне придется уехать, а вы рискуете головой.

— Время, Билл! — воскликнул Джергер. — Сегодня мы в цейтноте и должны действовать с быстротой вычислительной машины.

— Черт с вами, пойдите опять в ванную, — сказал Харбери. — А вы, Барнс, запускайте радио и не запирайтесь на этот раз, сидите в пижаме и, если кто войдет, кричите, что не одеты и просите зайти попозже.

Мощные струи холодной и горячей воды и на этот раз аккомпанировали их разговору.

Джергер быстро изложил Харбери свой план. Действовать необходимо очень быстро. Получить в морге труп Беляковой. Встретиться с Леночкой. Вызвать Марию Сергеевну. Встретить ее и доставить к Харбери. Инсценировать смерть Ковригиной

Тут уж не приходилось рассуждать, инициативу взял в свои руки Джергер, надо действовать, действовать с быстротой и точностью вычислительной машины. Глава восьмая В стальной комнате

Мария Сергеевна просматривала свежий номер "Вестника современной физики", когда раздался телефонный звонок. Незнакомый и какой — то странный голос спросил:

— Вы — Мария Сергеевна Ковригина?

— Да, это я.

— Вы знаете, где ваша дочь?

Мария Сергеевна испугалась: может быть, с Леночкой что — то случилось.

— Откуда говорят? — спросила она с тревогой.

— Это не важно, — ответили ей. — Выслушайте внимательно, что я скажу. У вашей дочери завелись нехорошие знакомства. Она попала в компанию дурных людей, и если вы хотите

Мария Сергеевна терпеть не могла анонимок, а этот звонок напоминал анонимный донос.

— Все, о чем вы говорите, я сама узнаю от своей дочери, —

холодно сказала она. — Я не нуждаюсь в информации, исходящей от неизвестных доброжелателей.

— Как хотите, — ответил ей странный голос. — Но завтра уже будет поздно.

— Что поздно? — с тревогой спросила Мария Сергеевна.

— Поздно что-либо предпринять. Сегодня ваша дочь согласилась поехать на вечеринку к композитору Федосееву — и поехала к нему. Я считаю своим гражданским долгом предупредить вас, что на даче у Федосеева происходят не вечеринки, а разнузданные оргии. Вашу дочь напоят, и дальше бог знает что может произойти

То, что она услышала, было невероятно, она никогда бы не поверила, что Леночка согласится поехать на какую-то подозрительную вечеринку, но ей сообщали о состоявшемся факте, и Мария Сергеевна растерялась.

— Для чего вы мне все это сообщаете? — спросила Мария Сергеевна. — И кто все-таки со мной разговаривает?

— Один знакомый Федосеева, которому стыдно за него, — ответил голос. — А звоню я вам потому, что еще не поздно спасти вашу дочь от падения.

Мария Сергеевна постаралась взять себя в руки.

— Что же вы советуете?

— Самое простое, — сказал голос. — Поезжайте на дачу к Федосееву и заберите дочь. Сами увидите, что там за обстановка, а если проявите гражданское мужество и поставите в известность общественность, может быть, вообще поможете ликвидировать этот притон.

— Ну а где же находится эта дача? — спросила Мария Сергеевна нарочито спокойным тоном.

— Надо ехать до станции Пасечной, поселок Старых партизан, — объяснил голос. — Это дачный поселок. Пионерская, четырнадцать. Вас, вероятно, постараются не пустить, будьте настойчивее

— Хорошо. Благодарю вас.

— Вы поедете?

— Не знаю, — сказала Мария Сергеевна, опуская трубку. — Я еще не решила.

На самом деле она сразу решила ехать. Не было оснований не верить этому звонку. Она поедет и немедленно заберет Леночку.

Федосеев

Федосеев

знакома

эта

фамилия.

Федосеев

Смутно ей была

Композитор

Да, есть такой.

Не очень знаменитый, но есть. Пишет какие-то песни, музыку для кино. Недавно передавали по радио его песню. О композиторах, писателях, художниках вечно ходят всякие истории. Об их

заработках, дачах, похождениях. То женятся, то разводятся. Богема! Вполне возможно, что у Федосеева действительно происходят подозрительные вечеринки

Да и какая мать не поехала бы за своей дочерью, если бы услышала то, что услышала Мария Сергеевна! Леночка странно вела себя в последнее время. Сегодня обещала поздно прийти домой. Кроме того, в памяти Марии Сергеевны возникали многочисленные фельетоны о легкомысленных девушках и легкомысленных юношах, о всяких стилягах и их аморальных поступках, о которых то и дело писалось в газетах. Правда, ни среди молодых математиков, ни среди медиков, товарищей Леночки, не случалось никаких аморальных историй, но не зря же газеты постоянно настораживали общественное мнение по этому поводу

В крайнем случае, если все окажется не таким страшным, Мария Сергеевна извинится и сошлетя на семейные обстоятельства, вынудившие ее срочно разыскать Леночку.

Мария Сергеевна отложила журнал в сторону и позвала Павлика.

— Я уезжаю, — сказала она. — Часа на три.

— Куда? — удивился Павлик.

— Нужно, — коротко сказала она.

Не могла же она сообщить жениху своей дочери то, о чем только что ей звонили!

Павлик предложил проводить Марию Сергеевну, она решительно отказалась.

— Если вам надоест сидеть в одиночестве, — сказала она на прощанье, — проверьте, уходя, хорошо ли захлопнулась дверь.

Надела пальто, взяла сумочку и ушла. Такси она брать не стала: метро доставляло ее до самого вокзала.

В вагоне электрички Мария Сергеевна поверила вдруг всему. Она решила отчитать Федосеева так, как он этого заслуживает. Она поедет в Союз композиторов. Пусть вызовут Федосеева. С Леночкой она тоже поговорит

А бедный Федосеев — потому что композитор Федосеев существовал на самом деле, — бедный Федосеев, не подозревая о гневе, который клокотал в сердце Марии Сергеевны, сидел в это время дома за пианино и, подвязав жениным платком грелку к животу, сочинял для нового мультипликационного фильма "Марш веселых котят".

Электричка мчалась. Мария Сергеевна ехала с твердым намерением немедленно забрать и привезти Леночку домой

А Леночка в то время, когда Мария Сергеевна вела злополучный разговор по телефону, ждала в сквере Королева, когда

Мария Сергеевна собиралась на дачу, сидела с Королевым в кафе, а когда Мария Сергеевна ехала в электричке, возвращалась уже домой

Мария Сергеевна сошла в Пасечной, спросила, где находится поселок Старых партизан, и решительно зашагала по узкой асфальтовой дорожке.

Было еще не поздно, многие москвичи в это время только возвращались на дачи, горели фонари, повсюду на террасах и в палисадниках виднелись люди, кто-то брэнчал на гитаре, где-то играл патефон

Минут за двадцать Мария Сергеевна добралась до поселка, нашла Пионерскую улицу, принялась отсчитывать номера.

Вот и № 14

На минуту Мария Сергеевна остановилась. Не очень удобно врываться в незнакомый дом. Но неудобство неудобством, а если Леночка там? Будь что будет!

За высоким забором высилась большая нарядная дача. Мария Сергеевна толкнула калитку. Во дворе стояли два автомобиля. Окна освещены, но тщательно занавешены. Это Марии Сергеевне не понравилось. Если людям нечего скрывать, нечего и занавешиваться.

Мария Сергеевна поднялась на террасу. Из-за двери доносились звуки музыки. Мария Сергеевна взялась за дверную ручку. Дверь заперта. Это тоже не понравилось Марии Сергеевне. Развлекаются при закрытых дверях и занавешенных окнах!

Мария Сергеевна набралась духу и постучалась.

Прошло примерно минуты две — три.

Мария Сергеевна постучала решительнее.

Патефон или радиолы продолжали играть, музыка зазвучала даже еще громче.

— Кто? — спросили из-за двери.

— Откройте, пожалуйста, — строго сказала Мария Сергеевна.

— А кто? — спросили еще раз.

— Это дача композитора Федосеева? — спросила Мария Сергеевна.

На этот вопрос Марии Сергеевне не ответили. Дверь распахнулась, Мария Сергеевна переступила порог

В то мгновение, пока она еще не потеряла сознания, она успела удивиться, что в комнате нет ни людей, ни мебели, вообще ничего — ярко освещенная пустая комната, и только на простом и ничем не накрытом столе играет патефон.

Она почувствовала, как ее схватили за плечи и прижали к ее лицу мокрую, сладко пахнущую вату

У нее мелькнула мысль, что надо сопротивляться, она

рванулась, но лицо ее еще больше погрузилось во что — то мягкое, мокрое и противное, и она потеряла сознание.

Когда Мария Сергеевна пришла в себя, у нее болела голова и во всем теле ощущалась странная, болезненная слабость. Она лежала с закрытыми глазами и пыталась понять, что с нею произошло. Она подумала, что заболела. Но вдруг отчетливо вспомнила все: возвращение домой, разговоре Леночкой, телефонный звонок, поездку в электричке, мрачную дачу, занавешенные окна и ярко освещенную пустую комнату

Мария Сергеевна открыла глаза.

Где она находится? Это была какая — то другая комната

На потолке светился матовый белый плафон. У стены длинный стол, накрытый белой клеенкой. На столе несколько книг. Рядом — термос, тарелки, какие — то банки. Два стула. Стулья легкие, изящные, обитые светло — зеленым кретоном, как будто принесенные из чьей — то гостиной. Голые серые стены. Ни одного окна. Странно, что нет окон. Что же это за комната? Дверь

Ее не сразу заметишь. Окрашена такой же серой краской, как и стены. Возле двери раковина Новенький, сияющий никелем кран с белой фарфоровой ручкой. Водопровод! Под раковиной эмалированное ведро. И больше ничего.

Она лежит на кровати. Никелированная кровать, какие бывают в больницах. Тонкое постельное белье. Шерстяное одеяло. Пушистое, розовое. И сама Мария Сергеевна какая — то пушистая. На ней пижама. Не ее пижама. Белая в лиловую полоску, мягкая, пушистая, из какой — то искусственной ткани. В ногах, на спинке кровати — незнакомое синее платье

Мария Сергеевна попыталась встать. Голова у нее кружилась.

На полу около кровати стояли комнатные туфли. Красивые теплые домашние туфли. Пол холодный, цементный.

Мария Сергеевна медленно подошла к двери. Заперта! Негромко постучалась. Никакого отзвука, никакого ответа

У нее вдруг появилось ощущение, что она в заключении. В тюрьме. Что она находится в тюремной камере. И тут же мелькнула мысль, что с Леночкой произошло то же самое. Сперва захватили Леночку, а потом ее Для чего? Что с ними будет? Чего от них хотят? А может быть, все — таки она одна?..

Может быть, это охотятся за открытием, над которым они работают в институте? Марии Сергеевне приходилось читать

рассказы о происках империалистических разведок, но она мало им верила. Слишком уж все необыкновенно в этих рассказах

Приходилось ждать. Во всяком случае, Марии Сергеевне было очевидно, что находится она в необыкновенном положении.

Интересно, сколько сейчас времени? Часы с ее руки были сняты. Утро или вечер? День или ночь?

Преодолевая головокружение и держась за стены, Мария Сергеевна обошла комнату. За спинкой кровати стояла табуретка, которую она сперва не заметила. На ней мыло в красивой мыльнице и полотенце. На столе чашка с блюдцем, ложечка, сахар в вазочке, пачка галет, консервы, консервный нож. И на всем яркие глянцевые этикетки. Марии Сергеевна хорошо знала английский язык. "Сосиски", "Лососина", "Абрикосы". Она отвернула крышку термоса.

Кофе Во всяком случае, голодом ее морить, очевидно, не собираются! Может быть, все это отравлено? Но для чего? Ее давно бы отравили, если б хотели

Рядом с книгами чистая бумага, самопишущая ручка, карандаши. Книги Пухлая,

небольшого формата, в кожаном переплете Библия. На английском языке

Гм Три других оказались романами. Русскими романами и на русском языке. Позаботились о ее чтении! "Воскресение", "Преступление и наказание", "Доктор Живаго". Любопытно

Мария Сергеевна решила ждать, что будет дальше. Сейчас она слишком слаба. Но что могла бы она сделать, если бы даже чувствовала себя здоровой? Она взяла Библию и легла. Давным — давно, еще подростком, она пыталась ее читать. Поэтические гиперболы. Обрывки исторических сведений. Филиппики пророков

Мария Сергеевна не заметила, как уснула. Проснулась она словно от толчка. У стола стояла молодая женщина лет двадцати семи — двадцати восьми в синем комбинезоне.

— Добрый день, — произнесла она по — английски.

— А сейчас день? — поинтересовалась Мария Сергеевна.

— Может быть

Незнакомка улыбнулась. — Это не имеет значения.

Голосок у нее чуть резковатый, гортанный, но, в общем, приятный. Лицо тоже довольно милое, подогнанное к какому — то стандарту кинематографической красоты. Черные глаза, большие ресницы, темные брови, тонкий небольшой нос, хорошо очерченные губы и пышные золотистые волосы. Ресницы, брови, губы слегка подкрашены, а волосы, видно, обработаны основательно, уж очень неестествен их золотистый цвет.

— Вам что —нибудь нужно? — доброжелательно спросила незнакомка. — Можете умыться, поесть

— Спасибо, — сказала Мария Сергеевна. — Вы мне лучше скажите — где я?

— Вам об этом скажут, — ответила незнакомка. — Я могу только помочь вам получше устроиться. Меня зовут Вайолет. Я рада быть вам полезной.

— И все —таки скажите мне, Вайолет, где я нахожусь? — уже настойчиво потребовала Мария Сергеевна. — Что это за тюрьма?

Вайолет почему —то улыбнулась.

— Вам скажут, это не входит в мои обязанности.

— Странно, — сказала Мария Сергеевна. — Немедленно выпустите меня отсюда, иначе вам придется отвечать!

— Я не могу этого сделать, — с каким —то даже сочувствием ответила Вайолет. — Но вы напрасно волнуетесь. Я пришла объяснить, что вы можете умыться и поесть. В мои обязанности входит помочь вам, а разговаривать с вами будут другие

Она ушла, и Мария Сергеевна услышала, как щелкнул в двери замок.

Мария Сергеевна собрала всю свою волю и решила, что она не должна падать духом. Предстоит борьба. Какая — Мария Сергеевна еще не знала, но она не сомневалась, что предстоит борьба. Тем, кто придет ей разговаривать, она не хотела давать никаких преимуществ.

Она распечатала галеты, налила кофе. Кофе был хороший, с молоком, но не сладкий. Мария Сергеевна положила побольше сахару.

Потом она снова легла и, чтобы отогнать от себя мрачные мысли, взяла "Воскресение". Она всегда любила Толстого. Она стала перечитывать встречу Нехлюдова и Катюши

От чтения ее оторвало щелканье замка. Мария Сергеевна даже вздрогнула, так неожиданно и громко щелкнул замок. В камеру вошел какой —то военный. Он был без знаков отличия, но она сразу, по

одной его выправке, определила, что это военный. Он сразу захлопнул за собой дверь. "Очевидно, офицер, — подумала Мария Сергеевна. — Разумеется, не советский офицер, офицер какой —то иностранной армии". Да, это уже не Вайолет Умное лицо и недоброе. Штампованное лицо из детективных фильмов. Бесцветные глаза, сухие губы, тяжелый подбородок. Ему лет сорок, а глаза такие, точно ему все семьдесят, старые какие —то, холодные, пустые глаза. — Добрый день, — небрежно бросил он. — Как вы себя чувствуете?

— Отлично, — сказала Мария Сергеевна. — Но, может быть, вы объясните, где я нахожусь? Офицер пожал плечами. — Далеко, за океаном. В секретной тюрьме разведывательного управления. Вас это устраивает? — Каким же образом очутилась я так далеко? — спросила Мария Сергеевна с иронией. — Современный воздушный транспорт, — объяснил офицер. — Сейчас нетрудно за несколько часов перебросить человека из одного полушария в другое. — Но я не представляю, как можно вывезти из Москвы человека без его согласия, — заметила Мария Сергеевна, снова начиная волноваться. — Все — таки, думаю, это не так просто! — Вы ошибаетесь, — любезно возразил офицер. — Если угодно, я вам сейчас объясню. — Да, именно это мне и угодно! — Извольте. Вас действительно взяли в Москве, или, если говорить точнее, на станции Пасечной. Это вы, вероятно, помните. Затем вам ввели снотворное средство, погрузили в длительный сон, уложили в кофр, доставили на аэродром, и один из наших дипломатов вывез вас в качестве своих домашних вещей. Вероятно, вам известно, что дипломатический багаж не подлежит таможенному досмотру? — Все это похоже на детективный роман, но маловероятно, — насмешливо заметила Мария Сергеевна. — Вывезти человека из Москвы не так просто! Она возражала, но сердце ее замерло. Она вспомнила, в газетах сообщалось о подобном случае. Один дипломат пытался нелегально вывезти какого — то человека за пределы Советского Союза. Осуществить это намерение помешала бдительность таможенников. Но ведь не всегда таможенники проникают в тайны дипломатических чемоданов! Неужели ее действительно вывезли? Теперь в жизни происходит много невероятного! И, как бы в подтверждение ее мыслям, офицер напомнил об этом случае. — Мы неоднократно вывозили людей таким способом, — пояснил он. — Об этом писалось даже в советских газетах. Правда, в одном случае мы потерпели неудачу. Но большей частью нам это удастся. Не хотелось верить тому, что говорит этот офицер. "Но если это так, — подумала Мария Сергеевна, — я совсем одна. Одна, вдали от Родины, вдали от своих людей

"Ничего не поделаешь, — подумала Мария Сергеевна, — одна так одна. Надо как — то справиться с этим. А впрочем, и не одна, — подумала она, — там, дома, обо мне не могут забыть!" — Чего же вы от меня хотите? — зло спросила Мария Сергеевна. — Вы находитесь в самой секретной части нашей тюрьмы, — продолжал офицер. — В секторе стальных комнат. Эти комнаты запрятаны глубоко под землей, сюда никто не может проникнуть. В стальных камерах содержатся те, кого никто не должен видеть и кого, может быть, никто и никогда не увидит до самой их смерти. На мгновение у Марии Сергеевны закружилась голова. Нестерпимая тоска до физической боли сдавила ее сердце. Но она тут же взяла себя в руки. — Почему же мне оказана такая честь? — иронически осведомилась она. — Не бойтесь,

— примирительно сказал офицер. — Вам это должно быть понятно. Вы покинете стальную комнату, как только мы договоримся. — Во-первых, я не боюсь, — твердо отчеканила Мария Сергеевна. — А во-вторых, я ни о чем с вами договариваться не желаю. Я заставлю вас освободить меня. — Не будьте наивны, вы отлично понимаете, что у вас нет никакой возможности связаться с кем бы то ни было. Выслушайте наши условия

— Нам не о чем говорить, — холодно ответила Мария Сергеевна. — И я не желаю, понимаете, не же-ла-ю выслушивать никакие условия! — Напрасно, — сказал офицер. — Все же я скажу то, что мне поручено вам передать. Вы получите в свое распоряжение специальный институт. Получите в свою собственность дом, машину, все удобства. Вам будут платить жалованье, о каком не может мечтать даже Глазунов. Мы переправим сюда вашу дочь. Ваша деятельность ничем не будет ограничена

— Все это старо, — перебила Мария Сергеевна офицера. — С давних пор все, что вы перечислили, называется тридцать сребреников. Сумма меняется, но смысл остается тот же — плата за предательство. Я могу продолжить за вас. "За это вы познакомите нас с работой вашего московского института, передадите нам все его открытия и в придачу к ним свою совесть". — Не так сильно, — остановил ее офицер. — Русские любят говорить о совести. Но цена, которую вам предлагают

— Мария Сергеевна повысила голос. — Вы привыкли иметь дело с продажными женщинами. Советские люди не продаются. За сорок лет это можно было бы понять! — Все это слова. Вы же хотите жить! — Но только не здесь и не в вашем обществе, — зло сказала Мария Сергеевна. — Слова, слова, — повторил офицер. — Вот бумага. Как только вы напишете заявление, что не желаете больше работать в Советском Союзе, что просите предоставить вам политическое убежище, вы покинете эту комнату! — Для этого мне не понадобится бумага — Вы наивны. —

Офицер усмехнулся. — Но вы одумаетесь. — Это вы наивны — Одумаетесь, —

повторил офицер. — Просидите здесь неделю, две, три, год, мы не лишим вас ни пищи, ни даже книг, но вы захотите воздуха, света, свободы! И вы напишете тогда все, что только нам будет угодно! Мария Сергеевна молча взяла книгу и демонстративно ее раскрыла. — Рано или поздно мы договоримся, — уверенно сказал офицер. — Когда вам захочется меня видеть, скажите об этом Вайолет. Он вышел, дверь захлопнулась. Мария Сергеевна уронила голову на книгу и тут же ее подняла. Может быть, за ней наблюдают! Глава девятая Молчать и ждать Со дня злополучных похорон прошла уже целая неделя. У Леночки начались каникулы. Ее подруги отдохали,

гуляли, ездили за город, загорали, купались — словом, набирались сил, а Леночка жила в состоянии непрерывной нервной напряженности. Ее тревожила судьба матери, о которой она ничего не знала, она была напугана действиями страшного и невидимого врага, о котором так часто и много говорил Королев, ее сильно потрясла мрачная история с опознанием трупа. Павлик, как только мог, поддерживал ее в эти трудные дни и по-прежнему каждый вечер проводил у Ковригиных. Вот и сегодня он сидит у Леночки. Она берет книгу, но Павлик замечает, что смотрит Леночка вовсе не в книгу, а на кресло, в котором обычно сидела Мария Сергеевна. Пошли в кухню пить чай, Павлик помог накрыть на стол. Леночка поставила на конфорку чайник, взяла с полки чашку Марии Сергеевны, белую чашку в пестрых цветочках, долго держала ее в руках и со вздохом поставила обратно. Взяла баночку с вишневым вареньем, с любимым вареньем Марии Сергеевны, которое Павлик тоже очень любил, и тут же, точно обжегшись, тоже поставила обратно, как будто в отсутствие Марии Сергеевны к этому варенью нельзя было прикасаться. Они молча пили чай, и Леночка то и дело настороженно прислушивалась, не зазвонит ли телефон. Королев звонил почти каждый день. "Здравствуйте, Елена Викторовна. Привет вам от вашей мамы. Чувствует она себя превосходно и просит не беспокоиться". Он ни разу не захотел встретиться с Леночкой, говорил однообразно и лаконично, но и это было хорошо. Сегодня от него еще не было никаких сообщений, и Леночка очень волновалась. Звонок раздался поздно вечером. — Добрый день, Елена Викторовна, как самочувствие? Может быть, повидаемся? У меня для вас письмо
Как обрадовалась Леночка! Она стала поспешно собираться. Потом, вспомнив наставление Пронина, нашла в сумочке записку с телефонным номером Ткачева и позвонила к нему. — Григорий Кузьмич? Это Ковригина. Лена Ковригина. Помните? Только что звонил Василий Петрович, привез от мамы письмо. Просит прийти в кафе "Националь"
— Очень хорошо, Елена Викторовна, — ответил ей Ткачев. — Поезжайте. Только, пожалуйста, ничего не говорите Королеву
Леночка быстро провела гребнем по своим коротко стриженным волосам, тронула помадой губы. — Куда? — нервно спросил Павлик. — В кафе. Я ненадолго. — Для чего? — Нужно, Павлик, нужно. Павлик насупился. — К этому
Ну, словом
К этому? — Да, к этому, — подтвердила Леночка. — Вольному воля, конечно
— Павлик вдруг вспылал. — Я бы на твоём месте не пошел! — Почему? — У тебя несчастье, а ты бегаешь по кафе. Хотя бы из уважения к памяти матери повременила
Что

ж, он был бы прав, если бы с Марией Сергеевной действительно случилось несчастье А
Павлик даже побледнел от волнения. — Мне это просто непонятно.
Ты какая — то бесчувственная. Такое
горе Я до сих пор не могу
прийти в себя, а ты бежишь в кафе на свидание с каким — то
там Красишь губы!
Прихорашиваешься! Извини, но я начинаю терять к тебе уважение!
Иди, иди. Я тоже уйду. Мне здесь нечего
делать Павлик впервые
говорил так резко, и Леночка поняла, что он действительно может
уйти. — Вот что, Павлик, — сказала она. — Я же иду по делу. По
очень важному делу! — Не верю! — воскликнул Павлик. — Честное
слово! — Я не понимаю, что это за таинственные дела, о которых ты
не могла рассказать Марии Сергеевне и не можешь сказать
мне Нет, ты меня извини,
но я не верю тебе! — Послушай, Павлик, я признаюсь тебе во всем,
— вдруг решительно заявила Леночка. — Но ты поклянись
мне Дай честное слово,
что ты никому ничего не скажешь. Потому что я открою тебе
государственную тайну. Павлик смотрел на нее с недоверием. — Я
открою тебе государственную тайну, — повторила Леночка. — Я
никому ничего не говорила, но тебе открою. Не могу видеть, как ты
мучаешься. Я верю, ты меня не
подведешь Она взяла
Павлика за руку и тихо сказала: — Мама жива, ты понимаешь, жива!
Ее прост" скрыли, ей грозила опасность, и ее
спрятали Она рассказала
Павлику все, что знала сама, рассказала о Королеве, рассказала о
беседе с Прониным и его поручении. Павлик стоял ошеломленный.
Он очень уважал и любил Марию Сергеевну. Она заменила ему
мать, которую он потерял еще в детстве. Известие о том, что
Мария Сергеевна жива, словно бы вернуло и его к жизни. Но уж
очень непонятной показалась ему инсценировка ее смерти,
фальшивой и ненужной. В ней была какая — то жестокость, что — то
садистское — А знаешь,
Леночка, все равно мне все это не нравится, — морщась, как от
боли, сказал он. — Конечно, я не специалист, но думаю, что наша
разведка могла бы обойтись без таких спектаклей. — Ты так
рассуждаешь потому, что ты не специалист, — обиделась Леночка за
Королева. — Там лучше знают. Молчи уж! Она пошла к выходу. —
Сиди и жди меня, я скоро вернусь. Она
ушла Нет, Павлику
определенно не понравилась вся эта история. Ему захотелось самому
взглянуть на Королева. Леночка сказала, что пойдет в "Националь".
Почему бы Павлику не поехать туда? На одну минуточку. Взглянуть

на Королева и уйти, получить о нем хоть какое-то представление

Через двадцать минут он уже сидел за столиком кафе и, надо признаться, чувствовал себя не совсем в своей тарелке — он боялся попасться на глаза Леночке. Он сразу же ее увидел. Сидела она сравнительно далеко, и рядом с нею находился этот самый Королев. Молодой, высокий, но какой-то белесый и, в общем, на взгляд Павлика, в высшей степени противный. Они тихо и спокойно разговаривали. Павлик почувствовал облегчение. Он сразу понял, что этот человек равнодушен к Леночке. Павлик не мог бы объяснить, как он это понял, но он успокоился. В это время Королев рассказывал о Марии Сергеевне. Он, как обычно, угощал Леночку пирожными, но в нем чувствовалось какое-то нетерпение, точно говорил он об одном, а думал совсем о другом, находился рядом с Леночкой, а мысли его витали совсем в другом месте. Леночка посочувствовала даже ему, ей подумалось, что у него какие-нибудь неприятности по службе. Недаром ей не понравился тон, каким говорил Пронин о Королеве. Сегодня Королев был особенно симпатичен Леночке, хотя бы уж только потому, что привез ей весточку от мамы. — Хоть и не полагается, но я попросил ее написать, — сказал он, передавая сложенный лист бумаги. Леночка с нетерпением развернула его. Письмо оказалось немногословным, но это был мамин почерк, это были ее слова, и у Леночки сразу стало легче на душе. "Дорогая доченька, не беспокойся обо мне, — писала Мария Сергеевна, — все будет в порядке. Держи себя в руках. Мама". — Скоро увидите, — добавил Королев. — Еще неделю-другую, и все будет в порядке. — Спасибо, — сказала Леночка, — Вы даже не представляете, как мне тоскливо. Они посидели еще минут пять и простились. — Вы останетесь? — спросила Леночка. — Сегодня я провожу вас до метро, — сказал Королев. Они пошли к выходу. Павлик замер. Леночка шла прямо на него. Она в упор смотрела на Павлика. Он втянул голову в плечи и проклинал себя за то, что потащился в "Националь". Она сейчас скажет ему что-нибудь такое обидное

Вот они приблизились к его столику и прошли мимо. Через час он позвонил Леночке. — Ты очень сердисься? — с замиранием в сердце спросил Павлик. — Очень, — сказала Леночка, но голос ее был не очень сердитым. — Мне можно приехать? — Нет. Я занята. — Когда же я тебя увижу? —

Завтра

Всю ночь Павлик, ворочаясь с боку на бок, раздумывал над тем неожиданным, почти невероятным, что он узнал от Леночки. Он попытался разобраться в своем отношении к Королеву. Таинственного незнакомца, который вызывал Леночку на свидания, Павлик просто ненавидел. Теперь же стало ясно, что Королев проявлял только деловой интерес к Леночке,

и все — таки
после того как Павлик его повидал, чувство ненависти не только не уменьшилось, но даже возросло, обострилось
Павлик знал такие лица. Они бывают у людей ясного и очень холодного рассудка, у людей, которым чуждо все, что делает человека Человеком, — любовь, дружба, уважение, сочувствие, жалость
Это страшные люди с "невозбудимым сердцем". Такие люди действительно способны придумать фокус с мнимой смертью, с подлогом трупа. Но это же гнусно! Как там могли?.. Когда начало светать, Павлик уже ходил из угла в угол по своей маленькой комнатке и готов был действовать. Он твердо решил пойти к начальству Королева. Неужели они, зная о его жестокой и циничной выдумке, одобрили ее? Павлик забежал с утра в больницу, отпросился у главного врача и поехал в Главное управление. — Мне нужно видеть генерала Пронина, — сказал он в бюро пропусков. — Он вас вызывал? — осведомился молоденький лейтенант. — Нет, — сказал Павлик. — Но мне необходимо с ним поговорить. — А по какому делу? — Это относится к смерти Ковригиной. Лейтенант позвонил по внутреннему телефону. В общем, Павлик довольно быстро получил пропуск, но когда поднялся и вошел в комнату, указанную в пропуске, увидел не генерала, а всего лишь какого-то майора. — Здравствуйте, садитесь, — сказал тот Павлику — Что вы хотите нам сказать? — Мне нужен генерал Пронин, — упрямо сказал Павлик. — Товарищ Пронин занят, — сказал майор. — Может быть, вы поговорите со мной? Но Павлик ни с кем не хотел говорить, кроме Пронина. Он твердо стоял на своем. Пришлось идти докладывать Пронину. — Товарищ генерал, — начал Ткачев, пряча улыбку, — вас категорически требует Павел Павлович. Видно, что — то важное. Со мной разговаривать не желает. — Какой Павел Павлович? — Успенский. Молодой врач, помните? Когда с Прониным говорили о чем-нибудь приятном или о людях, которые ему нравились, с его лица исчезало обычное выражение строгости и сосредоточенности, оно делалось мягче и в глазах появлялась какая-то особая, ему только свойственная доброта. — Так бы сразу и сказали, — воскликнул он, смеясь, — врач Успенский, жених Лены Ковригиной! — И добавил уже серьезно: — Ну что ж, это отличный человек и, кажется, умница. Если пришел, значит, заделом. Ведите его сюда. Уже уходя, Ткачев в раздумье спросил: — А может быть, посвятить его в суть дела? Парень крепкий, мог бы даже помочь. Как думаете, Иван Николаевич? — Там будет видно
Ведите его сюда! И Павлик очутился у него в кабинете. — Товарищ Пронин? — нерешительно спросил Павлик, с недоверием поглядывая на штатский костюм Пронина. — Генерал Пронин? — Так точно, —

подтвердил тот. — Я хотел с вами поговорить, — взволнованно начал Павлик. — Давайте уж по порядку, — остановил его Пронин. — Сначала расскажите — кто вы и откуда? Павлик сконфузился. — Извините. Врач Успенский. Павел Павлович Успенский. Ординатор больницы имени Захарьина. К вам я по делу Ковригиной. — Что же вам известно об этом деле? — Все, — сказал Павлик. — Решительно все. Вчера она мне призналась во всем. — Не совсем понимаю. Как она могла признаться через десять дней после своих похорон? — Да я же знаю, что ее не хоронили! — воскликнул Павлик. — Я вам говорю, она призналась во всем! — Мария Сергеевна Ковригина призналась, что ее не хоронили? — Да не Мария Сергеевна, а Елена Викторовна Леночка! — Призналась вам, что Марию Сергеевну не хоронили? — Да, она мне рассказала все. Пронин испытующе смотрел на своего посетителя. — А где же в таком случае Мария Сергеевна? — А уж это у вас, очевидно, надо спрашивать! Леночка Елена Викторовна сказала, что она находится уж не знаю где, но где — то у вас! Пронин с интересом всматривался в Павлика. — Ну а если и так, зачем же пришли ко мне вы? — Товарищ Пронин, я мало что понимаю в делах, которыми занимаетесь вы. Я врач. Поэтому мой вопрос может быть и наивным, и даже глупым, но вы уж меня извините. — Пожалуйста — пожалуйста. Я вас слушаю. — Неужели, чтобы уберечь профессора Ковригину, нельзя было придумать другого способа? Теперь Павлик говорил уже спокойно, очень твердо, с убежденностью в своей правоте. Однако Пронин не ответил на вопрос, а только кивнул и сказал: "Так — так", — мол, продолжайте, я хочу услышать все до конца. И Павлик продолжал. — То, что вы придумали, дико, жестоко. Если хотите, цинично. Я не специалист, но я берусь здесь же предложить вам десять других способов. Без мнимой смерти и этих отвратительных фальшивых похорон! Скажу вам откровенно, будь я на месте вашего Королева, я бы не выполнял таких поручений, я бы бросил такую работу. — Понимаю, товарищ Успенский, — ласково сказал Пронин, вышел из — за стола, подвинул свободный стул, подсел к Павлику. — Понимаю и кое — что расскажу вам сугубо доверительно. Этот самый Король, которого вы, очевидно, здорово не любите, не имеет к нам никакого отношения. У Павлика перехватило дыхание. — То есть как "не имеет"? — А так Смутная догадка начала приобретать отчетливые очертания. — Не хотите же вы сказать, что этот Король — Хочу, — прервал его Пронин. — Это пока служебная тайна, но вам это следует знать. Король попросту шпион. — А Елена Викторовна это знает? — Пока еще нет, но скоро узнает. — Ничего не понимаю,

товарищ Пронин. А где же, тогда Мария Сергеевна? — Это нам, к сожалению, пока неизвестно. Павлик облизнул пересохшие губы. — Может быть, она действительно убита? — Нет, не думаю. Она им нужна живая

Прощаясь,

Пронин крепко пожал Павлику руку и еще раз напомнил, чтобы он в случае необходимости звонил майору Ткачеву и что его, Павлика, вызовут, как только он потребуется. — А потребуетесь вы, очевидно, в ближайшие дни, — заключил Пронин. После ухода Павлика Пронин сразу же вызвал к себе Ткачева. — Снимки готовы? — поинтересовался Пронин. — Вызовите ко мне младшую Ковригину, а сами организуйте проверку по всем каналам. Ткачев потоптался на месте. — Иван Николаевич, вы сказали ему? — Да, сказал. Вы правы, он настоящий парень. И вообще больше незачем играть в прятки ни с Леной Ковригиной, ни с Успенским. Они себя достаточно проявили, их тоже надо включить в борьбу

Он отпустил

Ткачева. Тому предстояло уточнить еще многие факты для подготовки завершающей операции. Петля, которая была наброшена на тех, кто похитил Ковригину, начала затягиваться

Леночка

вошла в кабинет к Пронину оживленная и даже веселая. Пронин залюбовался ею. "Если мать еще лучше, — подумал он, — так что же это за красавица

" Они

поздоровались. — Как настроение? — осведомился Пронин. — Немножко лучше, — ответила Леночка. — Спасибо за

письмо. — За какое письмо? — За мамино. Королев мне уже передал его. — А он все-таки дал вам его вчера? — А разве не полагалось? — смутилась Леночка, боясь, что подвела Королева. — Не то что не полагалось, — сказал Пронин, — но я думал, что это он просто так, для красного словца, а на самом деле никакого письма нет. Он увидел, как Леночка прижала к себе сумочку. — Оно у вас с собою? — догадался он. — Дайте-ка его на минутку. — Да там, в общем, ничего.

Всего два

слова Пронин почему-то долго читал записку. Потом перечитал ее еще раз, рассматривал через лупу. — Это ваша мама писала? — спросил он. — Конечно. — Уверены, что она? — Неужели же я не знаю ее почерка? — недоуменно возразила Леночка. — Да и Королев

— Она даже

растерялась. — Не мог же он подделать? — Мог. Он все может, этот ваш Королев, — резко сказал Пронин и неожиданно спросил: — Вы ехали сюда так, как вам было сказано? — Да, — ответила Леночка. — Доехала до мединститута, вошла в главный подъезд, вышла через другой и поехала сюда

А вы не заметили, за вами никто не следил? — Нет. Кто же может за мной следить? — Королев, — сказал Пронин. — Все тот же ваш

Королев. — Почему мой? — возразила Леночка. — Он не мой, а ваш. Пронин выдвинул ящик стола и бросил перед Леночкой фотографию. — Он? — Он, — подтвердила Леночка. — А вы знаете, кто это? — Василий Петрович Королев. Капитан Королев — Капитан — то он, может, и капитан, да только чей? — сердито сказал Пронин. — Это его вчера в кафе сфотографировали. Вы знаете, что это за тип? Шпион, диверсант Это он украл вашу мать! У Леночки кровь отлила от лица. — А где же она? — еле слышно спросила Леночка. — Это мы и хотим узнать, — сказал Пронин. — Но вы не волнуйтесь, мы ее обязательно отыщем. — А может быть, ее уже нет — промолвила Леночка, холодея от ужаса. — Это исключено, — уверенно возразил Пронин. — В том, что она жива, сомнений нет. В противном случае они бы ее сразу убили. Ваша мама — целый капитал. Она им нужна живая, а не мертвая! — Да, но где же она, где? — нетерпеливо спросила Леночка. — Где же вы будете ее искать? — Найдем, я же вам обещал. Найдем, — успокаивающе повторял Пронин. — Но на этот раз вам действительно придется помочь органам государственной безопасности. — Но я ведь и хотела помочь, — растерянно произнесла Леночка. — Мне и в голову не могло прийти — А мы вас и не виним, — перебил ее Пронин. — Этот тип действовал ловко, что называется, со знанием дела. Значит, вы не отказываетесь от помощи нам? — Конечно! Говорите, я сделаю все, что нужно. — Все, что нужно, — задумчиво повторил Пронин и спросил: — А если придется рискнуть? — Ну что ж, я не испугаюсь! — А если придется рискнуть жизнью? — Увидите, — взволнованно сказала Леночка, — ни мой отец, ни моя мать не были трусами. — Хорошо, — ответил Пронин и добавил: — А пока молчите и ждите. — Это самое трудное. — Леночка вздохнула. — Без терпения и выдержки нельзя быть ни хорошим врачом, ни хорошим чекистом. Если Королев будет звонить, разговаривайте, точно ничего не знаете, захочет встретиться, встречайтесь, но на людях — в скверах, в кафе. Если пригласит куда-нибудь на квартиру или за город, воздержитесь. Это директива. Придумайте предлог умно, не вызывая подозрений, и откажитесь. — Вы его арестуете? — спросила Леночка. Пронин отрицательно покачал головой. — С этим не надо спешить. Арестовать просто, но это не значит, что он все расскажет — Понимаю, — сказала Леночка, — Как у меня тревожно на душе. А что мне сейчас делать? Ведь надо что-то делать! — Молчать и ждать. Мы вам скажем, когда что-нибудь понадобится. И никому ни слова. Это тоже очень важно. Я думаю, вы это понимаете. Пронин позвонил секретарю. — Если Григорий Кузьмич вернулся, пусть зайдет. Ткачев

вошел с пачкой фотографий в руках. — Что —нибудь выяснили? — спросил Пронин. — Да, кое — что — Ничего —ничего, говорите, — разрешил Пронин. — Ей полезно знать. Ткачев взял фотографию, лежавшую на столе перед Леночкой. — Королев, — сказал он и положил снимок перед Прониным. — Беляков, — сказал он затем и положил рядом фотографию этого же человека. — Сразу узнали и шофер, и в Институте неотложной помощи. — Ткачев положил третий снимок. — Кварц тоже узнала, ее дачник. — Положил четвертый. — Прилуцкий. Под этим именем он прописан в гостинице "Останкино". — Скрылся? — спросил Пронин. — Нет, благополучно живет, — сказал Ткачев. — Ну, а на самом деле? — несмело спросила Леночка. — Как же его зовут на самом деле? Пронин сочувственно поглядел на девушку. — Как его зовут на самом деле, мы постараемся ответить вам как можно скорей. Глава десятая Где? Где? Где? Без терпения и выдержки нельзя достичь победы, говаривал Пронин. Если бы неискушенные люди знали, что скрывается за этими словами! Нет работы более нервной, томительной и кропотливой, чем работа в органах разведки. Это только в романах события развиваются эффектно и стремительно. На деле все будничней и сложнее: одни и те же данные приходится по многу раз анализировать, иные отбрасывать, другие трижды проверять, прежде чем появится возможность приступить к решающим действиям. Пронин и Ткачев не один раз взвешивали накопленные факты и оценивали обстановку. Предстояло решить сложную задачу. Нужно было изобличить шпионов, но прежде всего — прежде всего! — необходимо было найти Ковригину. Жизнь ставила перед ними вопрос за вопросом, и от их способности найти правильные ответы зависел успех дела. Противники действовали по заранее намеченному и хорошо продуманному плану, которому следовало противопоставить свой план, умнее и тоньше. Дня три спустя, после того как перед Леночкой раскрылось подлинное лицо Королева, Ткачев засиделся у Пронина. Кабинет Пронина Скромная небольшая квадратная комната, старинный письменный стол, несколько стульев и кресел, сейф для документов, на стене карта своей страны и старый диван, обтянутый порыжевшей кожей, на котором Пронин мог иногда вздремнуть после бессонной рабочей ночи, чтобы через три —четыре часа снова сесть за стол с таким видом, точно только что пришел на работу. Самый скромный кабинет. Но сколько удивительных историй могли бы поведать его стены, свидетели доверительных бесед, оперативных совещаний, страшных признаний и благодарных слез — Больше выжидать нельзя, — высказал Пронин заключение, к которому и он, и Ткачев пришли после продолжительного разговора. — Можно считать, что

на сегодняшний день противник находится в выигрыше. Операция хорошо им продумана и пока что развивается по его плану. Им нужно открытие Глазунова, и человек, владеющий тайной, у них в руках. Мы обязаны отнять у них этого человека. Война! А искусство воевать заключается в умении навязать противнику свой план, заставить его принять бой там, где ему невыгодно, и мы с вами должны навязать противнику свою волю. Что известно им о противнике? Мало. Недостаточно. Во всяком случае, многое неизвестно. Но у работников государственной безопасности в Советском Союзе по сравнению с их противниками имелось одно преимущество. Деятелям капиталистических разведок нельзя отказать в способностях, ими накоплен большой опыт, и поэтому в борьбе между собой они добиваются иногда успеха. Они даже методологически сильны. Но у них все основано на эмпирическом накоплении фактов, широко осмыслить и обобщить свой опыт в соответствии с законами жизни им не дано. Поэтому дальнейшее поведение своих противников Пронин определял, исходя не только из фактов, накопленных по данному конкретному делу, но и из множества аналогичных фактов и характерных особенностей, свойственных разведчикам капиталистических государств. По всем данным, Королев — Прилуцкий, или, вернее, тот, кто так именуется, появился в Москве в апреле. Судя по заданию, это крупный разведчик. Подлинного Прилуцкого нашли в Краснодаре. Александр Тихонович Прилуцкий. Он безвыездно живет в этом городе, но года два назад у него похитили бумажник с деньгами и документами, в том числе и паспорт. Это и был тот самый паспорт, который Прилуцкий — Королев предъявил в гостинице "Останкино". В Москве у него, конечно, имеются сообщники, он не мог действовать один, тем более что после похищения Ковригиной оставался у всех на виду и вел самый невинный образ жизни. Сообщников Королева предстояло установить. Королев не мог исчезнуть сразу после мнимой смерти Ковригиной. Похитители были убеждены, что ее гибель не вызвала подозрений. Пока Леночка находилась у них под наблюдением, пока она верила, что действует по указанию органов государственной безопасности, она была нужна для похитителей. Уничтожить Леночку они не могли, это вызвало бы подозрения и привлекло внимание к смерти самой Ковригиной. Поэтому Леночку им следовало оберегать. Можно было, конечно, арестовать Королева. Но что это даст? Пауэрс испугался смерти, а вдруг Королев окажется отчаянней, проглотит ампулу с ядом или уколет себя отравленной булавкой? Будет, наконец, молчать?.. Арест Королева только спугнет его сообщников, и вот тогда они могут пойти на убийство Ковригиной, чтобы уничтожить улики. Королев — это пока было все, что можно было использовать для поисков. — Королев приведет нас к Ковригиной, — утверждал Пронин. — Надо только заставить его к ней пойти! — Если Ковригину не вывезут за это время, —

сомневался Ткачев. — Может быть, Королева специально держат, чтобы отвлечь наше внимание. — А как вывезут? — спрашивал Пронин. — Забросить легче, чем вывезти. Человек не иголка. — Ведь были же попытки? Помните, в Киеве? Пытались же! — Пытаться пытались, но ведь не получилось. На всякий случай по всем таможням было дано указание приглядываться к громоздким вещам. Но от основной своей мысли Пронин не отступал. — До сих пор Королев делал то, чего хотел он сам, — не уставал повторять он Ткачеву. — Наша задача заставить его делать то, чего хотим мы.

Но не так — то просто заставить врага действовать вопреки своим интересам. Ты его загоняешь в ловушку, а он подстерегает тебя с капканом! Сколько таких операций заканчивалось гибелью, увы, не только наших врагов, но и наших товарищей.

Враг хитер и коварен. Малейший просчет может оказаться роковым. Глава одиннадцатая Допрос под пыткой Мария Сергеевна не знала, сколько времени она находилась в заключении. Плафон над ее головой светился непрерывно. Белый, мягкий, матовый свет Ох, хоть бы он погас! Окон не было, часов не было, свет не выключали. Она потеряла счет времени. Она не знала — день за стенами тюрьмы или ночь Постепенно она привыкала к своему положению. Да, как ни странно, но привыкала Она сменила лиловую пижаму на синее платье, платье было узковато, но все — таки она натянула его. нельзя же все время оставаться в пижаме, туфли, наоборот, чуть велики. Это было неудобно, потому что она много ходила. Она заставляла себя ходить. Она часто мылась, сперва стеснялась, боялась, что ее застанут раздетой, потом перестала об этом думать, стала обтираться холодной водой до пояса. Ела, пила, спала, читала. Налаживался какой-то быт. Делала все, чтобы не ослабить волю, не утратить физические силы. Офицер и Вайолет — вот и все люди, которых она видела. Офицер был у нее три раза. Вайолет заходила чаще. Она, вероятно, служила здесь надзирательницей или чем-нибудь в этом роде. Она была интеллигентна, во всяком случае, достаточно интеллигентна, чтобы найти себе дело поприличнее. Вайолет приносила пищу, помогала убирать камеру, старалась оказывать мелкие услуги. Иногда у Марии Сергеевны складывалось впечатление, что Вайолет хочет с ней поговорить, но не осмеливается. Вероятно, это было ей запрещено, а может быть, кто-нибудь следил за Вайолет. Как-то она принесла Марии Сергеевне флакон. "Женщине трудно без духов, — сказала она, — возьмите". В другой раз предложила: "Может быть, вам сделать аперитив?" Это действительно была какая-то особая тюрьма, если надзирательница осмеливалась предлагать заключенной

спиртные напитки! Но на вопросы Марии Сергеевны — где она, что ее ожидает, какой сегодня день, который час, Вайолет не отвечала. Из непродолжительных разговоров с офицером Мария Сергеевна поняла, что ничего хорошего ее не ждет. То есть все было бы хорошо, если бы она оказалась нечестным человеком. Впрочем, это было сказано слишком мягко. Вещи следует называть своими именами. Если бы она оказалась предательницей. Вот в таком случае все кончится для нее хорошо. Но Мария Сергеевна готова была десять раз умереть, но совершить предательство она не могла. Офицер очень ясно давал понять, что упорство Марии Сергеевны все равно будет сломлено. "Есть средства, — обронил он, — которые способны заставить заговорить любого человека". Вероятно, он так и думал. "Что могут со мной сделать?" — думала Мария Сергеевна и запрещала себе об этом думать. Если ей и предстояло пережить что — либо страшное, не следовало это предвещать. Она вскрывала банку и принималась за сосиски. Грызла галеты. Пила кофе. Накладывала больше сахару. Противника следовало встретить во всеоружии. А у нее единственным оружием был ее нестигаемый дух. "В здоровом теле — здоровый дух" — вспоминала она с улыбкой любимое выражение Леночки. В здоровом теле — здоровый дух. Сосиски, печенье, кофе, сахар. В одно из своих посещений Вайолет предложила принести еще какие —нибудь книги. Мария Сергеевна поинтересовалась, нет ли в тюремной библиотеке книг русских поэтов. Поэзия родственна математике, стихи тоже должны быть точны, логичны, закончены. Хорошие стихи чем —то напоминали уравнения. Вайолет усмехнулась и сказала, что чего —чего, а русской поэзии здесь достаточно. Мария Сергеевна попросила принести Тютчева и Некрасова, одного она любила за кристальную ясность образов, другого за высокий гражданский пафос, и Вайолет не обманула, принесла. Мария Сергеевна с наслаждением читала стихи, и они помогали ей сохранять твердость духа. Весенней негой утомлен, Я впал в невольное забвенье: Не знаю, долог ли был сон, Но странно было пробужденье. Ни тени слабости, ни признаков малодушия не должны увидеть те, кто рассчитывает на ее слабость и малодушие. Она не Трубецкая, не Волконская, не Космодемьянская, но все они — ее сестры. Русские женщины! Бог весть, увидимся ли вновь, Увы, надежды нет. Прости и знай: твою любовь, Последний твой завет Я буду помнить глубоко В далекой стороне. Не плачу я, но нелегко С тобой расстаться мне! Она сердилась на себя за то, что чувство жалости к Леночке на какую —то минуту заставило ее потерять

осмотрительность

В свое последнее посещение этот неизвестный офицер выразил ей свое сочувствие. — Вероятно, ваша дочь очень о вас тревожится, — сказал он. — Мы можем переслать в Москву ваше письмо. Ничего лишнего, конечно, ни где вы находитесь, ни как с вами обращаются, никаких подробностей, несколько ободряющих слов. Если хотите, напишите записку

И она захотела! Фактически этот офицер продиктовал ей записку. Она растерялась от неожиданности, от возможности хоть что-то сообщить о себе, и офицер подсказывал ей слова: "Не беспокойся обо мне, все будет в порядке. Держи себя в руках

" А вот сама она не сумела держать себя в руках! Ничего не надо было писать. Кто знает, для чего понадобилась записка. Может быть, нужен ее почерк, может быть,

хотят обмануть

Леночку

Мария Сергеевна простить себе не могла, что на какое-то мгновение поддалась слабости

Мария Сергеевна задумалась. День сейчас или ночь? Дверь отворилась

Опять этот офицер! Никаких записок больше она писать не будет

Офицер вошел и тотчас захлопнул за собой дверь. — Добрый день, — поздоровался он. Говорит — добрый день, а на самом деле сейчас может быть ночь

Он взял стул и сел у стола. — Поговорим, — произнес он. А о чем говорить, если эта женщина вообще не хочет разговаривать. Ее посадили в тюрьму, она отлично понимает, что это не шутка, понимает, чего от нее хотят, и после всего этого желает, извольте ли видеть, читать стихи! Неужели эту женщину не тяготит одиночество? — Вам не скучно здесь? — осведомился офицер. — Напротив, — сказала Мария Сергеевна, — Мне очень весело. В вашем обществе и в обществе Вайолет. — Вайолет славная девочка, — возразил офицер. — Она тоже жалуется, что ей с вами невесело. Она любит теннис, музыку, танцы, мечтает о том, чтобы ее отпустили

— Так отпустите ее, — сказала Мария Сергеевна. — Только вы можете ее отпустить. Все зависит от вас. Можете отпустить и ее, и себя. Вам предлагается выгодная сделка. Вы посвящаете нас в суть открытия

своего шефа,

а взамен

— Вы не хотите позавтракать? — предложила вдруг ему Мария Сергеевна. — Я уже пообедал, — нечаянно вырвалось у ее собеседника, не ожидавшего такого вопроса. "Он уже пообедал", — отметила про себя Мария Сергеевна. Значит, время сейчас к вечеру. Во всяком случае, сейчас вторая половина дня. Послеобеденное время. — В таком случае, позвольте мне

Мария

Сергеевна налила себе кофе, отпила несколько глотков — Я вас слушаю, — сказала она. Она хочет его слушать Тем лучше! — Вы заполняете несколько листков. Три, два, даже один. Я не знаю сколько. Основные формулы, а взамен — А если я напишу ерунду? Набор цифр? — С тем, что вы напишете, ознакомятся ученые. Если это в какой-то степени ориентирует их, поможет продвинуться в решении каких-то задач, вы получите — А до тех пор? — До тех пор вы будете находиться в обществе Вайолет и вашего покорного слуги. — А кто же все-таки мой покорный слуга? Марии Сергеевне показалось, что ее собеседник колеблется, назвать себя или нет. Он действительно колебался. Если эта женщина очутится когда-нибудь на свободе, он не хотел бы, чтобы она знала его имя. Потом подумал: или она согласится на все, что он предлагает, или вообще перестанет существовать, освободить ее уже нельзя ни при каких обстоятельствах. Он ничем, в сущности, не рискует — Майор Харбери к вашим услугам, — назвался он. — Теперь я буду знать, — сказала Мария Сергеевна и повторила: — Майор Харбери. Я запомню вашу фамилию. — Мы еще подружимся, — пообещал Харбери. — Вы еще будете меня благодарить. — За похищение? — За ту жизнь, которая предстоит вам в дальнейшем. — А вы знаете, какая жизнь предстоит мне в дальнейшем? Харбери сел поудобнее, достал пачку сигарет, закурил: — Я вам сейчас опишу Мария Сергеевна тоже поудобнее села на кровать, на розовое пушистое одеяло, такое пушистое, каких она не видела до сих пор. — Не лучше ли, если я сама скажу, какая жизнь мне предстоит? — сказала Мария Сергеевна. — Я представляю ее себе. Она провела ладонью по одеялу — такое мягкое, что кажется, будто оно и не из шерсти. — Возможно, мне дадут институт, специально оборудованный научный институт, в котором все будет подчинено только мне. Не так ли, господин майор? — О да! — подтвердил Харбери. — И не только институт — Как-никак я доктор наук, профессор, и притом незаурядный профессор, иначе не стоило бы меня похищать, — сказала Мария Сергеевна. — Значит, я получаю институт. Само собой разумеется, у меня будет машина. Я представляю себе эту машину. Я была на американской выставке. Пожалуй, единственное, что мне там понравилось, так это ваши машины. Значит, роскошная, мощная, большая машина — Две, — сказал Харбери. — Даже три. Для деловых поездок, для прогулок и для ваших домашних. — Пусть две, — согласилась Мария Сергеевна. —

Три — это уже чересчур. Две современные комфортабельные машины. Я не очень в них разбираюсь, но, скажем, цвета топленого молока и с сиденьями, обтянутыми светло — желтой кожей. Она села на кровати поглубже, точно уже находилась в машине и устраивалась в ней поудобнее. — Значит, две машины. Где — нибудь в пригороде собственный дом. Пять спален, три гостиных, столовая, две веранды, две
нет, три
ванн
Цветник. Цветное
телевидение. Может быть, даже установка для кондиционирования
воздуха — Не может
быть, а вы будете ее иметь, — сказал Харбери. — Мы не жалеем денег на крупных ученых. — Отлично, — сказала Мария Сергеевна. — Значит, кондиционирование. Кроме того, я буду получать большие гонорары. Мои книги будут издавать крупные издатели, они не скупятся на оплату больших ученых. Однако наибольший успех выпадет не книгам по математике. Я напишу еще книгу Назовем это социальной темой. Что — нибудь
вроде того, что Ну,
скажем, "Почему я бежала из Советской России". Или — "Закат науки за железным занавесом" — Если вы это сделаете, вы разбогатеете, — сказал Харбери. — Мы даже найдем человека, который напишет за вас такую книгу. — Нет, зачем же, я уж сама это сделаю, — сказала Мария Сергеевна. — А летом, в каникулярное время, поеду отдохнуть Говорят, у вас хорошо во Флориде? — У нас много хороших мест, — сказал Харбери. — Вам будет из чего выбрать. — Первоклассные отели, море, прогулки на яхтах — задумчиво произнесла Мария Сергеевна. — И, наконец, вы привезете ко мне мою дочь. Если удалось похитить меня, то уж мою дочь вы сумеете переправить. Ей предстоит блестящая будущность. Туалеты. Развлечения. Брак с каким — нибудь молодым адвокатом или офицером. Таким, как вы, например Мария Сергеевна загадочно смотрела на своего собеседника; он верил ей и не верил, но во всем его облике появилась какая — то размягченность. — Все это вы мне можете гарантировать? — спросила Мария Сергеевна. — Да, — сказал Харбери. — Я не обманываюсь? — Нет, — сказал Харбери. Мария Сергеевна улыбнулась. — Это рай. Настоящий американский рай. Как видите, я сумела его нарисовать, майор Я не ошибаюсь, майор Харбери? В таком раю я обречена блаженствовать? Да, она улыбнулась! Сперва Харбери не поверил своим ушам: эта женщина слишком быстро сдавалась, даже в лагерях для перемещенных лиц

русские, которых вербовали после войны в иностранную разведку, даже они труднее поддавались на уговоры. Но Ковригина перечислила именно все те блага, какими приманивали за океан иностранных артистов и ученых. Все может быть! Может быть, она и не такой уж преданный своей Родине человек, как ее рисовали. Харбери полагал, что Ковригина перечисляет условия, на которых согласна перейти на службу к другой стране. Она, конечно, запрашивает

Хотя, кто знает, может быть, она и в самом деле стоит такой цены? Мария Сергеевна продолжала улыбаться. — А вы сумеете привезти мою дочь? — спросила она. — Вы не обманываете? — Можете не сомневаться, — охотно подтвердил Харбери. — Для нашей разведки нет невозможных вещей. Лицо Марии Сергеевны потемнело. — А знаете, что сделает моя дочь, — спросила она, — когда вы привезете ее ко мне? — Бросится к вам в объятия? — Вы угадали, — сказала Мария Сергеевна. — Но только наполовину. Она действительно бросится

для того, чтобы плюнуть мне в глаза! Харбери пытливо посмотрел на Марию Сергеевну. — Я не совсем вас понимаю — И не поймете, — с насмешкой произнесла Мария Сергеевна. — Вы предлагаете мне все блага? Вам они представляются верхом человеческого существования? Но вы просто недостаточно осведомлены о моей жизни. Значит, институт, машина, собственный дом, деньги, курорты, туалеты. Что еще вы можете обещать мне? Представьте себе, все это я имела в Москве. Институт у нас такой, что не мы интересуемся вашими открытиями, а вы нашими. Машина

Когда мне бывает нужна машина, я ее получаю, а то, что она не моя, не так уж важно. Не нужен мне и собственный дом с пятью спальнями и десятью гостиными, меня и мою дочь устраивала наша квартира. Мы с дочерью не раз отдыхали и на Кавказе, и в Крыму, где нисколько не хуже, чем на ваших курортах. А что касается туалетов, это просто смешно. Ведь не мы у вас, к примеру, а вы у нас покупаете меха

— Мария Сергеевна горько усмехнулась. — Я не знаю, что вы делали и долго ли жили в России, но вы совсем не знаете советских людей. Харбери поднял руку, как бы желая остановить свою собеседницу. — Извините, — сказал он. — Вы умней и сильнее, чем я думал. Но есть нечто, от чего и вы не захотите, не сумеете отказаться. Свобода! Свобода, которая есть необходимое состояние всякой души. Истинная и полная свобода. — О, майор Харбери, вы перешли к другим категориям

Но навряд ли вы успеете и здесь. Вероятно, свободу мы тоже понимаем по-разному. — Свобода духа — вечная и неизменная категория — Допустим. Позвольте же вас спросить: вы свободны? — О да! — В

таком случае выпустите меня отсюда. — Не могу! — Но ведь вы же свободны? — Мне просто невыгодно вас отпускать. — Что же это за свобода, которая нуждается в подавлении свободы другого? — Свобода борьбы! — Или конкуренции. В том мире, который вы представляете, свобода в том и заключается, чтобы лишать свободы других. Свобода сильного. — Но я и предлагаю вам силу! — Силу или свободу? — Средства, которые сделают вас свободной. — Свободной жить за счет других? Это для меня не свобода. Позвольте вам объяснить. У вас свобода — это свобода для небольшого количества индивидуальностей и за счет массы других индивидуальностей. А у нас свобода для большинства, для всего народа; приобретя свободу, народ наделяет ею всех, кто трудится. Моя свобода вечна и благотворна. Вы же служите тем, кто подавляет свободу, и сами, сами вы не пользуетесь ею ни в малейшей степени

— Но творчество, творчество

Харбери чувствовал: где-то внутри его набухают злоба и тоска. — Вы же не можете делать то, что хотите! — А что же я делаю? — То, что предписывают власти! — Точно у вас власти ничего не предписывают! Только ваши власти поставлены теми, кто над народом, а наши власти лишь представители народа, и так как я тоже часть народа, мои интересы не расходятся с интересами большинства. — Но вы могли бы иметь больше! — Чего и зачем? Он не знал, что ответить

Мария Сергеевна презрительно посмотрела на Харбери. — Вам это непонятно, — сказала она. — Творчество не покупается

Нет, Харбери не хотел признать, что эта женщина оказалась сильнее его, что ему не под силу с нею справиться! — Не покупается, — повторила она и решительно махнула рукой, точно отрубила что-то в воздухе. — И все! И больше нам не о чем говорить. — Вы имеете последний шанс, — негромко произнес Харбери. — Я не собирался вас покупать. Все, о чем мы говорили, это лишь добавление к вашей жизни, потому что

потому что — Он задохнулся. — Потому что — не забывайте — в наших руках ваша жизнь! Харбери чувствовал, как его распирает гнев. Нет, не гнев, а бешеная ненависть

В войну он осуждал фашистов за их зверства, но сейчас понял, почему фашисты зверели

От советских фанатиков добром не добиться ничего! Они не понимают разумных доводов. Бить, бить! Их пытаться нужно! Сломить,

заставить И Харбери не выдержал. — Встать! — заорал он вдруг. — Встать! Мария Сергеевна удивленно посмотрела на него. — Что с вами? — Встать! — еще громче, переходя на визг, орал Харбери. — Я приказываю вам

встать! Мария Сергеевна медленно поднялась. Она стояла, а Харбери, развалясь на стуле, смуглыми пальцами нервно разминал сигарету. — Не хотите нашего рая? — прохрипел он. — Так узнаете наш ад! Мария Сергеевна молчала. — Вы слышите? — спросил Харбери, беря себя в руки. — Вы узнаете наш ад! Она молчала по-прежнему. — Не молчите, черт вас подери. Чего вы молчите? Мария Сергеевна пренебрежительно пожала плечами. — По-моему, все уже сказано, — сказала она. — Я не хочу ни вашего рая, ни вашего ада, но даже адом меня вы не испугаете. Харбери злился сейчас на весь свет. На эту чертову русскую бабу, из-за которой загорелся весь этот сыр-бор. На Джергера, на Нобла Его, респектабельного и образованного офицера, заставляют исполнять обязанности тюремщика! Проклятый Джергер требует, чтобы он любыми способами выжал из Ковригиной формулы. "Мы уже не можем выпустить ее из своих рук, — говорит Джергер. — Поэтому не церемоньтесь. Если не удастся уговорить, бейте ее, как положено бить упрямых ослов. Уж лучше потрудиться здесь, чем устраивать перевозку ее через границу. С этим в два счета влипнешь". Но он офицер, а не палач. И бить женщину не будет. Такие люди, как она, физическую боль переносят легче, чем нравственные муки. Он попытается ее запугать, не прибегая к побоям Харбери вскочил, резко оттолкнул ногой стул и, сделав шаг к Марии Сергеевне, закричал: — Вы будете стоять час, два, три, сутки, пока не упадете. Я лишу вас воды и пищи "Началось, — подумала Мария Сергеевна. — Кажется, началось! Ну что ж, не я первая и не я последняя. — Отвечайте! — проговорил Харбери металлическим голосом. — Отвечайте! Вы хотите, чтобы вас уморили голодом? — Я не хочу с вами разговаривать, — звонко произнесла Мария Сергеевна. — Вы можете делать что угодно, мне это безразлично. — Так слушайте, ученая мадам, если не хотите говорить, — грубо произнес Харбери. — Я скажу, скажу, что вам предстоит. Мы будем поить вас касторкой. Вставим в рот воронку и будем вливать касторку. Бутыль за бутылкой. Это отличное угощение! Потом мы будем топить вас в ванне, в холодной воде и в горячей. В очень холодной и очень горячей Мария Сергеевна видела его бесцветные глаза и понимала, что человек с такими глазами способен на все. А Харбери припоминал все, что он вычитал в книгах о фашистских застенках. — Мы свяжем вам руки, посадим в зубоврачебное кресло и будем сверлить зубы, — продолжал он, входя во вкус собственных рассказов. — Это очень приятно, когда вам сверлят зуб за зубом! Мы не пощадим вашей стыдливости,

посадим голой в железную клетку и выставим на обозрение солдатам на одном из полигонов. Под кожу вам будут загонять иголки То, что он говорил, было и страшно, и гнусно. Это было, пожалуй, даже более гнусно, чем сами пытки. А Харбери упивался собственными измышлениями, они произвели впечатление даже на него самого и не могли не подействовать на эту женщину. Он заметил, что за эти несколько минут она осунулась. Она уже не была так красива. Лицо у нее удлинялось, на нем появилась бледность Оно стало похоже на лица святых, изображенных на старинных русских иконах. А глаза У нее стали какие-то сумасшедшие, пронзительные Впрочем, все святые были немножко сумасшедшие. Потому они и были святые — Так что же вы скажете? — спросил он Марию Сергеевну. — Договоримся мы или нет? Этот человек пугал ее, он хотел ее уничтожить. Она это хорошо понимала, и вместо ответа она пошла прямо на этого офицера, пошла так решительно, что Харбери невольно отступил, отгораживаясь от нее стулом. — Вы что? — Пойдемте, — сказала Мария Сергеевна. — Куда? —

спросил Харбери. — В ваши застенки, к вашим палачам, — почти кричала Мария Сергеевна. — Я не боюсь вас! Она действительно была готова ко всему. Она не знала, что скрывается за серой дверью, из-за которой появлялся ее тюремщик. Она не знала, кто ждет ее в коридорах, по которым ее сейчас поведут. Не знала, какие пытки ждут ее за этими стенами. Но она верила, что этот человек говорит правду. И тогда Харбери предпринял еще одну попытку. — Нет, — сказал он. — Не торопитесь. Вы испробуете все, о чем я вам говорил. Но сперва все это мы сделаем с вашей дочерью. На ваших глазах Зрачки его превратились в сине-желтые огоньки, точно в каждом глазе вспыхнуло по серной спичке. — На ваших глазах, — удовлетворенно повторил он и, как бы забивая ей в голову гвозди, принялся повторять одни и те же слова: — На ваших глазах, на ваших глазах, на ваших глазах — Нет! Нет! — закричала Мария Сергеевна. Она покачнулась. Все-таки он добил ее, этот майор. Больше она не могла стоять. Она рукой нащупала постель. Опустилась, села. У нее закружилась голова. Этого она не выдержит. Если она увидит в его руках Леночку, она умрет. Она убьет себя. Она не знала, как она это сделает, но твердо знала, что сумеет себя убить. Не увидит, как будут мучить Леночку. Глава двенадцатая Контрольный пакет акций Встретаться было опасно, но и нельзя было не встретаться, слишком далеко зашла "операция", чтобы ее можно было прервать. Да они и не хотели ее прерывать.

Ковригина была похищена, похищение прошло на редкость удачно, но конечный, заключительный результат операции был все так же далек, как и до приезда Джергера в Советский Союз. Нобл хранил молчание, и виновники похищения понимали тайну этого молчания. Если Ковригина будет доставлена на Запад, над похитителями опрокинется рог изобилия. Но если Ковригина погибнет раньше времени, Джергеру и Харбери несдобровать. Нужно было заканчивать операцию. Каждый лишний день грозил провалом. Они не рисковали больше встречаться у Барнса, они устраивались теперь иначе. Харбери выезжал на своем "шевроле" за город, гнал по шоссе до условного места, останавливался, и тут из лесу или из — за угла какого — нибудь дома появлялся Джергер и нырял в машину. Здесь они и разговаривали, вернее, сговаривались о дальнейших действиях. Машина была удобным местом для свиданий. Опаснее всего было незаметно покинуть машину. На большой скорости Харбери возвращался в Москву. На людном перекрестке, где — нибудь поблизости от станции метро или у вокзала, посреди большого скопления людей, Харбери притормаживал, Джергер выскальзывал из машины и тут же терялся в толпе. А теряться он умел, этому он был обучен весьма квалифицированными детективами! На другой же день после злополучного разговора Харбери с Ковригиной они встретились на Ленинградском шоссе. Харбери окончательно убедился, что ничего от пленницы добиться им не удастся. Приходилось переправлять Ковригину за рубеж. Миновав Химки, Харбери остановил машину у края дороги, осмотрелся — в глаза не бросалось ничего подозрительного. Он приоткрыл дверцу и даже сам не заметил, как откуда — то вынырнул Джергер. Тот, как всегда, устроился на заднем сиденье, под прикрытием задернутых занавесок. — Хэлло, Билл! Все в порядке? — Я опять не заметил, как вы подошли, Робби, — признался Харбери. По тону Харбери Джергер догадался, что дела у того по — прежнему не ладятся. — Ничего не получается, Билл? — Изображает Жанну д'Арк! — Надо бить. Применять физические меры воздействия. — Ерунда. Я вам сразу сказал, что из этого ничего не получится. Я — то их знаю. — Тогда, Билл, придется вывозить! — Да, придется. — Вывозить придется вам, а не мне. — Но как, черт побери? — И побыстрее. Я больше не могу держать дочь Ковригиной на вожжах. — Проявляет беспокойство? — Поймите, она или потребует свидания с матерью, или, наконец, просто проговорится. — А как вывезти? — Билл, старина, мы, по — моему, уже договорились с вами об этом. — Вы имеете в виду — Багаж! Хорошо замаскированный багаж. — Джергер, вы молодой человек, послушайте меня: это авантюра, отсыревший патрон. Понимаете Джергер резко подался вперед и почти на ухо Харбери зло проговорил: — Русские вам испортили характер. Вы хотите получать деньги и не

хотите работать! — Пошли вы к черту, Робби, с вашими проповедями. Если хотите знать, я уже прощупал кое-кого из посольства. Они вряд ли согласятся. Вдруг осечка, понимаете! А престиж государства дороже любого военного секрета. — Значит, надо попытаться обойтись без дипломатов. Отправим багаж с тем, кто не вызывает подозрений и чье общественное положение освобождает от таможенных формальностей. — А такой есть? — Мистер Паттерсон. Миллионер Паттерсон. Гость нашего посольства, точнее, личный гость мистера Уинслоу. Формально он обычный турист. Но с ним не могут не считаться. Советские таможенники, вы сами говорили, деликатные люди. Надо надеяться, Паттерсона они не потревожат. — А вы полагаете — он согласится? — Как попросить! — Потом неизвестно, сколько времени он здесь еще проболтается. — А мы попросим поторопиться. — Так он и поторопится! — Поторопят. Это в наших возможностях. Можете мне поверить, поторопят — А что я ему скажу? — Скажете, что нужно срочно отправить ценный архив. Ценные документы. Которые только ему и можно доверить — Нет, Робби, старик все равно не возьмет чемодан. — Припугните. — А вы слышали, до чего он упрям? — Сошлитесь на Нобла. — А он плюет на Нобла. У него хватает денег, чтобы плевать. — Пригрозите ему политическими неприятностями. — Это его не испугает. Деньги, Робби, деньги. Я говорю, у него хватает денег. — Все-таки попробуйте. — Попробую. — А послезавтра встретимся. Я не могу больше ждать. — Бойтесь своей девицы? — А что вы думаете! Они ехали и разговаривали. Джергер, пригнувшись к переднему сиденью, и Харбери, не оборачиваясь, обменивались короткими репликами. Они понимали друг друга с полуслова. — Значит, в среду, на Можайском шоссе, у Баковки Сотни машин проносились мимо, но Джергер не смотрел по сторонам, безопаснее было не выглядывать из-за занавесок. У Белорусского вокзала Харбери обогнул площадь и въехал под мост. — Давайте, Робби На одно мгновение он остановил машину прямо против входа в метро и даже не обернулся, а когда машина пошла дальше, Харбери был в ней один. Ему не очень-то хотелось идти к Паттерсону, хотя они и знали уже друг друга. Но не идти было нельзя. Он был неплохим бизнесменом, Герберт Ф.Паттерсон, он даже человеком был неплохим, не слишком жестоким, не слишком жадным, не слишком завистливым, но к нему привалило много денег и его потянуло в политику. Вернее, в политику потянуло миссис Паттерсон, а мистер Паттерсон просто не осмеливался ей возражать. Полмира мылось мылом "Командор" и пользовалось стиральным порошком "Майское утро". Стиральный порошок и сделал Паттерсона миллионером. Во многих городах

Запада дымили его фабрики, производившие "Майское утро". Герберт Ф. Паттерсон не отличался гибким умом, но у него имелся отличный текущий счет, и этого было достаточно, для того чтобы пытаться "делать политику". Харбери отправился в посольство и перехватил старика в холле. Паттерсон выглядел весьма импозантно. В золотом пенсне, с подстриженными седыми усами, он смотрел на собеседника торжественно и сурово. Тот, кто впервые разговаривал с ним, чувствовал себя совершенно подавленным его величием. Харбери решительно преградил дорогу миллионеру. — Добрый день, мистер Паттерсон! — О да, — сказал тот. — Но я не даю сегодня интервью — Мне не нужно интервью. У меня к вам просьба, мистер Паттерсон. Старик благосклонно кивнул. —

Говорите — Я слышал, вы уезжаете? Опять величественный кивок. — Да, уезжаю. — У меня скопилось большое количество весьма важных документов, — объяснил Харбери. — Я бы хотел, чтобы вы захватили их с собой. — В Сочи? — удивился Паттерсон. — Но что я там буду с ними делать? — Почему в Сочи? — удивился в свою очередь Харбери. — Разве вы едете не домой? — Я еду в Сочи, дорогой Харбери, — пояснил Паттерсон. — Официально — я хочу отдохнуть на советском курорте. На самом деле это маневр. По моим сведениям, там сейчас находится высокопоставленный советский деятель, и я надеюсь встретиться с ним на неофициальной почве. Это способствует сближению. Харбери недоумевающе взглянул на него. О каком сближении толкует этот старый идиот? Совсем выжил из ума! Жаль, нельзя включить магнитофон. Послушал бы его Нобл! — О каком сближении вы говорите, мистер Паттерсон? — почтительно осведомился Харбери. — Генералы связаны с военной промышленностью и заинтересованы в обострении отношений между государствами, — продолжал Паттерсон. — А я мыловар, и чем на земле спокойнее, тем чаще моются люди. "Ах вот почему, проклятый мыловар, тебя несет в Сочи, — подумал Харбери. — Тебе нужно торговать своим мылом, а мне до зарезу необходимо перевезти через границу шестьдесят килограммов живого веса! И сперва ты поедешь куда надо, а потом можешь лететь хоть на Луну!" — Мне кажется, вам лучше вернуться домой, — промолвил Харбери с подчеркнутой вежливостью. — Заодно вы захватили бы мои бумаги. — Нет, мой друг, — твердо заявил Паттерсон. — Я еду в Сочи, а бумаги вы можете переслать с кем-нибудь другим — Но это очень важно, — внушительно сказал Харбери. — Мои начальники ждут эти бумаги сейчас. — Я знаю, что это за бумаги, — уже сердясь, откликнулся Паттерсон. — Вы все здесь чересчур увлекаетесь фотографией. Мосты, вокзалы, а заодно и очереди в кино, которые выдаются за очереди у булочных. Харбери решил выложить главный

козырь. — Но это личная просьба мистера Нобла, — холодно сказал он вполголоса. — Мистер Нобл лично просит вас — А мне плевать на мистера Нобла, — грубо отпарировал Паттерсон. — Я не хочу ввязываться в его дела. Слава богу, у меня еще есть несколько центов на кусок мыла! Харбери заранее знал, что из разговора с Паттерсоном ничего не получится. Он предупреждал Джергера. Он сделал все, чтобы уломать старика. Но осел остается ослом, сколько его ни понукай! Он так и сказал Джергеру, встретив его

на Можайском шоссе. — Срочно посылайте шифровку Донновену, — распорядился Джергер. — А Донновен свяжется с Ноблом

Харбери так и поступил, и Нобл не замедлил с ответом. Сам Харбери не получил никаких указаний, но два дня спустя у него в офисе появился Эзра Барнс. — Что там у вас стряслось, Билл? — спросил он. — Меня бросают вам на подмогу. Харбери знал, что на Барнса можно положиться, а тут он сам говорит, что ему приказано оказать Харбери содействие. Пришлось посвятить Барнса в разногласия с Паттерсоном. — Ничего, — утешил его "король репортажа" и добавил: — Сегодня вечером позвоню в Париж. Харбери не понял: — В Париж? Зачем? Барнс раздвинул толстые губы, что означало у него улыбку. — Сообщу, что у старика Паттерсона разыгралась подагра, — все так же загадочно пояснил он. — Попрошу прислать для него лекарство. Ровно через четыре дня после непонятного разговора с Барнсом в посольстве появился некий господин Флаухер. Самый обычный турист из Западной Германии, господин Карл Флаухер прибыл в Москву из Ленинграда. Ничем предосудительным он в Советском Союзе не занимался. Коренной баварец, он происходил из старинной бюргерской семьи. Отец его, видный южногерманский промышленник, к концу жизни стал одним из заправил крупнейшего химического концерна. Сыну он дал солидное образование, и едва тот обзавелся дипломом инженера, как получил пост одного из директоров концерна. Флаухеры знали, как делаются деньги. Старший Флаухер был близок к Папену, к Гинденбургу, но к моменту, когда младший Флаухер возглавил дело, Гинденбург стал для Германии вчерашним днем. Карл Флаухер налаживал связи за океаном и поддерживал Гитлера. Щедрые финансовые субсидии нацистам сблизили его с вождями Третьего рейха. Никто не смел вспомнить, что мать Флаухера происходила из династии Ротшильдов. Восстановление экономики Западной Германии по окончании войны сделало Флаухера мультимиллионером. Но об этом знали немногие. Даже очень немногие. Флаухер не искал популярности, он ценил реальную власть. Он всегда мог позвонить любому министру Боннской республики и рассчитывать, что его просьба будет удовлетворена. Но на этот раз господин Флаухер поехал в Россию действительно только как турист. В Ленинграде он ознакомился с

Эрмитажем, любовался Невою, в Москве осмотрел Кремль, посещал театры и выставки, интересовался жилищным строительством. Он был туристом, только туристом, и ничем, решительно ничем больше! Поэтому он с большой неохотой согласился принять у себя в гостинице мистера Барнса, корреспондента "Пресс — Эдженси", пожелавшего проинтервьюировать господина Флаухера. Однако после доверительного разговора с корреспондентом Флаухер тут же отправился разыскивать Паттерсона. Мистер Флаухер представился чиновнику посольства и выразил желание видеть мистера Уинслоу.

— Мистер Уинслоу очень занят

Мистер Флаухер попросил передать мистеру Уинслоу свою визитную карточку. Через минуту появилось некое юное существо. — Мистер Уинслоу извиняется

Тогда мистер Флаухер достал из кармана еще одну карточку, написал на ней что — то и настойчиво попросил показать карточку мистеру Уинслоу еще раз. Юное существо по пути к своему шефу прочло, разумеется, что написал настойчивый субъект: "Меня просил зайти к вам мистер Фишер". Юное существо так ничего и не поняло, когда мистер Уинслоу заторопился в приемную навстречу странному гостю. —

Простите, мистер Флаухер

Чем могу быть полезен? — Говорят, мистер Паттерсон — ваш гость? — Он как раз у меня. — Мне хотелось бы видеть

— Они прошли в одну из гостиных. — Я приглашу мистера Паттерсона

Паттерсон не замедлил появиться. — Мистер Паттерсон?

Флаухер Они обменялись рукопожатиями. Мистер Флаухер бросил на мистера Уинслоу ласковый выразительный взгляд. — Вы меня извините? — О! Я

понимаю Мистер Уинслоу

покинул гостиную, и вот Флаухер и Паттерсон остались с глазу на глаз. За низким полированным круглым столиком, в низких неудобных креслах сидели важный и строгий Паттерсон и коренастый, черноволосый, подстриженный ежиком господин Флаухер в недорогом спортивном сером костюме. — Рад с вами познакомиться, мистер Флаухер, — сказал Паттерсон. — Мистер Фишер — мой друг. — Мой тоже, — заметил Флаухер. Паттерсон приветливо улыбнулся. — Друзья наших друзей — наши друзья. Есть такая французская поговорка. Но Флаухер не обратил внимания на французскую поговорку. — Я тоже рад познакомиться, — сказал он. — Тем более что у меня к вам маленькое дело. Однако, извините, знаете ли вы меня? — Конечно, мистер Флаухер, — любезно ответил Паттерсон. — Ваша фамилия значит в западногерманских

справочниках. — Да, — подтвердил Флаухер. — Мне принадлежат несколько предприятий. — Крупных предприятий, мистер Флаухер, — поправил его Паттерсон. — В справочниках перечислены далеко не все Паттерсон засмеялся. — Тем лучше, мистер Флаухер! — А вы — стиральный порошок "Майское утро"? — осведомился Флаухер. — Да, — подтвердил Паттерсон. — "Майское утро" и мыло "Командор". — Вы входите в Объединение мыловаренной промышленности? — осведомился Флаухер. — Конечно, — подтвердил Паттерсон. — Надо иметь возможность диктовать рынку свои цены. — Я знаком с деятельностью вашего Объединения, — сказал Флаухер. — Конечно, — согласился Паттерсон. — Если мистер Фишер ваш друг — Он стал моим другом после того, как был избран на пост директора Объединения, — уточнил Флаухер. Такое примечание прозвучало для Паттерсона несколько загадочно. Флаухер заерзал в своем кресле. — Если позволите, я закурю, — сказал он и полез в карман. Паттерсон придвинул к гостю деревянную коробку, оклеенную позолоченными этикетками. — Прошу. Мы хотя и в ссоре с правительством Кастро, но сигары оттуда получаем по-прежнему. Настоящие "Корона-Империаль". Флаухер открыл свой объемистый портсигар. — Для меня эти сигары слишком дороги, — сказал он. — Я курю немецкие. Он не спеша раскурил сигару. — Ну и как идет на рынке ваш порошок? — осведомился он. — О! Что касается мыльного порошка, я монополист, — самодовольно произнес Паттерсон. — Ни одна хозяйка не променяет "Майское утро" ни на что другое! Флаухер задумчиво выдохнул сизое кольцо дыма. — Я хочу дать вам один совет, мистер Паттерсон, — неожиданно сказал он, поглядывая на собеседника прищуренными глазами. — Мне кажется, вам следует вернуться домой. — Я не понимаю вас, мистер Флаухер, — удивился Паттерсон. — Мы не настолько знакомы — Это не имеет значения. Скажу откровенно, я больше забочусь о себе, чем о вас. Поэтому я хочу, чтобы вы поехали домой. Срочно поехали и захватили с собой чемодан Чемодан мистера Харборо, если не ошибаюсь. Этот немецкий коммерсант лез не в свои дела! Лицо Паттерсона обрело обычную суровость. — Благодарю за совет, мистер Флаухер, но со своими делами я уж как-нибудь разберусь сам. — Я повторяю, мистер Паттерсон: я хочу, чтобы вы возможно скорее отвезли чемодан мистера Харборо. Паттерсон потерял привычную сдержанность, лицо его побагровело. — А откуда вам известен мистер Харбери? — топорща усы, язвительно спросил Паттерсон. — Он мне неизвестен. Нет, мистер Харборо мне неизвестен. — Но тогда кто же — Паттерсон

запнулся. — Кто же мог сообщить Едва заметная улыбка шевельнула губы Флаухера. — Могу вас заверить, что свою информацию я получаю из верных источников. — Мистер Нобл?! — Нет, мистер Нобл мне тоже неизвестен, — ответил Флаухер. — Он политик, а я промышленник. Нас ничто не связывает. Свою информацию я получаю по банковским каналам Он положил сигару прямо на стол, и ее пепел осыпался на сияющую полированную поверхность. — Давайте говорить на деловом языке, — сказал Флаухер. — Вы едете домой? — Нет, — отрезал Паттерсон. — Я еду в Сочи. Он не мог сдержать своего раздражения, наклонился и сдул пепел со стола. — А вам известно, мистер Паттерсон, — спросил Флаухер, — что ваше Объединение мыловаренной промышленности всего лишь дочернее предприятие Химической корпорации? — Да, это мне известно, мистер Флаухер. Но к чему вы мне это говорите? — А вам известно, что Химическая корпорация заинтересована в доставке чемодана мистера Харборо? — спросил Флаухер, не затрудняя себя ответом на вопрос Паттерсона. — Нет, это мне неизвестно, — сказал Паттерсон. Он уже не выглядел ни строгим, ни важным. — А вам известно, мистер Паттерсон, что стоит президенту Химической корпорации дунуть, и ваше объединение лопнет, как мыльный пузырь? — Да, конечно, если — А известно ли вам, мистер Паттерсон, кому принадлежит контрольный пакет акций Химической корпорации? — Флаухер повысил голос. — Мне! Мне! — повторил он. — Я сотрудничаю с нашей химической промышленностью без малого двадцать лет, и сейчас я владею этой промышленностью. Вам понятно это? Стоит мне дать указание президенту корпорации, и ваше объединение исчезнет с лица земли Паттерсон побледнел, он ничего не сказал, вздрагивала только его верхняя губа, и от этого дрожали острые кончики его седых усов. Флаухер откинулся на спинку кресла. — Все мы хотим есть, — примирительно сказал он. — Но большие проглатывают маленьких, а не наоборот. Не так уж трудно скомпрометировать ваш порошок, и ни одна хозяйка не будет покупать "Майское утро". Но мы можем сделать и большее. Мы заставим лопнуть банк, вкладчиком которого вы состоите. Ваша отставка еще полбеды, но ваш сын не окончит колледжа, а дочери придется изучать стенографию. Вы не сможете купить для себя куска своего "Командора" Флаухер улыбнулся своей шутке. Но Паттерсону было не до смеха. Он богатый человек. Обеспеченный человек. Самостоятельный человек. В конце концов, мистер Нобл мог помешать его политической деятельности, но лишить Паттерсона состояния не в его силах. Но

что можно сделать, если Химическая корпорация захочет стереть его с лица земли

Флаухер улыбался. Он раскрыл перед собеседником портсигар. — Закуривайте, мистер Паттерсон. И сегодня же отправьте телеграмму о выезде. Паттерсон не осмелился отказаться от скверной немецкой сигары, которую сам он постеснялся бы предложить лакею. — Хорошо, — промолвил он и поперхнулся. Мистер Паттерсон

не умел быстро соображать, но тут как-то сразу его осенила идея, и он снова попытался сыграть отбой. — Хорошо, — повторил он. — Но

Флаухер строго вскинул глаза на собеседника. — Что еще, мистер Паттерсон? — Конечно, я могу рассчитывать на любезность со стороны таможенной службы, но если все-таки захотят произвести осмотр чемодана? — Гм

Флаухер задумался. — Вы правы. Багаж должно везти лицо, обладающее дипломатической неприкосновенностью. Хорошо! Мы найдем дипломата, который вылетит вместе с вами. У меня есть такой. Он будет, так сказать, владельцем чемодана де-юре, а де-факто чемодан будет ваш. Впрочем, перелетев границу, вы можете послать своего дипломата ко всем чертям! — А кто этот дипломат? — Не все ли равно? Разумеется, это не представитель вашей страны, ее престиж мы не потревожим. С вами поедет пресс-атташе одного экзотического государства. Паттерсон облегченно вздохнул. — Значит, на меня возлагаются функции наблюдателя

Флаухер поморщился. — Вы упорно не хотите меня понять. Багаж повезете вы

Вы, мистер Паттерсон!

А дипломат будет при вас

— Флаухер подавил раздражение, — этикеткой, ширмой, декорацией. Называйте его как хотите! Но помните — будущее вашей фирмы зависит от того, насколько удачно выполните вы это поручение. — Я понимаю, — пролепетал Паттерсон. Флаухер встал и, улыбаясь, протянул ему руку. — Вы слишком политик, мистер Паттерсон, вы не умеете мыслить экономическими категориями, — с легким осуждением сказал он и вдруг перешел почти на шепот: — Мне нужна война, а не сосуществование

— И тут же поправился: — Холодная война. Это деньги, мистер Паттерсон, большие деньги. А что касается горячей, пусть она будет после нас. Умереть я хотел бы в своей постели. И не провожайте меня

Флаухер вернулся в гостиницу. В коридоре ему попался тот самый корреспондент, который утром брал у него интервью. Они поздоровались как старые знакомые. — Как самочувствие, мистер Флаухер? — осведомился корреспондент. — Превосходно, — ответил Флаухер. — Ездил в посольство. Еле добился свидания с господином Паттерсоном. Он

собирается домой и не мог уделить мне много времени. Если хотите что — нибудь с ним послать, торопитесь Барнс бросился к телефону. — Хэлло, Билл! — закричал он в трубку. — Все в порядке. Старик собирается домой. Спешите! Глава тринадцатая
Просьба, требование, каприз — Итак, заставим Королева работать на нас, ведь он "наш сотрудник"! — пошутил Пронин. — Пусть расплачивается за свою дерзость. Пронин еще раз уточнил с Ткачевым план действий и попросил вызвать Лену Ковригину. Она не заставила себя ждать. — Нашли маму? — обрадованно спросила она. — Пока еще нет, — огорчил ее Пронин. — Но мы хотим этого не меньше вас. Помните, вы обещали помочь нам? — Конечно, — сказала Леночка. — Вы можете полностью располагать мною. — Я не ждал от вас другого ответа. — Пронин улыбнулся. — На несколько дней станете чекисткой. — Он повернулся к Ткачеву. — Вот вам еще одна помощница, Григорий Кузьмич. — И снова, обращаясь к Леночке, попросил: — А теперь скажите: Королев аккуратно звонит? — Каждый день. — Встреч больше не назначал? — Нет. — Так слушайте. До сих пор он играл с вами в "кошки — мышки". Причем мышкой были вы. Вы продолжите игру, но на этот раз будете кошкой. Королев уверен, что все еще держит вас в руках. Он не подозревает, что находится под наблюдением. Не подозревает, что нам известна тайна "смерти" профессора Ковригиной
Вам надо встретиться с Королевым и заставить его указать место, где скрывают вашу маму. Леночка хотела было спросить, как же это она сможет заставить Королева, но Пронин остановил ее движением руки. — Елена Викторовна, выдержка для чекиста — первое качество. — Извините, — сконфуженно пробормотала Леночка. — Так вот. Мы тут с Григорием Кузьмичом кое-что придумали. Как только Королев позвонит, потребуйте от него свидания. Во что бы то ни стало! Припутните его. Скажите, что вас зачем-то снова приглашает следователь, который вызывал вас, чтобы опознать труп. Что вы обязательно должны с ним, с Королевым, посоветоваться. Пронин испытующе посмотрел на Леночку. — Сумеете? Вы участвовали в художественной самодеятельности? Играли на сцене? Разговаривайте взволнованно, возбужденно. В меру, конечно. Скажите, что вам больше не с кем советоваться. Пусть почувствует, что верите вы ему по —
прежнему Он звонил сегодня? — Еще нет. Обычно он звонит к вечеру. — И встретиться надо сегодня. Даже обязательно сегодня. Обстановка заставляет торопиться. Помните, в ваших руках спасение матери. Вы должны встретиться с ним сегодня. Вечером. В кафе или там, где он предложит. Устройте ему скандал. Изобразите сумасбродную девушку. Скажите, что не можете больше без мамы. Хотите ее

видеть. Во что бы то ни стало — вам снятся дурные сны. У вас плохие предчувствия —

Но если мама так была им нужна, — неуверенно произнесла Леночка, — и если они так ее запрятали — Не

откажется ли Королев выполнить вашу просьбу? — договорил за нее Пронин и подтвердил: — Да, откажется. Примется врать и наврет с три короба. Но вы проявите настойчивость. Капризную, глупую настойчивость. Вы не согласитесь с его разумными доводами. Вы решительно заявите, что хоть на минутку, но должны видеть маму, и если он не может устроить свидание, вы отправитесь к нам — прямо назовите ему наше учреждение — и обратитесь к его, мол, Королева, начальству и добьетесь свидания. Будьте уверены, вашего визита к нам он не допустит. — Но они сделают что-нибудь с мамой! — Не сделают, они же не знают, что за вами стоим мы. — А если он все-таки откажет? — Не откажет. При такой ситуации отказ для него равносителен самоубийству. Ни на йоту не отступайте от своего требования. Откажет? А вы заявите, что сразу идете к нам. Или свидание, пусть вам хоть издалека покажут маму, или вы обойдете всех генералов, а своего добьетесь. И категорически требуйте, чтобы встреча с мамой состоялась завтра же! Не соглашайтесь ни на какие отсрочки. Пусть это будет самое идиотское упрямство, но проявите его. Завтра — и никаких! Вы видели нехороший сон. Щемит сердце. Вынь да по-ложь

Он внимательно посмотрел на Леночку. — Поняли? — Поняла, — сказала она. — Заставите прийти на свидание? — Заставлю! Пронин указал Ткачеву на Леночку. — Слышите, Григорий Кузьмич, до чего самонадеянна молодежь? Он укоризненно покачал головой. — Не думайте, что это будет легко. Он профессионал, а вы любительница. Надо всю себя мобилизовать! Ведите себя так, как ведут себя настоящие люди на пожаре, при взрыве бомбы или спасая утопающих. Раздумывать некогда, а терять голову нельзя. Быстрота и полное самообладание. — Ясно, — сказала Леночка. — После встречи — сразу домой. К вам зайдет Григорий Кузьмич, и вы ему обо всем доложите. А на следующий день отправитесь с Королевым туда, куда он вас повезет. Не бойтесь, мы будем поблизости. — А я и не боюсь, — сказала Леночка. — Все поняли? — еще раз спросил Пронин. — Все, — сказала Леночка. — Тогда идите, желаю успеха, до свидания! Но едва лишь закрылась за девушкой дверь, как Пронин сразу нахмурился, и на лице его появилось выражение озабоченности. — Ну как? — спросил он. — По-моему, все правильно, — согласился Ткачев. — И по-моему, правильно! А на душе неспокойно. Ей говорю, чтобы не боялась, а сам за нее боюсь

Теперь, Григорий Кузьмич, не спускайте с нее глаз. Теперь эта девушка стала для всей этой мрази опасной. Запомните: вы за нее отвечаете головой! Тем

временем Леночка спешила домой, она боялась пропустить звонок Королева. Павлик, конечно, был уже у нее. — Никто не звонил? — осведомилась она. — При мне никто, — доложил Павлик. — Мне должны звонить по очень важному делу, — торопливо объяснила она. — Не хочу тебя выпроваживать, но не вздумай как-либо реагировать на разговор, веди себя так, точно тебя нет

Королев, как всегда, позвонил с наступлением сумерек. — Елена Викторовна? Здравствуйте. Привет от вашей мамы, чувствует она себя хорошо

Но Леночка прервала его на полуслове. — Вы нужны мне, Василий Петрович, — торопливо сказала она. — Мне необходимо вас видеть. — Я сегодня занят. — Но мне необходимо. Мне звонил следователь, он зачем-то вызывает меня. — Какой следователь? — уже другим тоном спросил Королев. — Как "какой"? Из прокуратуры. Который вызывал меня для опознания. Должно быть, Королев облегченно вздохнул. — А! Этот! Вы напрасно беспокоитесь, какие-нибудь формальности. Говорите то же, что и в прошлый раз. — Но мне необходимо вас видеть, иначе у вас могут быть неприятности, — настойчиво повторила Леночка. В голосе Королева прозвучало беспокойство: — Что-нибудь случилось? — Да, — сказала Леночка. — Хорошо. Приезжайте на Арбат. Встретимся у метро. Он положил трубку. — Я пойду с тобой, — предложил Павлик, напряженно слушавший разговор. — Мне не хочется, чтобы ты шла одна. На некотором расстоянии — Глупости!

— воскликнула Леночка. — Это совершенно не нужно

Она так и не разрешила ему следовать за собой. Королев встретил Леночку у выхода из метро. — Ну? Что случилось? — озабоченно спросил он здесь же, на улице, не пригласив ее против обыкновения в кафе. — Я просто не могу больше, — с места в карьер заявила Леночка. — Я должна видеть маму. Я видела нехороший сон. На меня прыгают две лягушки, а вокруг идет дождь. Вы понимаете, лягушки! — Какие лягушки? — с раздражением спросил Королев. — При чем тут лягушки? — А разве вы не знаете, что видеть во сне лягушек — к несчастью? — объяснила Леночка. — Обязательно будут неприятности. "Русские — суеверный народ, — подумал Королев. — Хотя у них ликвидирована неграмотность и они стали гораздо культурнее, но они нескоро еще избавятся от своих предрассудков. Эта девушка — студентка, а вот попробуй убеди ее, что лягушки — просто пустяки

" Он так и сказал ей, что лягушки — пустяки. — Возможно, — согласилась Леночка. — Но я все равно не могу. Вы знаете, что я придумала? Королев неодобрительно на нее посмотрел. — Ну? — Я пойду завтра к кому-нибудь из ваших генералов, — победоносно сказала она. — Каких генералов? Что вам взбрело в голову? — Я понимаю, вы

всего — навсего капитан, — продолжала Леночка. — Вы не можете нарушить приказание. Я пойду завтра к вам в учреждение и добьюсь разрешения увидеться с мамой! — Вы с ума сошли! — воскликнул Королев. — Вам все равно этого не разрешат! — А я всех обойду, — упрямо заявила Леночка. — Начну с вашего начальника и обойду всех. Вы скажете мне его фамилию? — И не подумаю. Я не имею права. — И не надо. Я буду действовать официально. Так и скажу, что нужен начальник капитана Королева. Василия Королева! Думаете, не скажут? — Ваша мама через неделю будет дома, — попытался убедить ее Королев. — Имейте терпение. — А я не могу. Говорю вам, что видела лягушек. — Глупости! Я вам просто запрещаю настаивать на свидании! — А я не подчинюсь. Я сегодня хотела идти, но я не хочу, чтобы у вас были неприятности. Просто я вас предупреждаю. Завтра с утра отправлюсь к вам. Можете встретить меня у подъезда. Хотите пари, что получу разрешение? Надо думать, Королев чувствовал себя во время этого разговора не слишком хорошо. Забыв об осторожности, он громко уговаривал Леночку потерпеть еще неделю, ну еще три дня, а сам смотрел на нее ледяными глазами, и Леночка догадывалась о его переживаниях. — Если вы такой злой, что не хотите устроить свидания с мамой или хотя бы дать мне на нее издали посмотреть, не надо, — запальчиво тараторила она. — Вы еще не знаете, какая я упрямая. Если что мне втемнялось, я своего добьюсь. Завтра с утра я у вас

Теперь, когда остались считанные дни, когда все должно завершиться удачей, своим упрямством эта девица могла сорвать всю операцию! — Хорошо, я устрою свидание, — недовольно сказал Королев. — Никуда не надо ходить. Сегодня что — вторник? В субботу или в воскресенье вы увидите свою маму

— Нет, — перебила его Леночка. — Завтра! — Завтра невозможно. Не глумитесь. — А если невозможно, я сама завтра добьюсь разрешения! — Вы комсомолка, вы должны быть дисциплинированы. — На этот раз я не хочу быть дисциплинированной! — Это же просто упрямство! — Пусть! Василий Петрович, миленький! Вы только покажите ее! Хоть издали! — Слишком требовательно высказываете вы свои просьбы. — А это не просьба, — заметила Леночка. — Это и есть требование. — Это не требование, а каприз! — Пусть каприз, но или вы устроите мне завтра свидание, или я пойду к вашему начальнику. — Хорошо. Завтра к вечеру

— Нет, — перебила Леночка. — В двенадцать дня. Если опоздаете хоть на минуту, я иду к вам на службу. — Ну хорошо, — ледяным голосом оборвал ее Королев. — Идемте, я провожу вас. — Не надо, не изменяйте себе, — ласково улыбаясь, отказалась Леночка. — Вы же меня никогда не провожаете. Жду завтра, в двенадцать, и помните: я упряма

Они расстались.

Как и было велено, она отправилась прямо домой, а Королев — Джергер к телефону — автомату Харбери не отвечал. Никто у него не отвечал. Варне тоже не отвечал. Джергер чувствовал себя как затравленный волк. Положение создавалось прямо — таки безвыходное. Эта дура загнала его сегодня в тупик. Все время была рассудительна и послушна — и сорвалась! Женщина остается женщиной, особенно если она полна предрассудков. Надо что — то предпринимать. Он позвонил еще раз. Ни Харбери, ни Барнса. Дьявол знает где они шляются! Тогда Джергер напрямик отправился в гостиницу "Москва". Плевать он хотел на опасность! 543! Джергер энергично постучал в дверь. За дверью послышалось какое — то движение. Он постучал громче. Остались считанные часы, надо действовать напролом. Или пан, или пропал! Замок щелкнул, дверь слегка приоткрылась, из — за нее показалась недовольная физиономия Барнса. — Ах, это вы. Он не назвал Джергера по имени! Джергер дернул дверь и, не обращая внимания на Барнса, влетел в номер. Поджав под себя ноги, на диване сидела пышная блондинка, на столе стояли бутылки с вином. Вот почему эта жирная свинья не отвечала на телефонные звонки! Нашел время развлекаться. Джергер за рукав потянул Барнса в спальню. — Отправьте эту девку к черту. Вызывайте Харбери, я горю! Немедленно ее уберите. Барнс вернулся в гостиную. — Извините. — услышал Джергер неуверенный скрипучий голос, похожий на голос чревовещателя. — Это мой приятель. Его бросила жена, и он не может видеть ни одной женщины. Я позвоню вам, но сейчас лучше уйти. Он пьян, и я не поручусь. Джергер слышал, как блондинка собралась уходить. Она что — то спрашивала шепотом, а Барнс скрипучим своим голосом продолжал нести какую — то чушь о ревнивых мужьях. Наконец она ушла. Тогда Барнс принялся по телефону разыскивать Харбери. Это оказалось совсем не просто, но в конце концов он нашел его. — Приходите, Билл, приходите! — начал он его заклинять. — Не вскоре, а немедленно. Вы понимаете — немедленно! Они едва дождались Харбери. — Какого черта — начал было тот и замолчал, увидев Джергера. Он приблизился к нему и заговорил раздраженным голосом: — Вы сошли с ума! Какие гарантии, что за мной не следят? Если вас нащупают, нам несдобровать! — Мне так и так несдобровать, — мрачно произнес Джергер. — Со мной только что виделась младшая Ковригина. — По — моему, она видится с вами не так уж редко. Почему сегодня это

произвело на вас такое впечатление? — Требуется свидания с матерью. — А вы отложите. — Если завтра в полдень я не отвезу ее к матери, она отправится ко мне на службу. Вы понимаете — куда? — Отложите. На день! — Не соглашается. — Паттерсон летит послезавтра! — Ах, черт!.. — Послезавтра вы возьмете "Волгу" Барнса и отвезете ее куда захотите. Барнс подал свой голос: — А если его задержат? — Скажете — угнал. — Так и поверят — Пусть не верят! Доказательств не будет, что вы давали машину! — Но мне тогда тоже придется убраться из России! — И уберетесь. — Ладно, — сказал Джергер. — Все это — послезавтра. А если она пойдет завтра — Устройте, чтобы не пошла. — Она ссылается на лягушек! — Каких лягушек? Вы сошли с ума, Робби! — Она видела сон и требует свидания. — Задержите на один день! — А если ее убрать завтра? — Боже упаси! Начнут искать А послезавтра делайте что хотите. В течение нескольких часов никто не спохватится. Старик улетит, и все будет в порядке. — А как улечу я? — Поможем. — А как я получу послезавтра машину? — Здесь, у автозаправочной станции, на площади Свердлова, — сказал Барнс. — Я подъеду и отойду, а вы садитесь — и в путь. Если все будет благополучно, бросьте машину в любом месте, меня известят Джергер опять ушел первым. В коридоре было пусто. Он стремглав слетел по лестнице, выбежал на улицу, свернул за угол, вошел в вестибюль метро, юркнул в телефонную будку. Осмотрелся через стекло. Как будто никто за ним не следил. Набрал номер Ковригиных. — Елена Викторовна? — Да. — Королев. Мы поедем к вашей маме послезавтра. Он говорил твердо, решительно, уверенно. — Я же сказала, что завтра Он рискнул. — Да, но я выяснил. Можно только послезавтра. Если это вас не устраивает, идите куда угодно и жалуйтесь, вам все равно не разрешат. Тон его был совершенно категоричен. Леночка испугалась: а вдруг он сбежит? Ну не завтра, так послезавтра станет известно, где находится Мария Сергеевна — Хорошо, — согласилась она. — День потерплю. А послезавтра когда и где? — Я заеду за вами, — сказал Королев. — В двенадцать. Как условились. Перед выездом позвоню. — Спасибо, — сказала Леночка. — Жду. Ткачев позвонил совсем поздно. — Не разбудил? Виделись? Буду у вас через десять минут Он вошел подтянутый, очень официальный, извинился за позднее появление. Леночка рассказала о встрече. Ткачев слушал и одобрительно кивал. Потом сказала о звонке Королева — И вы

согласились?! — воскликнул Ткачев. — Он чуть совсем не отказался, — сказала Леночка в оправдание. — Эх!.. — вздохнул Ткачев. — Надо было делать так, как сказал Иван Николаевич. Он помрачнел. Леночка поняла, что совершила ошибку. — Значит, послезавтра? — уточнил Ткачев. — В двенадцать? Ну что ж, если появится, поезжайте. Не бойтесь, мы будем рядом. Пронину он позвонил уже из дому. — Простите, Иван Николаевич, разбудил? — извинился Ткачев. — Не мог удержаться. Только что от Ковригиной. — Виделась? — Виделась. — Ну и как? Добилась чего —нибудь? Ткачев замялся. — Не совсем. В общем, поездка назначена на послезавтра. — Как на послезавтра? — Он помолчал. — Да вы знаете, что послезавтра улетает Паттерсон? — Знаю, — сказал Ткачев. — А вы связываете одно с другим? — Не знаю, — признался Пронин. — Но возможно все. — А Королев не удерет? — предположил Ткачев. — Не знаю — А что же делать? — Ничего не поделаешь, будем ждать послезавтра, — сказал Пронин. — Но с Леночки не спускайте глаз. Глава четырнадцатая Мышка прячется в норку Первые пешеходы еще только шли по московским улицам, еще не везде закончили уборку дворники, еще полупустыми катились автобусы и троллейбусы, а Ткачев уже сидел в кабинете Пронина, и они в последний раз обсуждали подробности задуманной операции. — Все готово? — Как будто все, Иван Николаевич. Одно смущает, а ну как Королев не явится? — Явится, — с уверенностью возразил Пронин. — Как пить дать явится. Поверьте мне. Судя по напряженности, какая чувствуется во всех этих людях, они что-то затеяли. — А что именно, Иван Николаевич? — тоже не в первый раз задал Ткачев вопрос, который мучил в эти дни их обоих. — Неужели все-таки решили увезти Ковригину? — Все может статься, Григорий Кузьмич, — ответил Пронин. — Поживем — увидим. Они склонились над картой города. — Вот дом, где живет Ковригина, — указал Ткачев. — Куда только Королев отсюда ее повезет? — За город, — уверенно предсказал Пронин. — В городе они связаны по рукам и ногам. Пронин бросил взгляд за окно. — Вам везет, Григорий Кузьмич. День будет жаркий, на небе ни облачка, самое время для прогулки. На небе и вправду не было ни облачка; голубое, большое, просторное, оно точно приглашало за город, на траву, на воду, в леса и луга. — Прогулка не очень-то увеселительная, но приятно, что нет дождя. — А подготовлено все? — еще раз осведомился Пронин, который никогда не уставал повторять этот вопрос своим помощникам. — Люди, машины, посты? — Как будто все. Это был ответ в манере Ткачева, он

всегда говорил с оговорками, не скажет "все", а обязательно "как будто бы все" Он был осторожный человек, но его "как будто" значило больше, чем у иных людей решительное утверждение. — А вы осторожны, Григорий Кузьмич, — заметил Пронин. — Неужто нет уверенности в

исходе? Ткачев хмыкнул. — Уверенность есть, исход только неизвестен. Пронин прошелся по комнате, его мучила все та же мысль. Он сел на диван и нервно потер руки. — Последние минуты перед операцией, — проговорил он. — Будет ли вести себя Королев так, как мы это предвидим? Испугается ли за свою шкуру? Ведь наши расчеты, Григорий Кузьмич, основаны на том, что мы знаем своих противников лучше, чем они знают нас

Он опять встал и по диагонали зашагал из угла в угол: ему не удалось скрыть овладевшее им нервное напряжение. — Последнее напутствие, — обратился он к Ткачеву. — Не торопитесь обнаружить себя, но и не надо слишком долго скрываться. Как только выедете за город, сразу дайте ему понять, что его преследуют. Он не тронет Леночку, если будет знать, что за ним наблюдают, побоится. Все время висите у него на колесе. Если я не последний идиот, руки вверх он не поднимет и в поисках спасения приведет нас к своим сообщникам. Пронин остановился против Ткачева и в упор спросил: — Так или не так, Григорий Кузьмич? — Как будто так, Иван Николаевич. — А за Леночкой приглядывайте все время, — напомнил Пронин. Ткачев улыбнулся. — Чему вы улыбаетесь? — Мы — то приглядываем, но там и помимо нас охрана! — Что еще за охрана? Ткачев засмеялся. — Доктор Успенский. Позавчера он шел за Еленой Викторовной до кафе, а потом стоял на посту возле дома, пока в ее окнах не погас свет. — У него

есть основания тревожиться — Я думаю,

Иван Николаевич, что Леночка сказала ему и о предстоящей поездке. — Из чего это вы заключили? — Доктор с рассвета дежурит за углом ее дома. С мотоциклом. Готов двинуться на всех парах — Ткачев

вопросительно взглянул на Пронина. — Снять? — Нет. Пусть едет. Теперь чем больше гласности, тем лучше. Но еще и еще раз напоминаю: делать все с тактом. Наверняка кто-нибудь из этих "деятелей" пользуется каким-нибудь

иммунитетом Они еще раз дружески улыбнулись друг другу, и Ткачев отправился выполнять задание. Он не ошибся, высказав предположение, что Павлику стало известно о предстоящей поездке Леночки. — Я поеду с тобой, — решительно заявил Павлик. — Нет, это совершенно невозможно Павлик не

стал уговаривать Леночку — он знал, что это бесполезно, но про себя решил: "Ничего, не помешаю", — тем более что это никак не противоречило указаниям генерала Пронина. Несмотря на поздний час, Павлик отправился к своему приятелю Сенечке Фромгольду, такому же врачу, как и он, и страстному мотоциклисту. Павлик попросил одолжить на день мотоцикл. Водил машину Павлик неважно, Сенечка это знал и не хотел давать ему свою новенькую

"Яву", но Павлик не отступал, и Сенечке пришлось сдаться. Павлик упросил того же Сенечку подменить его на работе, а сам ни свет ни заря занял наблюдательный пост в воротах знакомого дома. Королев появился около полудня. Он подъехал на темно-зеленой "Волге", остановился на углу, вышел и направился к телефонной будке. Через пять минут в машину юркнула Леночка, и "Волга" тотчас тронулась с места. Павлик с остервенением рванул ногой стартер, мотор взревел, и "Ява" стремительно вынесла Павлика в сумятицу и толкотню московских улиц. Джергер приехал за Леночкой для того, чтобы ее убить. Через несколько часов операция с похищением Ковригиной должна была благополучно завершиться, и теперь он мог избавиться от опасной свидетельницы. Джергер еще не знал, где и как он это сделает. Он решил, что, во всяком случае, надо отъехать подальше от Москвы и там, в каком-нибудь глухом лесу или у реки

Там можно хорошо запрятать труп, его не скоро доищутся. Джергер не скрывал своей озабоченности, но Леночка толковала ее по-своему: "Не хочешь везти к маме, а везешь. Узнаем, где она находится, и тебе крышка

" Джергер выехал на шоссе. У заставы какой-то шальной мотоциклист метнулся ему наперерез. Джергер даже затормозил, но тут же снова набрал скорость. Пошли окраины. "Жми-жми, — подумала Леночка. — Чем скорее, тем лучше. Хочешь не хочешь, а тебе придется показать мне маму!" Джергер же и не вспоминал сейчас о Марии Сергеевне. Он думал о том, как бы поскорее разделаться с этой девицей и дать шефу шифровку, чтобы его забирали отсюда. Сейчас он жалел, что уничтожил булавку с ядом. Но тут опять откуда-то вынырнул мотоциклист. Джергер сразу его узнал — тот самый, который переехал ему дорогу у заставы. Узнала его и Леночка

"Ну и будет же тебе! — подумала она. — Дай только вернуться!" Мотоциклист обогнал "Волгу", пронесся вперед, сбавил скорость и двинулся вдоль обочины. "Неужели за мной следят? — мелькнула у Джергера догадка, но он тотчас ее отверг. — Оперативные работники действуют умнее и незаметнее. Просто этот тип едет с нами в одном направлении". Джергер мысленно похвалил Барнса. Очень хорошо, что тот дал ему "Волгу", а не "шевроле". Стоит остановиться "шевроле", как вокруг собирается толпа автолюбителей, а на "Волгу" никто не обращает внимания. Джергер прибавил скорость. Прибавил и мотоциклист. Джергер убавил. Убавил и мотоциклист. "Что за черт?" — подумал Джергер. Издали приметил он поворот, выждал, позволил мотоциклисту опередить себя и неожиданно свернул на проселок. Машину швыряло на неровной дороге. Мелькали низкорослые деревья, кусты. Но очень скоро Джергер явственно услышал тарахтенье мотоцикла. Он оглянулся. В двадцати метрах, неловко подпрыгивая на сиденье, маячил все тот же мотоциклист.

Это было подозрительно, но еще подозрительней было то, что вишневая "Волга" тоже ехала вслед за ним по проселку. Джергер обогнул какую-то рощицу, свернул опять на шоссе, а следом за ним свернули и мотоциклист, и вишневая "Волга". Джергеру стало не по себе. Он затормозил машину — вишневая "Волга" тоже остановилась. Джергер решил проверить себя. — Вы ничего не замечаете? — спросил он Леночку. — Замечаю. — Что? — Замечаю, что нас преследуют, — сказала она. Леночка помнила указание Ткачева — обратить внимание Королева на то, что за ними увязалась вишневая "Волга". "Если спутник ваш не сразу на это обратит внимание, — инструктировал ее позавчера ночью Ткачев, — так вы ему об этом скажите. Это очень важно. Как только выедете из города, сразу начинайте играть у него на нервах!" — С чего это вы взяли? — возразил Джергер. — Кто может нас преследовать? Я говорю об этом идиоте на мотоцикле. Кружится, как клоун на арене! — Действительно, идиот, — согласилась Леночка. — Но мне не нравится эта вишневая "Волга". Почему она все время идет за нами? — Просто едет в ту же сторону — Господи, да ведь это же ваши работники! — воскликнула Леночка. — Вероятно, они едут туда же, куда и мы. — Какие "ваши"? — явно нервничая, переспросил Джергер. — Что за работники? — Да разве вы не видите? — театрально удивилась Леночка. — Их человек пять, в фуражках! — В каких фуражках? — Да что вы? Не узнали собственную форму? — Я не обратил внимания, — сказал Джергер. — Подождите. Он оглянулся. Мотоциклист уже нагнал их и остановился между ними и вишневой "Волгой". — Никакие работники не должны следовать за нами, — с досадой произнес Джергер. — Это даже странно. — А вы выйдите и спросите их, — предложила Леночка. Но Джергер резко нажал педаль акселератора — мотор взвыл, и машина рванула с места. Он опять свернул и еще раз свернул, миновал какую-то деревню, снова выехал на шоссе, на какое-то другое шоссе, но мотоцикл тарахтел сзади, и вишневая "Волга" по-прежнему шла все на одном и том же расстоянии. — Мы должны от них уйти, — пробормотал Джергер. — Зачем? — наивно спросила Леночка. Джергер еще прибавил скорости. Но ни мотоциклист, ни вишневая "Волга" не отставали. Они неотступно следовали за ним, точно привязанные. Джергер уже не помышлял об уничтожении Леночки. Он не мог уже ничего с ней сделать, его сразу бы задержали. Теперь он думал только о себе, просто глупо было бы попасться в последний момент. Что делать? Конечно, можно метаться с дороги на дорогу до последней капли бензина, но это не выход. Рано или поздно придется остановиться, и тут-то его возьмут. Он лихорадочно перебирал в уме возможные способы уйти от преследователей. Нет

нет Все не годилось.
Оставалось только одно — спрятаться у
Харбери Туда, на
территорию дачи, арендованной иностранцами, они не сразу
посмеют зайти. Единственно правильное решение! Иначе он
пропал К этой — то даче в

поисках спасения и устремился Джергер. Харбери и несколько его
соотечественников снимали под Москвой благоустроенный дом,
принадлежавший некогда богатому московскому фабриканту
Михайлову. Большую часть парка давно уже застроили новыми
дачами. Но и та часть, которую оставили при доме, тоже была
достаточно велика. Ее окружал высокий забор, и у ворот постоянно
дежурил милиционер. Обитатели дома существовали обособленно от
жителей поселка. Но Харбери изолировался даже от своих
соотечественников. Он жил в небольшом двухэтажном флигеле,
расположенном на отлете. В этот флигель с тремя комнатами в
каждом этаже и с большим подвалом, где Харбери оборудовал
фотолабораторию, и была привезена Мария Сергеевна. Специально
для этого случая подвал превратили в тюремную камеру. На даче в
Пасечной Ковригину поджидали четверо — Джергер, Барнс, Харбери
и его шофер Антонио. Усыпив Ковригину и переодев в ее платье
труп Беяковой, они разделились: Джергер и Барнс повезли труп
Беяковой к станции Рассадино, а Харбери с Антонио доставили
Ковригину в подвал, превращенный, как уже было сказано, в
тюремную камеру. Обслуживание Ковригиной Харбери поручил
своей секретарше мисс Вайолет Шерман. Такая обязанность не
слишком пришлась ей по вкусу, но послушаться Харбери она
боялась

Джергер давно
уже выехал на Ярославское шоссе и гнал машину к летней
резиденции Харбери. — Где мы находимся? — поинтересовалась
Леночка. — На Ярославском шоссе, — нехотя ответил Джергер. — А
приедем скоро? — спросила Леночка. Джергер оглянулся.

Вишневая "Волга" шла на том же расстоянии. — Скоро, —
сказал Джергер и прибавил газу. Они проезжали поселок за
поселком ..

Наконец
въехали на улицу, больше похожую на тенистую лесную аллею.
Вдалеке среди густой зелени ярким пятном выделялся желтый забор.
— Вот наша дача, — сдавленным голосом произнес Джергер, не
столько обращаясь к своей спутнице, сколько успокаивая самого
себя. Он боялся, что его успеют схватить у самых ворот, на пороге
спасения. Кроме того, его очень беспокоил милиционер, стоявший
около деревянной будки, у самого въезда на дачу. "Будь ты проклят!"
— подумал Джергер. Но отступать было некуда. Он резко
затормозил, чуть не ткнувшись радиатором в желтые ворота,
выскочил, пробежал к калитке. Заперта! Тут же к нему подошел
милиционер. Отдал честь. — Вы знаете, чья это дача? — вежливо

осведомился он. — Да — да. Я приехал к мистеру Харбери. К мистеру Харбери, — повторил Джергер. Заметив у калитки звонок, он было потянулся к нему, но милиционер предупредил Джергера и сам нажал кнопку. После этого постовой заглянул в машину и кивнул в сторону Леночки. — Девушка с вами? — сказал он, скорее утверждая, чем спрашивая. — Со мной, со мной, — скороговоркой подтвердил Джергер. Калитка открылась, и показалась какая-то личность из обслуживающего дачу персонала. — Да? — спросила личность — К мистеру Харбери! — с мольбой в голосе воскликнул Джергер. — Да — а — а, — сильно растягивая звук "а", утвердительно произнесла личность и распахнула ворота. Джергер оглянулся. Вишневая "Волга" остановилась неподалеку, но из машины никто не выходил. Там же стоял мотоциклист. Джергер сел за руль, и через минуту машина Барнса очутилась во дворе дачи. И лишь тогда вишневая "Волга" приблизилась к желтому забору. Первым вышел Ткачев, подозвал милиционера, предъявил свое удостоверение. — Вы знаете человека, который въехал сейчас во двор? — спросил Ткачев. — Нет, — ответил милиционер. — А кого он спросил? — Мистера Харбери. — Ах, Харбери

Ткачев отлично знал, чем занимается мистер Харбери и де-юре, и де-факто. — В машине еще какая-то девица, — доложил милиционер. — Я спросил, говорит — с ним. — Так и спросил? — Так точно. Ткачев готов был расцеловать милиционера, — ничего не подозревая, тот сделал важное дело, можно сказать, официально зарегистрировал появление Леночки на даче. Ткачев указал на будку. — Телефон там? — Так точно. Ткачев вошел в будку и вызвал Пронина. — Иван Николаевич? Докладывает Ткачев. — Давай — давай, Григорий Кузьмич, слушаю, — донесся до Ткачева знакомый голос. — Часа полтора болтались. Пользуется "Волгой" Барнса. Пытался уйти, но мы его загнали. Доехал, по-видимому, до места. Говорю из Крюкина. В данное время находится на даче, арендуемой Харбери и его соотечественниками. Пронин засмеялся. — Мышка спряталась в свою норку! Ткачев не понял. — Что? — Говорю, мышка спряталась в свою норку. Продолжайте, Григорий Кузьмич. — Остановился у ворот. Спросил мистера Харбери. Въехал во двор

— Решили не брать у ворот? — Для чего? Есть предлог проникнуть на дачу. — Правильно, — одобрил Пронин. — С Леночкой расправиться не посмеют, поскольку известно, что она там. Людей подбавлю. Сейчас дам команду. Оцепите участок. Действуйте в зависимости от ситуации.

Хорошенько обыграйте предлог — Слушаюсь, — сказал Ткачев. — Тут еще кружится этот — Доктор Успенский? — догадался Пронин. — Он. — Волнуется? — Не говорите! — А знаете что

— Секунду Пронин размышлял. — Используйте его в качестве тарана. Он ведь, так сказать, частное лицо. Подумайте об этом. Ткачев усмехнулся. — Есть подумать. — Все, — сказал Пронин. — Действуйте. А за желтым забором все шло своим чередом. Джергер въехал во двор, поставил машину. Навстречу шел Харбери. — Каким образом — начал было он и запнулся, увидев выразительный взгляд Джергера. — Познакомьтесь, — обратился тот к Леночке, указывая на Харбери. — Сейчас вы увидите маму. — Привет! — Харбери по-приятельски пожал Леночке руку и помог ей выйти из машины. — Вот мы и добрались до нашей дачи, — наигранно приподнятым тоном сказал Джергер. Он ведь понятия не имел, что Леночке известно, с кем она имеет дело! — Что это за дача? — спросила Леночка. — До революции принадлежала московскому миллионеру Михайлову, — пояснил Харбери. — А теперь отдыхают наши сотрудники. — Не только сотрудники, — добавил Джергер. — Все, кому не надо быть на виду. Они подошли к двухэтажному кирпичному флигелю, расположенному в глубине аллеи пушистых голубоватых елей. Поднялись по винтовой лестнице на крыльцо. — Мама здесь? — нетерпеливо спросила Леночка. — Вы увидите ее, — сухо ответил Джергер. В небольшом полутемном холле было прохладно и тихо. — Наверх, — указал Харбери. Поднялись на второй этаж. Вошли в гостиную. Легкие стулья обтянуты пестрой полосатой тканью. Из такой же ткани занавески на окнах. На круглом низком столе в ярко-желтой керамической вазе — желтые гладиолусы. — Отдохните, — предложил Харбери. — А мы отлучимся. Минут на пять. — Пожалуйста, — сказала Леночка. — Небольшой деловой разговор, — пояснил Джергер. — Мы скоро вернемся. Они оставили ее одну. Леночка подошла к окну. Возле флигеля синели ели, дальше белели стволы берез, а еще дальше виднелся большой белый дом и перед ним пестрые клумбы. Леночка надеялась, что раз уж ее сюда привезли, ей все-таки покажут Марию Сергеевну. Они ведь не знают, что разоблачены, и захотят ее успокоить. Может быть, для этого и пригласили ее сюда, в комнату на втором этаже. Проведут Марию Сергеевну мимо окон, покажут, что она жива и здорова, и увезут Леночку обратно в Москву. И она твердо решила окликнуть Марию Сергеевну — будь что будет! А Харбери в это время объяснялся внизу с Джергером. — Какого дьявола вас сюда принесло? — выругался он, уставив на Джергера свои оловянные глаза. — А куда мне было деваться? От самой Москвы за мною едет машина! — Какая машина? — Контрразведка! — И вы привели ее сюда? — А что мне было делать? — Да ведь через полчаса здесь может быть Паттерсон! — И отлично. Не осмелятся же они задержать Паттерсона? — А потом? — А потом, Билл, вы покажете себя настоящим товарищем. — Не понимаю, Робби — Ковригина

подготовлена к отправке? — Она еще не упакована, так сказать, но Все в порядке. Инъекция сделана, раньше чем через сутки не проснется. — А где она? — В подвале. — Так вот, Билли, вы отправите вместо нее меня! Поэтому я сюда и приехал! — Я не понимаю, Робби — Да что тут понимать! Раз они меня нащупали, значит, обязательно возьмут. Единственное для меня спасение — Паттерсон! Через два часа я буду уже за границей! — Но тогда пропадет вся операция! — А черт с ней! Отец Чарльз подождет! А вы тут найдете какую-нибудь другую оказию — Да, но Ковригину здесь уже нельзя больше оставлять? — Отвезите куда-нибудь, вы сумеете это сделать! — А если ее найдут? — Ну как найдут? Не так просто получить ордер на обыск у иностранца. Да они ничего и не подозревают. Откуда им знать, что она жива? — А ваша юная девица? — Само молчание! Харбери только поглядел на Джергера и ничего не сказал. — Да-да, — продолжал Джергер. — Жизнь она себе сохранила, есть свидетели ее приезда. Вы продержите ее часа два и отпустите, скажете, что это была шутка, что вы просто хотели с ней познакомиться. До вас все равно не доберутся. Ковригиной здесь не будет, а значит, и никаких улик Харбери покачал головой. — Вы безумец, Робби! Джергер с отчаянием уставился на Харбери. — Вы что — не согласны? Харбери опять покачал головой: — Нет, Робби, не могу — Отдаете товарища врагу? — Бросьте, Робби, красивые слова. Вы спасаете свою шкуру. А кто будет думать о моей? Мне не простят, если я не отправлю Ковригину. — Я все беру на себя! Упакуйте меня в этот кофр вместо Ковригиной, и уже через два часа я буду вне опасности. — Нет, Робби — Нет?! Джергер, должно быть, понял, что просить бесполезно. — Хорошо, — сказал он вдруг каким-то удивительно тихим голосом. — Тогда я не дам вам отправить Ковригину. — То есть как не дадите? — Харбери удивленно взглянул на Джергера. — Очень просто! Или вы меня отправите в кофре, или Паттерсон поедет налегке, а Ковригина останется здесь. Если уж погибать, так вместе. Не дам я ее, и все. Вы ничего не поделаете со мной. — У него перехватило дыхание. — Понятно?! Что ж, это было понятно, Джергер закусил удила. Харбери помолчал. Потом он вдруг точно просветлел и протянул Джергеру руку. — Вы убедили меня, Робби. Товарищей в беде не бросают. Извините. В этой чертовой стране совсем спятишь Мы отправим вас. Но услуга за услугу. Я не хочу возиться с Ковригиной. Мы вынесем ее Тут есть укромный уголок — фамильный склеп Михайлова. И там вы что-нибудь сделаете.

А после того как вы уедете, Антонио вывезет ее куда —
нибудь Джергер
недоверчиво взглянул на Харбери. — Вы это серьезно? — Вполне,
Робби. Вы меня убедили. — Впрочем, это гарантия, что в последний
момент вы не подмените один кофр другим. Мертвая Ковригина не
нужна Ноблу. Харбери пожал плечами. — Я же говорю, что вы меня
убедили Джергер еще раз
взглянул на Харбери и решительно двинулся к выходу. — Пошли! —
Он остановился в дверях. — А где Вайолет? — В большом доме. —
Так идемте! Харбери указал на потолок. — А ваша девица не
спустится? — Нет, она дисциплинированное существо. — На всякий
случай я запиру дверь. — Заприте. Но она не спустится. Харбери
тихонько подошел к двери, ведущей на лестницу, и повернул в замке
ключ. — Так вернее В
подвале тускло горела лампочка под грязным стеклянным колпаком.
Желтый полумрак, холод и сырость напомнили Джергеру морг. Они
вошли в комнату, в которой раньше помещалась фотолаборатория.
Мария Сергеевна лежала на кровати. Она действительно спала. Но
то был не естественный сон, каким спят здоровые люди. Бледная и
холодная, она скорее напоминала мертвеца. Джергер неуверенно
взглянул на Харбери. — Вы не переборщили с дозой? — Теперь это
не имеет значения, — заметил Харбери. — Врачи привели бы ее в
чувство .. — Понесли! —
предложил Джергер. Они завернули ее в синий шерстяной плащ,
еще накануне отобранный для этого случая у Вайолет, и
вынесли из комнаты. На первой же ступеньке Харбери
остановился. — Дайте — ка, Робби, еще одеяло. Вместо
носилок Так будет
удобней. Джергер вернулся. Он не успел взять одеяло, как дверь за
его спиной захлопнулась. Что же это?! — Билл! — Джергер
заколотил в дверь кулаками. — Билл!!! Ни звука! Харбери не считал
нужным даже что — то
сказать Слабый шорох —
и все смолкло. Джергер понял, что это конец. Он прислонился
спиной к стене, откинул назад голову, прижался затылком к
холодной, сыроватой поверхности, плотно закрыл глаза и застыл в
тоскливом отчаянии. Он не знал, что его ждет, но о спасении думать
уже не приходилось
Харбери захлопнул дверь — жертвовать собой ради Джергера он
никак уж не собирался! С большим трудом он взвалил Ковригину на
плечо и, тяжело переступая, понес ее вверх по лестнице. Он втолкнул
Ковригину в гардеробную. Здесь у него хранились одежда и
дорожные вещи. Посреди комнаты стоял раскрытый кофр из
коричневой кожи, плоский и длинный, в каком кинозвезды
перевозят свои многочисленные туалеты. Харбери осторожно
опустил в него свою ношу. Сундук оказался коротковат. Он подогнул

Ковригиной ноги, закрыл кофр и затянул ремни. Багаж готов!..
Теперь следовало навестить свою неожиданную гостью, не мешало
проверить, чем она там
занимается Харбери
взбежал по лестнице. Дверь в гостиную была прикрыта. Харбери
прислушался. В гостиной стояла тишина. Он приоткрыл
дверь Комната была
пуста. Харбери подошел к окну, перегнулся через подоконник. Нет,
выпрыгнуть девчонка не могла. Высоко — вато, и цветы под окном не
примяты. В тревоге Харбери метнулся
спальню Никого! В
кабинет Никого! Неужели
все — таки выпрыгнула?.. Шагая через три ступеньки, он спустился в
вестибюль, выбежал на
крыльцо Никого! А
между тем Леночка в это самое время находилась в гардеробной, из
которой Харбери вышел три минуты назад. Когда ее оставили в
гостиной, она долго ждала. Но никто не появлялся. Она знала, что
находится среди врагов. Ткачев предупредил ее, куда она может
попасть. Минута шла за минутой, и чувство тревоги все сильнее и
сильнее овладевало ею. Она сняла туфли, вышла из гостиной и
осторожно спустилась по лестнице. Издалека доносились
приглушенные голоса. Леночка тихонько толкнула дверь. Дверь не
открывалась. Леночка нажала
сильнее Заперта! Значит,
те что — то затеяли
Размышлять нет времени! Леночка побежала наверх! Высунулась в
окно Высоко! Но внизу,
на первом этаже, окно тоже раскрыто. А рядом — рукой дотянуться
— водосточная труба. Она вылезла за окно, ухватилась за
подоконник, повисла на вытянутых руках, нащупала ногой
раскрытую раму, дотянулась до водосточной трубы и, придерживаясь
за нее, спустилась на подоконник первого этажа. Через окно она
проникла в большую комнату: тяжелые портьеры, темная
мебель Кажется,
столовая. Она выглянула за дверь. Знакомый холл! Сюда голоса
доносились явственней, но слов Леночка разобрать не
могла Потом она
услышала, как Королев и хозяин флигеля прошли мимо нее куда — то
вниз. Говорили они между собой по — английски. Это не удивило
Леночку, к этому она была подготовлена. Говорили о каком — то
Паттерсоне, об отправке какого — то кофра и, наконец, о ней самой.
Но разобрать Леночка не смогла, что именно они говорят.
Английский она знала неважно и сейчас мысленно ругала себя за то,
что плохо им занималась
Потом все стихло, но через несколько минут Леночка услышала, как

кто — то идет снизу, идет медленно и тяжело, словно несет на себе большой груз
Снова тишина. Леночка не шевелилась. Опять кто — то прошел. Но на этот раз наверх. Повернул в двери ключ и начал подниматься
Леночка не знала, на что решиться. Прошли две — три минуты
Она выглянула было в холл и тотчас отпрянула. Дверь наверху с шумом распахнулась. Кто — то прогрохотал по лестнице, теперь уже сверху вниз. Хлопнула входная дверь. Леночка выглянула опять. Никого! Она выскользнула из своего укрытия, еще раз окинула взглядом холл и вошла в ту самую комнату, в которую минуту назад что — то внесли
Она не ошиблась. Посреди комнаты лежал вместительный кожаный чемодан, скорее даже сундук, длинный и плоский. Леночка догадалась, что это и есть тот самый кофр, об отправке которого только что шел разговор. Она попыталась его приподнять
Он был очень тяжел
Тогда она расстегнула ремни, подняла крышку — и обомлела: в чемодане лежал человек
Женщина! У Леночки сжалось сердце. Она решила, что женщина эта мертва. "Что это? Жертва какого — то преступления?.. Вдруг это мама?" — подумала Леночка. Подумала и ужаснулась, и все же нашла в себе силы наклониться и стянуть с головы женщины капюшон. Да, это была мама! Неужели Самообладание, самообладание! Леночка опустила на колени, взяла лицо Марии Сергеевны в свои ладони
Нет! Она дышала, дышала! Жизнь еще теплилась в ней
Надо что — то сделать, но что?! Марию Сергеевну хотят куда — то везти
Что делать? Леночке мгновенно вспомнилось все, чему ее учил Ткачев. Не теряться. Не терять самообладания. Она среди врагов, малейшая оплошность, малейшее промедление могут оказаться губительными! Поднять шум? Неизвестно, дозволится ли она своим. Побежать к воротам? Могут задержать по дороге. Что будет тогда?.. Они окажутся в руках этих страшных людей! Для них ничего не стоит убить их обеих
Значит, надо предпринимать что — то самой. Как ей в голову пришло решение, Леночка никогда бы не смогла объяснить. Она не раздумывала, для этого не было времени. Прежде всего надо запереть дверь. Ключ торчал в замочной скважине. Но не успела Леночка сделать и шагу, как дверь распахнулась и в ее просвете появилась
какая — то

женщина Молодая
накрашенная женщина в пестром легком платье, с копной пышных
золотых волос на голове. Увидев Леночку, она на мгновение
остановилась, сделала было шаг назад, но тут же вошла в
гардеробную, быстро прикрыв за собой дверь. Какую-то долю
секунды Леночка и незнакомка рассматривали друг друга. "Что же
мне делать?" — в замешательстве подумала
Леночка — Тсс — с —
с Незнакомка приложила
палец к губам и шепотом произнесла что-то по-английски.
Леночка не поняла ее и покачала головой, вопросительно глядя на
незнакомку. — Я — вам
помогать — произнесла
та гортанным голосом, коверкая русские слова. — Я буду помогать.
Отше-ень И незнакомка
сделала то, чего не успела сделать Леночка: заперла дверь на ключ.
Леночка сразу прониклась к ней
доверием Да и ничего
другого ей не оставалось! — Вы что хотите? — спросила незнакомка.
Леночка указала на раскрытый кофр. — О! — воскликнула
незнакомка. — Они ее увозит! Тогда Леночка с помощью жестов,
путая английские и русские слова, объяснила, что она дочь той, что
лежит в кофре, и что она хочет заменить собою Марию Сергеевну.
— Я сюда Вот! Я сюда, а
ее Вот куда?.. И
незнакомка поняла, а может быть, угадала, в чем состоит план
Леночки. — Берите! — приказала она. —
Поднимайте Они подняли
Марию Сергеевну и понесли. Миновали небольшую кухню и внесли
Марию Сергеевну в какую-то кладовую. — Кладит! —
скомандовала незнакомка. Они опустили Марию Сергеевну у стены,
и незнакомка набросила на нее брезент. Леночка тоскливыми
глазами посмотрела на незнакомку. — А если ее найдут?.. — Но, но,
— сказала та. — Здесь нет, не находят. Я ее вечером
спасать Это отшень
хороший женщина, ваша мама, — сказала незнакомка. — Она умеет
заставлять себя уважайт
Она тут же схватила Леночку за руку и повлекла за
собой — Время, время, —
приговаривала она. Они вернулись в гардеробную. Незнакомка
зачем-то распахнула окно, опустила за окно стул и сказала Леночке:
— Вы будете уезжать На
аэродром. И начинать шуметь, когда услышите русских. И
возвращаться сюда с
полиция Незнакомка
указала на кофр. — А теперь быстро, быстро, я вас буду закрывать!

— сказала она. — А потом
убегать Леночка
закуталась в плащ и легла в кофр, подогнула ноги, крышка над ней
тотчас захлопнулась, и она услышала, как незнакомка затягивает
сверху ремни. Потом — шорох, стук, и все
смолкло Незнакомка
выпрыгнула в окно! Леночка не знала, сколько прошло времени.
Вероятно, несколько минут. В дверь сильно застучали. Потом еще
громче. Потом наступило молчание, и шум послышался с другой
стороны. Она сообразила, что кто-то лезет в
окно Харбери встретил
Вайолет около флигеля. — Вам никто не попадался? — спросил он.
— Да, — сказала Вайолет. — Я встретила около дома миссис
Слоун — Не то! — с
досадой перебил Харбери. — Вам не попадалась какая-нибудь
незнакомая девушка? — Нет, — удивилась Вайолет. — Я шла к
вам — Сейчас сюда
заедет мистер Паттерсон, — опять перебил ее Харбери. — Мне надо
передать ему чемодан с
бумагами Они вместе
подошли к гардеробной. Харбери взялся за дверную ручку. — Что за
черт! Дверь была заперта, заперта изнутри. Он постучал, потом
постучал сильнее Вайолет
широко раскрыла глаза. — Разве у вас нет с собой ключа? — Ключ с
внутренней стороны! — Будете ломать? — осведомилась Вайолет. —
Да нет, это слишком долго, — разозлился Харбери. — Придется лезть
через окно! Он обежал дом. На трапе под открытым окном валялся
стул. Он влез в комнату и бросился к кофру. Тот стоял на месте,
ремни были затянуты. Слава богу, все в порядке. Харбери
облегченно вздохнул и пошел открывать. — Вот что, — приказал он
Вайолет. — Идите в парк и разыскивайте незнакомую девушку!
Понятно? Ищите по всему парку! Она меня обокрала. Сам я не могу
отойти. Паттерсон появится с минуты на минуту. А вы, как только
найдете, тащите ее сюда. Быстро, быстро! Он подождал, пока
Вайолет скрылась за деревьями, и заторопился к воротам. Глава
пятнадцатая Держи его, держи!.. Паттерсон не замедлил появиться.
Он приехал в роскошном "кадиллаке", в котором кроме него и
шофера находился еще какой-то мужчина средних лет, с тонкой
ниточкой черных усов под массивным носом и в темных больших
очках. Не успели за "кадиллаком" закрыться желтые ворота, как
Ткачев уже докладывал Пронину о приезде Паттерсона с
неизвестным спутником. — Так —
так Очень интересно, —
раздумчиво сказал Пронин. — Его самолет отправляется через два
часа. Не попытается ли он увезти
Королева Харбери ждал

миллионера во дворе. Он приветствовал его как лучшего

друга. — Добрый день, мистер Паттерсон! В ответ раздалось лишь невнятное бормотание. Знатный путешественник не пожелал выйти из машины, только выглянул из нее. А его спутник, кажется, вообще не проявлял ни к чему интереса. — Где ваши бумаги? — брюзгливо пробормотал миллионер. — Давайте их сюда. И поскорее! Харбери и сам был рад как можно скорее избавиться от своей пленницы. — Разрешите ему помочь? — бодро спросил он своего гостя, кивком указывая на шофера. — Помогите, — приказал Паттерсон. — Только делайте все побыстрее. Харбери с шофером быстро ушли во флигель и через минуту с заметным усилием вынесли объемистый кофр. — До чего же вы любите бумажки, — ворчливо заметил Паттерсон. — Надо же накопить такую груду. — Не говорите! — весело подхватил Харбери. — Но если бы вы знали, с каким нетерпением их ждут! Паттерсон только пошевелил усами. Но вот все готово, с глухим щелчком захлопнулся вместительный багажник, и Паттерсон скомандовал: — Поехали! Ворота распахнулись, и "кадиллак", шурша гравием, выплыл на дорогу. У калитки толкалось несколько любопытных, пожелавших заглянуть в роскошную машину, но, увы, мистер Паттерсон как приехал, так и уехал вдвоем со своим смуглым спутником. Об этом Ткачев тотчас доложил Пронину: — Иван Николаевич! — Ну что? — Паттерсон уехал. — Быстро! С кем? — Один. Вернее, все с теми же усиками

Подозрительно! — Очень. — Может быть, вывезли кого-нибудь в багажнике? — Может быть. — Ладно, Паттерсона возьму на себя. Леночка не показывается? — Никак нет. — Хорошо бы выяснить, что с ней. Но деликатно! — Доктор Успенский раза два пытался прорваться на дачу. — Не впустили? — Милиция! — В третий раз милиция должна зазеваться. — Можно? — Только вежливо

Павлик со своим мотоциклом пристроился наискось у чьей-то дачи и не спускал глаз с желтых ворот. Он уже пытался звонить и даже едва не проскочил вслед за "кадиллаком" — помешал милиционер. Если бы не Ткачев, его бы отправили в отделение для выяснения личности. Ткачев сказал несколько слов милиционеру и направился к Павлику. — Здравствуйте, — поздоровался Ткачев. — Привет, — ответил Павлик. — Я видел вас, когда приходил к генералу. — Ждете? — спросил Ткачев. — Жду, — признался Павлик. — А надо бы действовать! — Как? — Видите за забором шиферную крышу? — указал Ткачев. — Надо попасть туда. — Я бы давно там был, да этот цербер

— Павлик кивнул в сторону милиционера. — Идите, Павел Павлович, но быстро. Сейчас он вас не заметит. Ткачев не успел моргнуть, как Павлик очутился у ворот. Милиционер в этот момент внимательно разглядывал носки своих ярко начищенных сапог. Павлик нажал

кнопку звонка. Едва калитка приоткрылась, он сильно толкнул ее и проскочил на территорию дачи. Следовало дать время “нарушителю” добежать до цели. После этого милиционер крикнул: — Стойте! И кинулся за Павликом. Затем появился второй милиционер и кинулся вслед за первым. Через минуту побежали и Ткачев, и его помощники. Обитатели дачи стояли перед милиционерами и возбужденно рассказывали, как ворвался какой-то неизвестный — Побежал туда! — указывали они в сторону флигеля. Народу собралось достаточно — несколько обитателей дачи, два милиционера, Ткачев, его сотрудники. — Пошли! — решительно сказал милиционер. Все двинулись в сторону флигеля. Появился Харбери. Ткачев отлично его знал, хотя сам Харбери и не подозревал о существовании Ткачева. — Кто побежал? — грубо спросил он и упрекнул милиционера: — Для чего вы только стоите! Все поспешно зашагали к флигелю. У крыльца их встретила Вайолет. — Я шла по аллее, — объяснила она. — Какой-то человек промчался мимо и ворвался в дом Павлик хорошо понял Ткачева. Проникнув во флигель, он сразу же заперся изнутри и бегом начал обшаривать все закоулки. Заглядывал за диваны, открывал шкафы Между тем у крыльца гадали: что же делать? — Заперто! — Надо ломать дверь! — Вы пустили, вы и открывайте! — сердито крикнул милиционеру Харбери. Милиционер искоса взглянул на Ткачева. — Попробуйте, — сказал Ткачев. Но открыть дверь оказалось не так — то просто. Тогда кто-то предложил: — Через окно! — Я сам полезу, — крикнул Харбери. Но в это время из флигеля раздался громкий вопль — не то отчаяния, не то торжества, и дверь неожиданно распахнулась. На крыльцо выбежал Павлик и замахал руками. — Идите-идите! — кричал он. — Вы только взгляните! И он опять скрылся. Толкаясь и мешая друг другу, все кинулись за Павликом. Он привел их в кладовую. — Видите? Вы видите?! Профессор Ковригина! Вы понимаете в чулане! В каком-то чулане, на полу — Павлик захлебывался. — Возможно, она отравлена Она нуждается в медицинской помощи — Спокойно! — прикрикнул Ткачев. — Сейчас разберемся Ткачева невозможно было послушать: в его тоне звучали и властность, и какая-то совершенно особая убедительность, то драгоценное профессиональное свойство, которое вырабатывается у людей, привыкших быстро ориентироваться и находить правильные решения в трудной и сложной обстановке. Павлик послушно замолчал и, нащупав пульс на безжизненной руке Марии Сергеевны,

начал считать его редкие и слабые удары, поглядывая на часы. — Константин Павлович, — позвал Ткачев одною из своих помощников. лейтенант Елкин, — впрочем, никто не знал, что это лейтенант, — выжидательно взглянул на Ткачева. — Сейчас же вызовите неотложную помощь и позвоните еще — В поликлинику? — подсказал Елкин. — Вот именно. Они отлично понимали друг друга. Ткачев вопросительно оглядел присутствующих. — Кто в этом доме хозяин? — Я Харбери выступил вперед Он был растерян и испуган. — А вы кто такой? — обратился Ткачев к Павлику, будто впервые увидев его. — Врач Успенский — Видите ли Я приехал — Здесь находилась моя — Ну как бы вам сказать? Ну, моя невеста И я пошел. И вот нашел Румянец залил его лицо, он окончательно смешался. — Спокойнее, спокойнее, — сказал Ткачев. — Прежде всего, поскольку вы врач, скажите — Он указал на Ковригину. — С ней очень плохо? — Да, она в тяжелом состоянии Ей, очевидно, дали сильную дозу снотворного. Ткачев повернулся к Харбери. — А как сюда попала эта женщина? — Что вы меня допрашиваете? Я протестую! Это мой дом, и я не буду отвечать ни на какие вопросы! Ткачев зло посмотрел в бесцветные глаза Харбери и тихо сказал: — Придется — Кто вы такой? Кто вам дал право так со мной разговаривать? — Извините — На этот раз Ткачев слегка улыбнулся. — Служба государственной безопасности. Вот удостоверение Мы к вам не собирались, но мы как раз ищем профессора Ковригину. И поскольку обнаружили ее в вашем доме, вам и придется давать объяснения. Они стояли друг против друга — насупившийся, бледный Харбери и вежливый, чуть ироничный Ткачев. — Как попала сюда профессор Ковригина? — Не знаю. — Это не ответ. — Ее привез ко мне один человек. — Что это за человек? — Я его мало знаю. — И, однако, разрешили ему привезти незнакомую женщину? — Товарищ Ткачев, позвольте — Павлик давно уже пытался вмешаться в разговор. — У них здесь целый застенок! Внизу тоже кто-то заперт. Я пытался выпустить, но не сумел Ткачев строго

взглянул на Харбери. — А внизу кто? — Я не знаю. — Пойдемте, покажу! — опять вмешался Павлик. Ткачев повел рукой, приглашая Харбери идти впереди: — Прошу вас Тот не сдвинулся с места. — Я не позволю производить у себя обыск! — А мы и не собираемся, — заметил Ткачев. — Мы лишь познакомимся С кем мы познакомимся, мистер Харбери? В этот момент появился Елкин. — Григорий Кузьмич, неотложка придет через две минуты! — Вот и хорошо, — спокойно отозвался Ткачев. — Вы и доктор Успенский отнесите товарища Ковригину к воротам. — Конечно — Павлик вопросительно посмотрел на Ткачева. — А вам не надо показать? — Не тревожьтесь, — успокоил его Ткачев. — Идите, идите, помогите отвезти товарища Ковригину. Мы сами найдем Он подождал, пока Павлик и Елкин вынесли Марию Сергеевну, и вновь обратился к Харбери: — Прошу вас — Я никуда не пойду! — огрызнулся Харбери. — Мне внизу делать нечего. — Обойдемся без вас — Ткачев взглянул на милиционеров. — Побудьте здесь с господином Харбери Харбери рванулся к лестнице. — Пойдемте! Они спустились в подвал и остановились у плотно пригнанной двери. — Откройте! — предложил Ткачев. Харбери отрицательно покачал головой. — У меня нет ключа В это время из-за двери донеслись отборные английские проклятия. Ткачев развел руками. — Тогда извините, но Там кто-то кричит. Может быть, тоже нуждается в медицинской помощи. Это не обыск, но я прикажу взломать.. Мгновенье Харбери колебался, затем сунул руку в карман и подал Ткачеву ключ. Едва тот повернул его в замочной скважине, как дверь распахнулась и перед ним появился Королев! В руке у него был пистолет. Но такой встречи он не ожидал: он собирался рассчитаться с Харбери. Ткачев предупреждающе поднял руку — Спокойнее, мистер Королев

Дайте Дайте ваш пистолет! Не спеша и даже как-то небрежно взял он из рук Джергера оружие, как если бы это была зажигалка для папирос. — Благодарю вас, — сказал он, опустив пистолет в карман, и заглянул через плечо Королева в комнату Увы, того, кого он рассчитывал найти, там не было! — А где же Елена Викторовна

Ковригина? — напрямик спросил он у Харбери. Тот дерзко смотрел прищуренными глазами на Ткачева. — Понятия не имею, о ком вы говорите! — Понятия не имеете? Жаль! — И Ткачев резко повернулся к Джергеру. — А вас попрошу документы Тот с готовностью протянул паспорт. — Так. Прилуцкий Александр Тихонович. А на самом деле? — Ему больше нечего вам сказать, — вмешался Харбери. — Вас не спрашивают! — оборвал его Ткачев. — Вы поедете с нами, — приказал он Джергеру и тут же опять обратился к Харбери: — А вас вызовем. Придется. Но прежде чем мы с вами сегодня прощаемся, я хотел бы еще раз обойти все помещения. Может быть, вы будете так любезны, проведете меня по дому? — А вы не превышаете свои полномочия? — с усмешкой осведомился Харбери. — Ни в коем случае, — вежливо ответил Ткачев. — Просто хочу проверить, не забыл ли я чего-нибудь в этом доме. Прошу Они обошли весь

флигель, сверху донизу. Мебель повсюду была сдвинута, шкафы распахнуты, занавески отдернуты. Павлик хоть и торопился, но, очевидно, осмотрел все очень тщательно. Теперь Ткачев и сам убедился — Леночки здесь не было. — Что ж, не смею больше беспокоить, — разочарованно сказал он. — У меня еще лишь один вопрос: что это за комната у вас в подвале? Кто в ней находился? Харбери отвел взгляд. — Я не могу этого сказать, — процедил он сквозь зубы. — Мне не позволяет честь — Я не знаю, что подразумеваете вы под понятием чести, — сдержанно ответил Ткачев. — Но какие же могут быть сомнения, что в подвале скрывали профессора Ковригину — Нет-нет! Вы ошибаетесь. У этой комнаты было иное назначение, — Губы Харбери тронула легкая усмешка. — В этой комнате встречались двое моих соотечественников. Любовь, понимаете, — насмешливо добавил он. — И вот что получается, когда покровительствуешь любви недостаточно известных тебе людей. Ткачев обвел глазами присутствующих. — Вы имеете в виду Харбери мелодраматичным жестом указал на Вайолет. — Своего секретаря — мисс Вайолет Чалмерс — И в упор посмотрел на Джергера. — А этот человек мне вообще незнаком. Госпоже Чалмерс больше негде было встречаться со своим любовником. К сожалению, я не мог ей отказать. Не моя вина, если этот человек не оправдал доверия мисс Чалмерс. Вайолет точно ударили. Это была ложь. Он оклеветал ее, чтобы отвести от себя обвинения в подозрительных махинациях. Если этому поверят ее

соотечественники, которые молча наблюдают странную и драматическую сцену, разыгравшуюся на их тихой даче, они, конечно, сообщат обо всем на родину, и Вайолет не только упадет у всех в глазах, но и потеряет службу. Лицо девушки залилось краской. И тут же в подтверждение ее мыслям одна из обитательниц дома демонстративно от нее отстранилась, точно боялась запачкаться. — Как вам не стыдно, Билл! — крикнула Вайолет. — Вы говорите неправду! Вы не джентльмен! Как ей хотелось ударить Харбери, но на это у нее не хватило мужества. — Я очень сожалею, мисс Чалмерс, — извинился Ткачев, — но у меня нет сомнений, что мистер Харбери оклеветал вас. Еще несколько дней, и все станет на свое место

Он кивнул своим помощникам и посторонился, пропуская их вместе с Джергером вперед. Ткачев зашагал по аллее. Впереди шли его ребята

Хорошие парни! Ткачев читал книжки, которые издаются на Западе. О нем самом, о таких, как он. Их изображают кровожадными и не очень умными злодеями

Смешно! А вот впереди идет Королев — Прилуцкий. Из — за чего он пошел на все это? Деньги? Ненависть? Дисциплина?.. И то, и другое, и третье! Пушистые ели. Голубая хвоя. Солнечные блики. Желтый песочек на аккуратной дорожке. И ведут по ней шпиона, диверсанта, убийцу. Посланца той самой шайки человеконенавистников, которые готовы превратить всю землю в атомный полигон

А поодаль по дорожке двигались обитатели дачи. Они были и растерянны, и смущены, конечно

Тем, что в их среде оказался шпион? Или тем, что этот шпион попался? Кто знает! Одни, вероятно, одним, другие — другим

Но только никто из них не остался рядом с Харбери. Им не хотелось его утешать. Им нечего было ему сказать, не о чем спросить

Ты попался, ты и отвечай! Это Харбери знал очень хорошо — ты попался, ты и отвечай. На помощь никто не придет. Только что здесь, в холле, было столько народа, и вот он уже один

Он плохо понимал, что произошло. То есть понимал, что произошло много неприятностей. Хорошо, если Министерство иностранных дел ограничится требованием убрать Харбери из Москвы. Это еще наилучший выход. Ну а все —

таки Что же все — таки произошло? Да, Джергер навел на след

Но у Харбери такое ощущение, что, не приведи Джергер этих людей, они все равно его бы нашли

Потом подумал

о Вайолет. Никто никому не хочет прийти на выручку. Зря он ее обидел

Подумал об этой девице, которая куда-то исчезла. Прячется где-то в парке или успела перебраться через забор? Тоже поднимет шум. Подумал о кофре, который вез Паттерсон. О том, что в кофре Леночка, ему и в голову не пришло. Ковригина кем-то освобождена. Кем? Дочерью? Но где эта дочь? Неужели еще у него в доме? Вайолет?.. Неужели Вайолет?.. Мысли его вернулись к Джергеру. Что-то покажет он на допросе? Потянет ли за собой Харбери? Потянет, конечно. Своя рубашка ближе к телу

Харбери пожалел, что не пристрелил Джергера. Мертвый он был бы безопаснее. Можно было бы сказать, что его застрелила Вайолет

Потом Харбери подумал о себе. Подумал с жалостью, с нежностью, с какой вспоминал иногда покойную мать. Дернул его черт согласиться пойти в разведку! Ведь он неплохой офицер. Впрочем, не офицер, а журналист. Теперь пойдешь докажи еще, что ты журналист

Он встал и, зябко поеживаясь, вышел на крыльцо. Черт побери, до чего же вокруг спокойно! Синие ели. Солнце. Тишина. Жить хорошо, а вот не получается

Спустился на дорожку. Постоял, тихо насвистывая уличную песенку. В бытность мальчишкой он всегда свистел, обнаружив, что в кармане у него не осталось ни цента. Глава шестнадцатая Что вы везете? А мистер Паттерсон катил в это время на аэродром! Он сидел рядом с шофером и злился на себя, на Харбери и главным образом на этого немца Флаухера с его вонючей сигарой, который принудил Паттерсона впутаться в дела, от которых исходит сильный запах контрабанды. А в том, что в кофре запрятана контрабанда, Паттерсон не сомневался. Между фотографиями и бумагами засунуты, очевидно, какие-нибудь древние русские иконы или драгоценности. Паттерсон делал вид, что он об этом не догадывается. Архив так архив. Таможенники его не тронут. Не зря же позади него сидит пресс-атташе этой

как ее?.. экзотической державы. Багаж дипломата — табу для таможенника. Поскорее бы только сбыть этот багаж с рук. Мистер Паттерсон передаст его там кому нужно — и черт с ним, с Харбери. Паттерсон рассеянно посматривал в окно. В общем, Россия неплохая страна. Несколько шумливая и торопливая, но, в общем, хорошая. Здесь его не обижали. Ни одна газета не напечатала о нем ни одной двусмысленной заметки. Советские репортеры не приходили к нему вымогать деньги за то, что будут писать о нем в доброжелательном тоне. Дома они тоже строят неплохо. Мистер Уинслоу рассказывал, что два года назад вдоль дороги к аэропорту еще не стояло этих домов. А сейчас их десятки. Громадные дома. Тысячи квартир. Если бы они принадлежали частному лицу, их владелец стал бы

миллионером. Конечно, плохо, что Россия не покупает мыла "Командор". Русские почему — то моются собственным мылом

Мистер Паттерсон посматривал в окно и размышлял о множестве всяких вещей

Леночке смотреть было некуда. Скрючившись, лежала она в своем кожаном гробу и думала, думала, думала: чем же все это кончится? Да, ей было страшно! Она слышала, как ее куда — то несли, слышала английскую речь, потом ее куда — то повезли, она поняла, что везут ее в легковой машине. Ноги у нее затекли, особенно правая, пересохло во рту

Ей вспомнилась какая — то сказка о злом человеке, которого посадили в сундук и бросили в море. Да, Леночке было страшно, и в то же время она испытывала чувство облегчения, ведь сейчас опасность грозит ей, а не Марии Сергеевне

А почему бы что — нибудь не предпринять? Не рано ли?.. Ее куда — то везут

Самообладание и соображение! Держи себя в руках, внимательно прислушивайся и соображай, соображай

Вот остановились. Машина стоит. Вот опять ее куда — то несут. Слышны голоса. Много голосов

Действительно, "кадиллак" подъехал к аэропорту. Мистера Паттерсона провожали несколько соотечественников. Мистер Уинслоу. Атташе посольства Грегори. Представители "Интуриста". Господина с усиками не провожал никто. — Багаж доставлен, — доложили мистеру Паттерсону. — Со мною еще кофр. — Паттерсон указал на своего спутника. — Багаж этого господина. Какой — то служащий остановился близ Паттерсона. Поглядел на кофр и ушел. У дверей зала его ожидали несколько человек. Одному из них он тихо сказал: — Подозрительный чемодан. — Но, Иван Николаевич, поскольку Ковригину нашли, там ее быть не может. — Могут спасти своего. — Думаете, Королев? — Все может быть. Вот что. Возьмите кого — нибудь из опытных таможенников и попробуйте, так сказать, по внешним данным определить содержимое чемодана, — приказал Пронин

подполковник}' Алчевскому. —

Слушаюсь

Через несколько минут Алчевский со служащим аэропорта и носильщиками подошли к Паттерсону. — Готовимся к погрузке, — сказал служащий. — Разрешите ваши вещи

Но ни мистер Паттерсон, ни его спутник не хотели оставлять кофр без своего присмотра. Они тоже пошли к выходу. Вещи Паттерсона уже были уложены на тележку, к ним добавили кофр и повезли к самолету. Пронин стоял у решетки, огораживающей летное поле. Алчевский быстро подошел к Пронину. — Иван Николаевич, там человек! —

Точно? — Товарищ, который укладывал багаж, ручается. Чемодан дышит. Вы понимаете — дышит! — В таком случае действуйте, — приказал Пронин. Паттерсон, провожающие, другие пассажиры стояли у трапа. Рядом на тележке находился багаж. Носильщики ждали команды к погрузке. Над всеми простиралось свинцово-сизое крыло самолета. К спутнику Паттерсона подошли двое служащих аэропорта. — Извините, — сказал тот, что был постарше. — Извините, но я вынужден спросить. Скажите, пожалуйста, что находится в этом кофре? Пресс-атташе "экзотической державы", как выразился о ней Флаухер, побледнел. — Мои вещи. Мои личные вещи. — А вы уверены, что это ваш кофр? — Я не понимаю — Извините, — сказала служащий. — Разрешите взглянуть У нас есть подозрения, что кофр подменили. — Ерунда! — вмешался в разговор Паттерсон. — Никто ничего не подменял, оставьте его в покое. — Простите, — настаивал служащий. — Вы действительно знаете, что содержится в этом кофре? — Станный вопрос! — раздраженно сказал господин с усиками. — Там мои бумаги, Личный архив. — книги Но этот кофр подменен, — еще раз повторил служащий. — Я прошу вас проверить содержимое своего кофра. — Незачем, — возразил Паттерсон. — Незачем, — повторил за ним еще более побледневший господин с усиками. — Тогда я буду вынужден задержать ваш багаж, — твердо заявил служащий. — Это не ваш кофр, и в нем не бумаги. — А я категорически утверждаю, что это его кофр! — столь же твердо настаивал Паттерсон. Служащий отрицательно покачал головой. — Пока вы не удостоверитесь, что в кофре бумаги, я не разрешу погрузки! Паттерсон сунул руку в карман и нащупал ключ, переданный ему Харбери. Этот служащий слишком настойчив С другой стороны, если даже там и есть какая-нибудь контрабанда, Харбери не такой дурак, чтобы положить ее сверху на случай, если таможенники или сам Паттерсон захотят заглянуть в кофр. Паттерсон не сомневался, что сейчас утрет нос этому советскому чиновнику и потом попросит присутствующего здесь Грегори пожаловаться в Министерство иностранных дел на возмутительное обращение с иностранцами Он вытащил ключ Но тут вдруг началась мистика. Загадочное явление совершалось на глазах у людей при свете белого дня! Кофр шевельнулся и ожил Леночка не знала, что предпринять. Но когда она услышала шум и бурный разговор, много голосов и много русских голосов, она решила Она напряглась

и принялась толкаться о стенки чемодана, толкаться и кричать: — Откройте! Откройте! — Что это, господин Паттерсон и господин простите, не знаю вашей фамилии? — спросил настойчивый служащий. — Вы слышите? Да, это была мистика, очень неприятная мистика для господина Паттерсона и его спутника. — Будьте добры Служащий аэропорта вежливо взял ключ из рук растерявшегося миллионера и передал своему сослуживцу. — Откройте, — приказал он. — Скорее! В одну минуту расстегнули ремни, повернули в замке ключ и откинули крышку

Леночка не смогла сама вылезти из сундука, ноги у нее онемели, и от страшной духоты она едва не потеряла сознание. Несколько человек бросились к ней и помогли встать на землю. — Господин Паттерсон, что же это? — укоризненно, но с неизменной вежливостью спросил служащий, который вел с ним разговор. — Вы видите? Последовала пауза — Да, вы правы, чемодан подменили, — заявил наконец Паттерсон. — Эта девушка эта девушка очутилась здесь без моего, то есть без его ведома — И Паттерсон ткнул своим длинным белым пальцем в сторону совершенно растерявшегося пресс-атташе. — Кто вы? — обратился служащий к Леночке. — Я? — Леночка пожала плечами. — Дочь профессора Ковригиной! — Но господин Паттерсон утверждает, что вы без его ведома попали в чемодан? — спросил служащий. — Правильно, — сказала Леночка. — Это правда, в чемодан я попала без его ведома!

Глава семнадцатая Заключительная Прочитав следственное дело, мне очень захотелось переписать протокол допроса Джергера. Разговор следователя с преступником. — Вы не знаете, Джергер, советских людей. — Ковригина — исключение. — Ковригина — типичный советский человек, такой же, как и ее дочь! — Может быть, здесь я и просчитался. — Вы не могли не просчитаться — Почему? — Нам дороги люди, а вам не дорог никто Но автору не разрешили ни списывать, ни цитировать Секретные документы! Им место в архиве. До них доберутся историки — Иван Николаевич, ну а с действующими лицами вы могли бы меня познакомить? — Попробую, — согласился Пронин. — Познакомлю, но не со всеми. Паттерсон и незадачливый атташе улетели в тот же день. Харбери выдворен из нашей страны, а Джергер отбыл в "места не столь отдаленные". Что касается

остальных Пронин
обещал позвонить — Дня
через три, — сказал он. И с обычной точностью позвонил через три
дня. — Вы располагаете сегодняшним вечером? — спросил меня
Пронин. — Мария Сергеевна Ковригина приглашает к
себе Дверь открыла нам
Леночка, узнать ее было нетрудно. Светлые русые волосы слегка
пушились над открытым лбом, из-под темных, резко очерченных
бровей смотрели вдумчивые карие глаза. — Знакомьтесь, — сказал
Пронин. Мы вошли в хорошо обставленный кабинет. Удобный
письменный стол, полированные шкафы с книгами,
тахта Навстречу нам
встала Ну, конечно,
Мария Сергеевна! Я представлял ее именно
такой — Ковригина, —
представилась она, подавая мне руку. Вслед за ней поднялись двое
мужчин, один — голубоглазый, с детскими губами, с закинутыми
назад русыми волосами, другой — с умным и волевым лицом, на
котором бросались в глаза громадный лоб и курносый мальчишечий
нос. Они были почти в одинаковых серых костюмах, но на одном
костюм висел мешком, а на другом сидел как мундир. Заочно они
мне тоже были знакомы. — Успенский. — Ткачев. Присутствующие
знали, что Пронин приедет не один; все здесь были знакомы между
собой, лишь мне одному предстояло войти в круг этих людей. — Я
звонил Глазунову, — сказал Пронин Марии Сергеевне. — Он тоже
хотел — Не приедет, —
уверенно сказала Мария Сергеевна. — Вот увидите! Он сейчас так
увлечен одной идеей —
Ну что ж, ничего не поделаешь, — заметил Пронин. — Основные
герои в сборе. — И, обращаясь уже ко мне, добавил: — Вот они,
ваши действующие лица. Они свое сделали, теперь дело за вами. Я
не умею сразу сходить с людьми, но в тот вечер мое знакомство с
героями этого романа произошло как-то легко и просто. — Леночка
после своего путешествия в чемодане болела неврастением ровно три
дня, — с улыбкой рассказывал Пронин. — А Марию Сергеевну из
одного санатория пришлось отправлять в другой, представители
"свободного мира" не пожалели на нее наркотиков. — Ну, это уже в
прошлом, — заметила Мария Сергеевна. — Сейчас началась рабочая
осень и у Леночки, и у
меня — А что вы скажете
писателю, Григорий Кузьмич? — В такой обстановке не хочется
ворошить опавшие листья, — отозвался Ткачев. — По-моему, все
очень ясно. Похищение организовали они неплохо, скажу как
специалист. Расчет на психологию. Подмена трупа, конечно,
наглость, но и математика. Вели обстрел по квадратам. А на
допросах, которые они учинили Марии Сергеевне, обнаружился их

просчет. Тут у них сорвалось! — Да, тут у них сорвалось, — повторил Пронин и повернулся ко мне. — Сорвалось не потому, что мы с Григорием Кузьмичом уж такие большие умники. Может быть, мы и не все предусмотрели. Но за нами — люди. Народ. Я допускаю, может случиться, и у нас выкрадут какой-нибудь технический секрет. Но разве это что-нибудь изменит? Главное наше оружие — человек, советский человек, его нельзя ни купить, ни сломить, ни победить. Во всем мире это начинают понимать. А враги Этим "секретным оружием" им владеть не дано. Ведь они и в свой народ не верят и не знают его. А честные люди встречаются даже в самых ответственных звеньях капиталистических государств. Вот Вайолет Чалмерс. Она далеко не советский человек, многого еще не понимает, а сердцем почувствовала, где правда. Не хочу предвосхищать события, но она обратилась с просьбой остаться в нашей стране В чем их просчет?

Воображают, что идет борьба отмычек, а на самом деле происходит борьба идеологий. В капиталистическом обществе человек живет ради денег, так они и воспитывают свою молодежь. Так они судят и о нас. В этом их просчет и неминуемая гибель Пронин вдруг замолчал, смущенно глядя на нас. — Кажется, я увлекся, — сказал он. — А ведь все это и без меня вам известно — Все известно, — согласилась Мария Сергеевна. — Но иногда мы об этом просто забываем В это время Леночка что-то тихо сказала матери. — Зови к столу, — отозвалась та. Мы перешли в кухню, в ту самую кухню, с которой и начался наш рассказ. На столе стояли и пирог, и маринованные грибы из подмосковных лесов, и бутылка шампанского, и запотевший графинчик с водкой. — Чем богаты, тем и рады, — сказала Мария Сергеевна. — Леночкино искусство, я хозяйства почти не касаюсь. Мы уселись за стол, и в это время телефонный звонок! — Я сейчас, мамочка! — воскликнула Леночка. — Это, вероятно, ко мне. Она побежала к телефону. — Звонил Георгий Константинович, — разочарованно сообщила она. — Извиняется, конечно, — подхватила, смеясь, Мария Сергеевна. — Никак не может и так далее. — Точно, — подтвердила Леночка. — Извиняется. Не может. — Как всегда, — сказала Мария Сергеевна. — Ему же хуже! Я впервые был здесь в гостях, а чувствовал себя как дома, я находился среди очень хороших людей. Но все — таки самым главным здесь был для меня Пронин. В который раз видел я это умное простое лицо, эти ясные серые глаза, эти суховатые бледные губы, и все — таки никогда не мог наскучить мне этот человек! — Знаете, Павел Павлович, у меня к вам предложение, — обратился он вдруг к

Павлику. — Пока мы еще не выпили, прошу обсудить. В самых трудных и сложных обстоятельствах Елена Викторовна не теряла головы. Помните, я говорил, что каждый из нас может быть чекистом. Елену Викторовну я с удовольствием взял бы на постоянную работу

Как вы думаете? — Нет-нет! — воскликнул Павлик. — Обойдитесь как-нибудь без нее, она будет врачом! — Слышите? — Леночка засмеялась. — Он уже решает за меня! Пронин говорил серьезно, а в глазах светились веселые искорки

И вот именно в этот момент опять раздался телефонный звонок. Леночка вскочила со стула. — Я сейчас И убежала из кухни. — Иван Николаевич, — позвала она, — вас! — Извините Пронин вышел

из-за стола. Вернулся он через две минуты и торопливо стал прощаться. — Вы уж на нас с Григорием Кузьмичом не сердитесь, нужно срочно ехать. Дела

По-видимому, кто-то еще нуждался в их помощи. В КОСМИЧЕСКУЮ ЭРУ 1 Все говорит о том, что это роман времен холодной войны. В "Секретном оружии" Льву Овалову удалось в очередной раз законсервировать дух времени, уловив общественные представления о добропорядочности и пороке. Именно поэтому последний роман о майоре Пронине так гармонично вписывается в концепцию серии "Атлантида". Современные политики полюбили спорить об однополярном мире. В "Секретном оружии" действуют люди, живущие в разных — полярных — мирах. В начале шестидесятых годов уже было ясно, что XX век войдет в историю как столетие двух соперничающих сверхдержав, каждая из которых навязчиво предлагала миру свой путь развития. Фултонская речь Черчилля возвестила о начале холодной войны — беспощадной, как средневековые крестовые походы. Сталин в своих программных заявлениях по международной политике был не менее грозен. Он говорил об обострении классовой борьбы

после Второй мировой, а Краснознаменный хор получил основания, чтобы страшить супостата песней: "Это шагает Советский Союз, это могучий Советский Союз, рядом шагает новый Китай!" В войну маневров были стянуты воистину огромные силы. У каждой из сторон были свои убедительные козыри. Инициатива переходила из одного лагеря в другой, весы Истории колебались. Разумеется, в такой ситуации особое значение получила разведка. Скрытая, тайная война после 1945 года оказалась предпочтительнее войны открытой. После смерти Сталина, по мере укрепления власти нового вождя, прежний монашеский стиль советского руководства уходил в прошлое. Наши вожди надели элегантные костюмы, плащи и шляпы, перестали сторониться международных контактов. Хрущев не выглядел коммунистическим гуру — скорее он напоминал

энергичного массовика — затейника, талантливое импресарио советской власти. На приемах он появлялся рядом с наряженным во фрак и бабочку американским президентом, манкируя устаревшими деталями мужского гардероба. Ладно сидевший деловой костюм Хрущева подчеркивал, что советская цивилизация устремлена в будущее, отсекает все лишнее. И впрямь — к чему париться в нелепой бабочке, когда фабрика "Луч" производит прекрасные длинные галстуки разных расцветок, да и товарищи из братской ЧССР не отстают на своей фирме Hedva—Прага Центротекс. А бабочки, фраки и смокинги мы оставим для официантов и музыкантов. В жаркую погоду Хрущев щеголял в свободной украинской рубаше — в ней было просторно и прохладно. И пускай этот плейбой Кеннеди завидует раскованности первого секретаря

В романе, принадлежащем космической эре, Овалов подчеркивает возросшую мощь советского государства и комитета его безопасности. В тридцатые годы мы еще были учениками великих разведчиков вроде Лоуренса Аравийского. Теперь Пронин был просто на голову выше своих противников. Как Гагарин всех обогнал в космическом противостоянии, как советские легкоатлеты на Олимпиаде 1960 года в Риме оставили позади хваленую американскую команду (а уж в исконно советских видах спорта мы им тогда вообще не оставили шансов)

В "Секретном оружии" вот уже пятое десятилетие хранится замороженный оптимизм того по—своему революционного времени. Тем, кто упрекнет Овалова в патриотической самонадеянности, мы советуем представить себе поведение современных российских пропагандистов, если бы сейчас, в XXI веке, наша страна добилась хотя бы десятой части тех успехов — "весомых, грубых, зримых"

2 Секретное оружие, о котором говорится в романе Льва Овалова, давно известно нашим читателям по "Военной тайне" Аркадия Гайдара. Помните Мальчиша — Кибальчиша? Да и герои "Медной пуговицы" одолевали превосходящие силы противника прежде всего своей неподкупностью и железной волей. Несокрушимый дух советского человека был темой многих произведений разных жанров. Популярный лозунг: "Слава народу — победителю!" превратился в пустые слова только для иронически настроенных молодых людей семидесятых. А в начале шестидесятых военная тайна Гайдара действовала успешно, покоряя космос, открывая силу лазера и обнимая победительного Фиделя Кастро

Об эту несокрушимую силу, для выразительности олицетворенную женщиной, и предстояло разбиться помыслам американских шпионов в романе Овалова. Космическая эпопея, конечно, стала самым важным событием эпохи. Запуски первых спутников, полеты

Юрия Гагарина и Германа Титова воспринимались как прямое продолжение Победы 1945-го. Что же дальше? Еще малость поднатужиться, потерпеть — и Страшно даже подумать, но Хрущев четко произнес это слово — “коммунизм”. Причем со смягченным “з” — такой говорок был у первого секретаря. Новый роман Овалова должен был отвечать требованиям времени. Превосходное, динамичное начало — на первых страницах автор знакомит нас с семьей талантливой советской ученой дамы и с одиссеей американского шпиона, которого засылают в СССР, чтобы склонить ученую даму к работе на США. Он должен доставить ее в Штаты — хоть по доброй воле, хоть силком. Хрущевский Советский Союз встречает засланного на самолете резидента добротой шоферов — бессеребренников и прекрасными пирожными в кафе “Огни Москвы”. Это было приметное местечко в гостинице “Москва”, над колоннадой. Великолепный вид на Александровский сад и Кремль поражал и москвичей, и гостей столицы. В “Огни Москвы” ходили и семьями — на пирожные, и мужской компанией — на коньяк. В этом заведении подавали и водку, а ассортимент холодных и горячих блюд не уступал ресторанам. С гостиницей “Москва” связан и сюжет “Голубого ангела” — что и говорить, историческое здание, концентрирующее эстетику советского времени. В девяностые годы кафе “Огни Москвы” пришло в упадок. Сейчас я пишу эти строки — а гостиницу “Москва” разбирают. По плану, на ее месте будет выстроена копия — в точности по замыслам архитектора Щусева. Конечно, это уже будет “не тот боржом”. “Москва” строилась не как копия, она строилась на века, была посланием целого поколения, посланием городу. Сейчас уже нельзя прикоснуться к тем камням, которые помнят майора Пронина, его коллег и противников. Историю нельзя повторить в папье-маше Я слышал, что в Третьяковке потускнели краски суриковского “Утра стрелецкой казни”. Есть предложение замазать Сурикова — и попросить художника Шилова сделать осовремененную копию картины, на старом холсте. Хорошо бы — фломастерами! 3 Говоря о пронианине, мы неизбежно возвращаемся к теме мирового классического детектива. Если уж майор Пронин стал советским Холмсом и Мегрэ, без сравнений не обойтись. Шерлок Холмс занимался любыми загадками — лишь бы нашлась работенка для дедуктивного метода. Но в глубине души эсквайр с Бейкер-стрит был британским патриотом — и иностранных шпионов разоблачал с особым хладнокровием. К шпионскому детективу относятся классические холмсовские рассказы Конан Дойла “Морской договор”, “Чертежи Брюса Падингтона”, “Его прощальный поклон”. Как неофициальное лицо, Холмс встречается с министрами, премьер-министром и влиятельными аристократами. Пронину тоже не привыкать к

аудиенциям у сильных мира сего. Советская элита тридцатых демонстрировала демократизм: с майорами ОГПУ свысока не общались даже наркомы. В "Голубом ангеле" появляется ворчливый номенклатурный товарищ Евлахов — но чувствуется (с подачи автора), что они с Прониным старые друзья, еще с Гражданской. Лубянские руководители контрразведки в прониинане не появляются: автор соблюдает секретность, а фантазировать на эту тему не желает. Как самодостаточный герой, майор Пронин не нуждался в начальстве, а как примерный чекист, он не перекладывал свою работу на плечи старших товарищей. Комиссар Мегрэ — защитник отверженных парижан — предпочитал находить трупы в городских кварталах, а в политические интриги впутывался с неохотой, да и то по преимуществу — во внутренне-французские. Мегрэ — специалист по уголовным преступлениям, знаток человеческой психологии, погруженный в урбанистический быт. Элементы политической сенсационности никогда не были основой героического образа французского комиссара полиции. С сильными мира сего он чувствует себя не в своей тарелке. Если министр оказывается простым и небогатым человеком — комиссар начинает его уважать и удивляется, что и в политическом бомонде водятся честные люди. Богачи и сибариты в романах Сименона бывают честными только в исключительных случаях. В стране майора, а затем и генерал-майора Пронина богачей нет и в помине. Обеспеченные люди, получившие от государства отдельную квартиру, сносную зарплату, бесплатный отдых во всесоюзных здравницах, заслуживают уважения, ибо являются прекрасными специалистами, профессионалами своего дела. Такими же, как генерал-майор Пронин в области контрразведки. Представители советской элиты могут зарваться, как Щуровский из того же "Голубого ангела": инстинкт хозяйчика проявляется в человеке в самые неожиданные моменты. Это путь предательства, приводящий зарвавшегося товарища к краху. В "Секретном оружии" Овалов рассказывает историю уважаемой советской семьи — семьи талантливых ученых. Никакого аскетизма в быту, но и никаких излишеств — условия, помогающие человеку эффективно трудиться. Дилемма двадцатых годов, когда нищенский быт истинных революционеров противопоставлялся жирующим мещанам — нэпманам, больше не актуальна. Социализм "в основном построен" — и материальное положение гражданина соответствует его вкладу в общее дело. Даже американские шпионы удивлены рациональной организацией советского общества. Им, акулам капитала, скучно в отсутствии звериной конкуренции. Они привыкли к острым ощущениям, привыкли стремиться к колоссальному обогащению — больше, больше, больше

Это не потребность в достатке, это фанатическое служение золотому тельцу. Именно такими представлялись Овалову американцы в

"Медной пуговице", и в "Секретном оружии" он продолжает тему. Верные слуги желтого дьявола, бизнесмены, связанные с разведкой, и разведчики, сколачивающие капитал, — вот американский контингент романа. Все они кажутся учениками генерала Тейлора из "Медной пуговицы". Но не все так просто, имеются и психологические нюансы: у некоторых американцев порой просыпается совесть. Главный герой из числа американских шпионов, судьбу которого мы прослеживаем с юности, не лишен обаяния. Он — профессионал, преданный своей присяге. Но ему противны грязные методы американской разведки, да и покровительственные начальственные похлопывания по плечу претят этому молодому человеку. Мир наживы превратил его в "раба лампы", в робота международного шпионажа — и в этом Овалов видит очередную "американскую трагедию". В "Секретном оружии" Овалову снова не изменяет фантазия. Интрига с похищением советской ученой и подброшенный фальшивый труп — это, конечно, замысловатая загадка. В былые года о подобных преступлениях майор Пронин говаривал: "Задумано было тонко, но враг не учел одного: где тонко, там и рвется". Получив генеральское звание, Иван Николаевич не стал наивнее. Он сразу почуял подвох, не поверив в гибель героини. А ей тем временем

внушали, что она уже в Америке, что вокруг — не подмосковные перелески, а какая-нибудь Оклахома. И вот на стол генерал — майора Пронина ложится дело о гибели двойника Ветеран КГБ окружен ореолом легендарной славы. О нем говорят: "С самим Дзержинским работал!" — и это чистая правда. Иван Пронин — один из творцов истории ВЧК — КГБ, отдавший контрразведке всю жизнь, начиная с Гражданской. Для молодых чекистов шестидесятих годов он был олицетворением благородной профессии защитника интересов Родины. Такой смысл придает постаревшему Пронину и Овалов. Как любимец публики, он ненавязчиво выходит на сцену в разгаре действия — и тонет в читательских аплодисментах: "Это — майор Пронин! Теперь уже генерал — майор". При Пронине осталась его знаменитая метода — вглядываться в суть вещей, верить в правду человеческих характеров. Он чужд излишней подозрительности. Время доказало правоту гуманистических убеждений Пронина, он не разочаровался в людях. Там, где другой принялся бы обвинять молодую девушку в легкомысленности, — Пронин найдет возможность поверить, понять, простить. Все вражеские замыслы будут биты, если мы проявим выдержку и терпение. Пронин уверен: сильный человек, мужчина, должен быть терпелив и по — кутузовски спокоен. Нравы иностранной деловой элиты и повадки лучших разведчиков мира Пронину известны назубок. Они уже неспособны удивить советского мэтра контрразведки. На вооружении у Ивана Пронина и классика марксизма — ленинизма. Еще в "Голубом ангеле"

он готовил доклад по статьям Энгельса. К "Секретному оружию" поседевший Пронин подошел еще более убежденным марксистом, о чем свидетельствуют его лаконичные нотации, предназначенные для молодых сотрудников. Из классики Пронин знает физиологию капиталистического общества лучше любых американцев. Он за много ходов вперед просчитывает их рефлексы. Известно Марксово мнение о капиталисте: "При 300% прибыли нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы". Иван Пронин знал: "Капитализм рождает бандита". Это надежное знание помогало ему всякий раз находить ахиллесову пяту в планах иностранных разведчиков. И не важно, прав ли был Пронин в комифотных понятиях нынешнего дня: история не выносит окончательных вердиктов. Главное, что марксизм помогал контрразведчику ощущать собственную моральную победу над противником. Главным завоеванием советской власти, по Овалову, была свобода от частной собственности и от духа собственничества. Этим сильны любимые герои пронииняны.

Собрав факты, Пронин быстро перебрал в голове несколько возможных отгадок — ему нужно было только выбрать верную. Поскольку в человековедении генерал — майор способен тягаться с самим комиссаром Мегрэ, ясно, что он не ошибется в диагнозе. Выходит, в "Секретном оружии" Пронин не получил достойного сопротивления? Шапками закидал всех шпионов? Такое решение романа было бы вульгарным. В "Секретном оружии" есть несколько эпизодов, когда читатель не уверен в положительном исходе дела. Ясно, что шпионов майор Пронин выведет на чистую воду — но гибель прекрасной женщины кажется вполне реальной перспективой и щекочет читательские нервы. Пронин по — прежнему скуп на слова. Мы прислушиваемся к его кратким, веским репликам, распознаем в его словах скрытую иронию или моральную поддержку собеседника. Что греха таить — нам хочется, чтобы в романе было больше Пронина. Чтобы он, как в "Курах Дуси Царевой", сам выезжал на место преступления, следил за двурушниками, до поры до времени утаивая даже от коллег свои дедуктивные открытия. Кажется, что сам Пронин не чужд ностальгии по старым добрым временам. Тогда он был молод — не те силы, не те чины. Теперь Пронин действует преимущественно руками своих подчиненных — хотя и преподает им гроссмейстерский урок своей беседой с несчастной обманутой девчонкой. Еще одна примета зрелого социализма в романе — новые, по сравнению с довоенным временем, приемы шпионов. Советского человека, воспитанного в послереволюционное время, уже нельзя соблазнить воспоминаниями о прелестях частной собственности, как это было с фотографом Основским в "Голубом ангеле". Теперь, чтобы войти в доверие к советской девушке, матерый шпион вынужден разыгрывать спектакль, изображая из себя сотрудника КГБ. Время показало, что

писатели шестидесятых находились в плену иллюзий, недооценивали собственнические инстинкты, присущие человеку. Но, в конце концов, шпионский роман "Секретное оружие" — не учебник по истории социальных отношений. Спор идейных противников — советской ученой дамы Ковригиной и ее коварного похитителя по фамилии Харбери — также весьма любопытен. Мы видим, что даже в экстремальной ситуации наша женщина крепче слабонервного шпиона. И супостат не выдерживает спора, с него слетает джентльменский лоск — он начинает говорить, как гангстер, как бешеный зверь. Соблазны и подкупы не прельстили женщину. Бросая проклятия советским фанатикам, сотрудник ЦРУ кричит, что прекрасно понимает эсэсовских палачей, которые не выдерживали презрительного взгляда этих железных людей — и вешали их, расстреливали в упор, жгли заживо. Он тоже готов вешать, стрелять, жечь — этот цивилизованный американец, взбешенный неприступностью нашей героини. "Мы свяжем вам руки, посадим в зубоаппаратное кресло и будем сверлить зубы, — продолжал он, входя во вкус собственных рассказов. — Это очень приятно, когда вам сверлят зуб за зубом! Мы не пощадим вашей стыдливости, посадим голый в железную клетку и выставим на обозрение солдат на одном из полигонов. Под кожу вам будут загонять иголки

То, что он говорил, было и страшно и гадко. Это было, пожалуй, более даже гнусно, чем сами пытки". Мораль романа ясна: великое секретное оружие — это не те чертежи, за которыми охотятся шпионы. Это наши люди, которые никогда не сдаются и не предают Родины. В финале Пронин пьет чай с учеными, которых спас. Они благодарно улыбаются, но звонит телефон — и Ивана Николаевича вызывают по делу. У седовласого генерала Пронина нет ни минуты покоя! Нужно защищать державу: Чтоб спокойно наши дети спали, Эти люди никогда не спят

Лев Овалов добросовестно относился к пронинскому циклу. Об этом говорит тот безотрадный факт, что в "Секретном оружии" мы не встречаем Виктора Железнова. Велик был соблазн передать Железнову бразды оперативной работы, когда постаревший Пронин стал генералом и озадачился исключительно вопросами стратегии. Кто, если не он — молодой герой рассказов и "Голубого ангела" — может считаться любимым учеником Пронина? Но Железнов погиб в перестрелке, погиб в финале романа "Медная пуговица" — и Лев Овалов посчитал воскрешение банальным приемом

К сожалению, ни один из молодых оваловских героев — чекистов не смог заменить Железнова для читателей. Новым образам не хватало оживляющего вещества литературной консистенции. Заметим, что Овалов не пользуется избитыми штампами детективов для оживляжа. Герои "Секретного оружия" не бросают курить, их не тянет в сон на

протяжении трудного дня, они не балагурят со знакомым барменом. 4 Развязка романа представляется несколько торопливой. Приятно, что майор Пронин вызволяет пленницу, разоблачает шпионское гнездо и вообще оказывается на коне. И все — таки признаем, что погоня в развязке выглядит искусственной по сравнению с предшествующими напряженными сценами из шпионской жизни. Зато финальная сцена сорвавшегося чествования майора Пронина безукоризненна. Именно так — в заботах — и должна проходить старость всенародного героя. Опыт генерал — майора Пронина востребован, а враги по — прежнему не дремлют. И Иван Николаевич снова в строю, снова на него вся надежда

На финальном пиру снова, как и в "Голубом ангеле", появляется образ автора — советского писателя. Спасенная ученая дама — Анна Сергеевна Ковригина — собрала в своей квартире участников приключения — чекистов и ученых. "На столе стояли и пирог, и маринованные грибы из подмосковных лесов, и бутылка шампанского, и запотевший графинчик с водкой". Идиллическое — с "мед — пиво пил" — завершение прониинской истории. Роман "Секретное оружие", в отличие от других произведений пронииняны, не снискал бурного читательского успеха. В шестидесятые годы читатель ждал от политического детектива большего документализма, а полеты фантазии Овалова казались неприемлемыми в повествовании о современной тайной войне. И все — таки отдельное издание "Секретного оружия" быстро стало библиографической редкостью. Роман не переиздавался вплоть до девяностых годов, как будто ждал своего часа. Для нынешних читателей особое значение придает "Секретному оружию" тот грустный факт, что это произведение стало лебединой песней пронииняны. Писатель признавался, что мог бы с легкостью продолжать цикл от рассказа к рассказу, от повести к повести. Острсюжетных замыслов хватало. Но Лев Сергеевич никогда не считал пронииняну главным делом своей литературной биографии. Писателя звали новые проблемные романы, а эксплуатация удачно найденного героя считалась в советской культуре дурным тоном. Это стало историко — литературным фактом: после "Секретного оружия" Лев Овалов больше не писал произведений о майоре Пронине, отдав эту богатую тему на откуп эпигонам и пародистам, не стеснявшимся нарушать авторские права. "Секретное оружие" стало последним делом майора Пронина, но мы еще вернемся на несколько лет назад, предлагая читателям в следующем, завершающем прониинский цикл, выпуске "Атлантиды", повесть "Букет алых роз". Эта книга была написана раньше "Секретного оружия", и хотя имя генерал — майора Пронина в ней не названо, его присутствие подразумевается. Мы признали майора Пронина знаковым героем — а это значит, что все оригинальные оваловские произведения, связанные с образом великого чекиста, не

перестают нас интересовать. Поэтому шпионская повесть "Букет алых роз" станет нашим подарком всем читателям, полюбившим непобедимого майора. Подарком, который спрятал от нас скромный писатель, но который дошел до нас сквозь годы, как прощальный букет, как намек на то, что майор Пронин еще обязательно вернется.